

146 В. НАЛИВКИНЪ и М. НАЛИВКИНА.

198

ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

ОСЪДЛАГО ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНИЯ

ФЕРГАНЫ.

70.30-1843

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета

1886.

Цenzурою дозволено. Казань, 4 іюля 1886 г.

КНИГА ИМЕЕТ
ДЕФЕКТ ОРИГИНАЛА
И
ДЕФЕКТ ПЕРЕПЛЕТА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

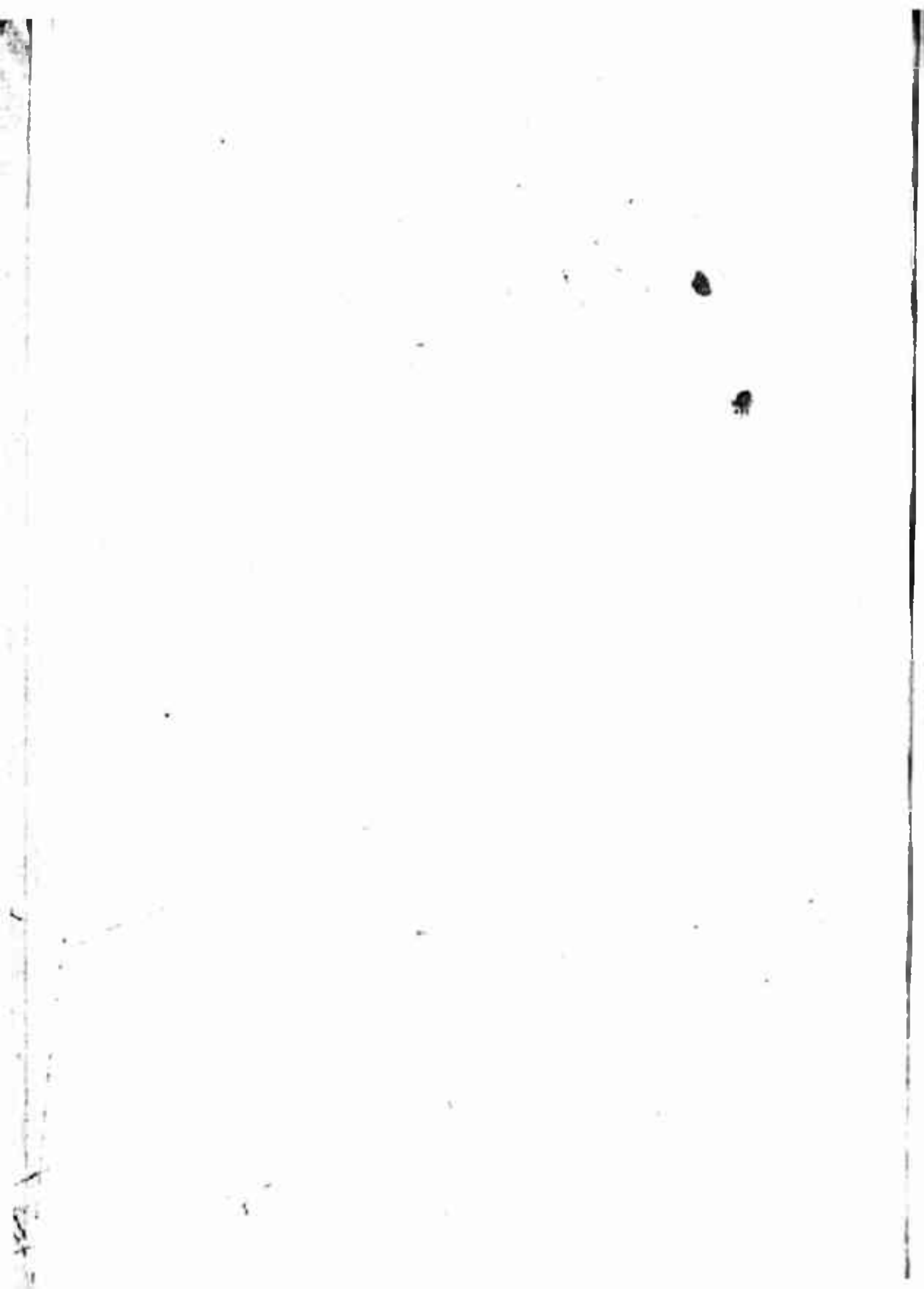
Малое сравнительно знакомство Русскихъ съ бытомъ какъ всего вообще туземнаго населенія, такъ главнымъ образомъ и съ бытомъ здѣшней женщины, подало намъ мысль подѣлиться съ читающей публикой результатами тѣхъ наблюдений, которыя намъ удалось произвести, проживъ въ-сколько лѣтъ среди сартовъ Ферганской области, при чемъ внѣшняя обстановка тогдашней нашей жизни была тоже вполне сартовская.

Это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ вѣкоторымъ знаніемъ языка, въ значительной мѣрѣ облегчило для насъ дѣло сближенія съ туземнымъ обществомъ.

Удалось ли намъ достаточно вѣрно и наглядно изобразить картину данной жизни и остаться достаточно же объективными — объ этомъ пусть судитъ самъ благосклонный читатель.

Мы будемъ вполне удовлетворены, если, не смотря на замѣченные ими недостатки, промахи и упущенія, читатель скажетъ все-таки, что нашъ скромный трудъ представляетъ для него вѣкоторую долю интереса.

Авторы.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

Фергана представляет собою долину, идущую въ направлении съ сѣверо-востока на юго-западъ и окруженную со всѣхъ сторонъ горными хребтами, разомкнутыми лишь въ югозападномъ углу послѣдней, у г. Ходжента.

Длина долины между Ходжентомъ и Узгентамъ (въ проекціи) равняется приблизительно 300 верстамъ. Наибольшая ширина между подошвами предгорій около 130, а наименьшая (у Махрама) около 30 верстъ. Въ продольномъ направлении Фергана рѣжется теченіемъ Сыръ - Дарья, образующейся изъ слиянія Нарына и Кара - Дарья въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ Намангана. Съ горныхъ хребтовъ сбѣгаетъ значительное число рѣчекъ и потоковъ, воды которыхъ, частью въ предгорьяхъ, а главнымъ образомъ по выходѣ изъ послѣднихъ въ долину, расходятся по громадной сѣти *арыковъ*, искусственныхъ оросительныхъ канавъ.

Главнѣйшіе, наиболѣе населенные, торговые и промышленные пункты — города — суть: Кокань, Маргелань, Андижань, Намангань, Ошъ и Чустъ. Кромѣ этихъ городовъ, по числу которыхъ теперешняя Ферганская область дѣлится на шесть соответствующихъ уѣздовъ, существуютъ *кишлаки* (селепія) изъ коихъ нѣкоторые, вродѣ Нефары и Риштана кокандскаго уѣзда, Шарихана и Ассабѣ — маргеланскаго и Узгента — андижанскаго, по своимъ размѣрамъ и количеству населенія отнюдь не уступаютъ такимъ городамъ, какъ Ошъ и Чустъ.

Въ зависимости отъ мѣстныхъ климатическихъ условій воздѣлываніе всѣхъ вообще культурныхъ растений (зерновыя растенія, овощи, фруктовыя и не фруктовыя древесныя породы) возможно только при условіи искусственнаго орошенія почвы, и потому воздѣланныя, культурныя земли, насаж-

денія древесныхъ породъ и осѣдность встрѣчаются тамъ только, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ возможно было провести рыки.

Если лѣтомъ взглянуть на Фергану *à vol d'oiseau*, то поверхность ея дна представителъ изсѣра-желтымъ фономъ песчаныхъ и солончаковыхъ, почти лишенныхъ пылк растительности степей, испещренныхъ зелеными пятнами самой разнообразной величины. Пятна эти — культурные оазисы, ютящіеся на большихъ и малыхъ системахъ мѣстной ирригаціи, красы и величія средней Азии.

Главнѣйшія, характерныя черты отдѣльныхъ оазисовъ настолько сходны между собою, что послѣдніе въ сущности различаются другъ отъ друга только по величинѣ. Въ общемъ каждый изъ большихъ оазисовъ, заключающій въ своихъ предѣлахъ городъ (или большой базарный кишлакъ), имѣетъ приблизительно такой видъ.

По наружному обводу (оазиса) находятся сравнительно большіе отдѣльные участки незагороженныхъ полей, на которыхъ производятся посѣвы преимущественно хлѣбныхъ, зерновыхъ растеній, люцерны, хлопчатника и марены. По мѣрѣ приближенія къ центру оазиса отдѣльные участки земли становятся меньше; обработка ихъ замѣтно улучшается; все чаще и чаще встрѣчаются поля, огороженные невысокими въ $1\frac{1}{2}$ — 2 аршина (высотой) глинобитными заборами, изъ-за которыхъ высятся тѣтъ (шелковица), тополь и др. деревья, а къ названнымъ выше посѣвамъ присоединяются: овощи (дыни, арбузы, морковь и лукъ), табакъ и изрѣдка виноградники. Далѣе незагороженныхъ полей почти нѣтъ; каждый отдѣльный участокъ по его обводу обсаженъ большимъ или меньшимъ числомъ деревьевъ, обыкновенно въ одинъ, много въ два ряда. По преимуществу это тѣтъ, тополь, талъ и джигда. Мѣстами темвѣютъ большія, раскидистыя кроны карагачей и грецкихъ орѣховъ. Хлѣбныя растенія почти совсѣмъ вытѣсняются овощами, люцерной и виноградниками; по дорогѣ все чаще и чаще встрѣчаются арбы, пустыя и съ кладью, конные и пѣшіе люди; по сторонамъ на каждомъ шагу видѣются сады съ виноградниками, грапатами, яблонями, грушами, сливами, черешней, орѣхами, тутовыми, тополевыми и карагачевыми деревьями; наконецъ начинается и самый городъ.

Улицы всегда очень не широки; нередко двѣ арбы или развѣзжаются съ очень большимъ трудомъ, задѣвая концами осей за заборы и стѣны домовъ, или же и совсѣмъ не могутъ развѣхаться, такъ что одной изъ встрѣтившихся арбъ приходится осаживать лошадь назадъ до перваго переулка, къ которому она и въѣзжаетъ, давая такимъ образомъ возможность проѣхать другой арбѣ. И такъ улицы узки. По обѣимъ сторонамъ ихъ сѣрые, глинобитные стѣны одноэтажныхъ, по большей части, домовъ съ плоскими земляными крышами и безъ оконъ на улицу; такіе же глинобитные заборы: маленькіе ворота и калитки; городскія горлицы, очень похожія на египетскихъ голубей; худыя, подозрительнаго вида и нередко опаршивѣвшія собаки на улицахъ, на крышахъ домовъ и иногда даже на заборахъ, откуда онѣ лаятъ на проходящихъ и проѣзжающихъ. Полунагіе, чумазые и всетаки нередко прехорошенькіе ребятишки обонхъ половъ играютъ въ уличной пыли, и если ихъ не давятъ ежедневно десятками, то потому только, что у сартовъ не принято ѣздить большими аялурами. Женщины-сартянки съ лицами закрытыми черной волосяной сѣткой, въ сѣрыхъ *паранджѣхъ*, халатахъ съ узкими длинными рукавами, накидываемыхъ на голову, при чемъ подолъ и концы рукавовъ волочатся или по крайней мѣрѣ достигаютъ до земли, по одной, по двѣ, съ ребятами на рукахъ, съ узлами шелковичныхъ коконовъ на головѣ двигаются планной, слегка торопливой походкой, напоминая своей сѣрой фигурой скорѣе музій, чѣмъ живыя человѣческія существа.

Сарты въ ситцевыхъ, тиковыхъ и рѣже шелковыхъ халатахъ или же въ бѣлыхъ и полосатыхъ рубахахъ на маверъ халата изъ мѣстной бумажной матеріи, въ чалмахъ и въ тибетейкахъ, босикомъ и въ ичигахъ съ калошами, пѣшкомъ, верхомъ и на арбахъ; евреи—красляцки въ тавихъ же приблизительно костюмахъ, но съ длиннѣйшими пейсами и съ вѣчно синими отъ краски руками; два-три индуса; киргизъ въ мѣховой шапкѣ на мялевыкой, худенькой кляченкѣ съ нѣсколькими верблюдами въ поводу; маленькій арыкъ поперекъ улицы, черезъ него въѣсто мостика небольшая каменная плита. На лѣво мечеть съ плоской же земляной крышей, открытая съ восточной стороны, внутри выштукатуренная бѣлымъ алебастромъ, съ нишами въ стѣнахъ, съ рѣв-

ными столбами и цестро раскрашеннымъ потолокомъ; на дворѣ прудъ обсаженный большими, тѣпкетыми карагачами; входная калитка внизу на аршинъ отъ земли задѣлана рѣшеткой, дабы въ мечеть не забѣгали животныя, могущія осквернить это священное для мусульманина мѣсто; входя сюда, правобѣрные бывають принуждены перелѣзть черезъ эту рѣшетку. **Базаръ.** Юще издали слышится неприятный, острый запахъ кунжутнаго масла, на которомъ тутъ же, на базарѣ, приготовляются разныя сѣдди; гуль нѣсколькихъ сотъ, если не тысячъ, голосовъ торгующагося люда, стукъ кузнечныхъ молотовъ и ржаніе коней. Изрѣдка откуда-то выносятся рѣзкій ревъ верблюда. На базарѣ улицы значительно шире, чѣмъ въ остальной части города. По сторонамъ ихъ лавки и лавочки обыкновенно очень небольшихъ размѣровъ; у большинства съ паружной стороны маленькіе навѣсы изъ камышевыхъ плетенковъ на тоненькихъ подпоркахъ изъ таловыхъ жердей; здѣсь работаютъ и торгуютъ кузнецы, шорники, сѣдельники, портные, серебрянники и мѣдники; въ перемѣшку съ ними *касабы* (мясники) и *бакалы* (мелочные лавочники) продають мясо, дыни, морковь, перецъ, лукъ, масло, рисъ и табакъ. Вотъ лавочка съ книгами; рядомъ съ ней парятъ и продають цельмени и пирожки; даьше выдѣлываютъ шубы; вотъ *кудушаръ* толстой карагачевой колотушкой отбиваетъ яркій, съ замысловатымъ узоромъ атласъ; *мадда* весь въ поту, съ вытаращенными въ экстазѣ глазами, размахивая руками и ударяя себя кулакомъ въ грудь, ходитъ большими шагами взадъ и впередъ и не своимъ голосомъ выкрикиваетъ біографію какого-то мусульманскаго святого. Далѣе цѣлый рядъ лавокъ съ войлоками, волосяными арканами, шерстяными мѣшками и др. подобными же издѣліями; продавецъ халвы во все горло оретъ: „*шокаръ-дакъ!*“ (какъ сахаръ); съ другой стороны, какъ бы въ отвѣтъ ему несутся: „*музъ-дакъ! шарбатъ!*“ (шербетъ! холодный какъ ледь!) На углу въ *чай-ханѣ* нѣсколько хорошо одѣтыхъ сартовъ сидятъ полукругомъ, лицомъ къ базару съ *батчѣй*, смазливымъ, разряженнымъ мальчикомъ по серединѣ, пьютъ чай и курятъ *чидымъ*, мѣстный кальянъ съ длиннымъ тростниковымъ чубукомъ. Далѣе длинныя, крытыя ряды лавокъ съ краснымъ товаромъ — ситцы, кумачи, тики, платки — все по преимуществу самыхъ яркихъ цвѣтовъ; це-

редь одной изъ лавокъ пѣлая компанія юродивыхъ.—*диванъ* въ высокихъ коническихъ изъ краснаго сукна шапкахъ—*кула*, съ длинными посохами, съ горлянками у пояса вмѣсто нашихъ нищенскихъ сумъ, нестройнымъ пѣніемъ выпрашиваетъ подаянія; лавочникъ старается не смотрѣть на нихъ и затѣваетъ разговоръ съ однимъ изъ проходящихъ мимо его сартовъ. По другой сторонѣ *исыркчи*, тоже юродивый, сидитъ въ толпѣ, окуриваетъ проходящихъ вонючимъ дымомъ травы — *исырка*, дабы охранить ихъ отъ приближенія шайтана и тоже выпрашиваетъ себѣ подаяніе. На лѣво пѣлый рядъ лавокъ съ разбѣганившимъ по стѣнамъ кусками атласа, кашеуса, *шаржака*, *адрыса* и др. шелковыхъ матерій; далѣе сидятъ *аштары* съ пугонницами, тесемками, лекарствами, зеркальцами, косметиками и др. мелочью; нѣсколько лавочекъ съ тюбетейками различнѣйшихъ цвѣтовъ и узоровъ. Въ кучкѣ звякъ аягачецъ заставляетъ плясать ученую обезьяну, показывающую, какъ солдатъ ходить съ ружьемъ, какъ охотникъ крадется къ дичи и проч. Въ большіе, открытые ворота являя внутренность каравансарая, просторнаго двора со сплошнымъ рядомъ маленькихъ *худжрѣ*, келій вдоль стѣны, съ громадными вѣсами, съ вѣроухами кожъ, желѣза, котловъ и кошметъ, съ пугатыми купцами — сартами; съ юркими, благообразными прикащлками; съ возчиками киргизами и наковецъ съ русскимъ чиновникомъ въ форменной фуражкѣ и съ толстой тетрадюю въ рукахъ.

Гдѣ нибудь не подалеку отъ базара или *урда*, гдѣ прежде помещался *бекъ* или *хакимъ*, управлявшій давнымъ владѣтвомъ, или цитадель, гдѣ теперь на барбетѣ стоитъ мѣдное, стараго образца орудіе и часовой въ бѣлой рубахѣ съ погонами и бѣлой же фуражкѣ. Далѣе изъ-за ряда густыхъ таловъ и стройныхъ тополей выглядываютъ окна и бѣлыя стѣны русскихъ домиковъ. Офицеръ въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ направляется къ цитадели; баба-солдатка веселъ куда-то на головѣ узелъ съ вымытымъ и накрахмаленнымъ бѣльемъ; русская барыня съ дочкой, въ шляпкахъ, подъ зонтиками; извозчикъ сартъ съ необычайно трясуцей пролеткой; нѣсколько солдатъ; русская лавка въ два окна съ вывѣской: „*Торговля бакалейными товарами*“; наискосокъ другая: „*Продажа нитѣй на выносъ*“; почтовая станція съ двумя клезеннаго цвѣта фонарными столбами; телеграфъ; ма-

лююдныя улицы, густо обсаженныя съ обѣихъ сторонъ деревьями; въ концѣ одной изъ нихъ длинная бѣлая казарма; тишь, а надо всѣмъ этимъ прозрачно-голубое небо, солнце яркое на столько, что на сѣрые, глинобитные заборы долго смотрѣть нельзя — такъ сильно блестятъ они, отражая ягучие, почти отвѣсные лучи, и въ заключеніе всего въ полдень $+41^{\circ}$ Ц. въ тѣни.

Кишлачныя, деревенскіе базары, конечно, гораздо меньше городскихъ; торговля ведется на нихъ главнымъ образомъ хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства; остальные товары всегда въ крайне ограниченномъ количествѣ, а многихъ изъ нихъ, предметовъ туземной роскоши, даже и совсѣмъ не встрѣчается. За исключеніемъ Кокана и Маргелана базарные дни бываютъ разь въ недѣлю. Въ теченіи остальныхъ шести дней кромѣ мясныхъ и овощныхъ лавочекъ, а также *чай-хана*, небольшое число другихъ лавокъ бываетъ открыто только въ городахъ.

Въ городахъ же съ заката и до восхода солнца на базарѣ могутъ оставаться одни только караульщики. (Мусульманская религія не совѣтуетъ торговать ночью, дабы не было конкуренціи съ тѣми торговцами, которые не могутъ почему либо торговать по ночамъ, во первыхъ, а во вторыхъ требуется, чтобы товаръ продавался при такихъ условіяхъ, когда онъ можетъ быть безпретентивно измѣренъ и осмотренъ).

Число базарныхъ кишлаковъ сравнительно велико. Такъ напр. въ намаганскомъ уездѣ на площади приблизительно въ 5600 кв. верстъ и около 100,000 душъ населенія число базаровъ—5.

Выше мы сказали уже, что существованіе культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оеѣдлости прежде всего здѣсь обусловливается возможностью проведенія арыковъ, а это послѣднее въ свою очередь зависитъ одинаково какъ отъ присутствія или отсутствія такихъ источниковъ, воды которыхъ могли бы эксплуатироваться съ цѣлями ирригации, такъ равно и отъ конфигураціи данной мѣстности. Но тѣмъ же причинами какъ величина оазисовъ, такъ равно и разстоянія между ними очень различны.

Преобладающіе размѣры кишлаковъ колеблются между 100—200 дворовъ. Тамъ, гдѣ главную массу населенія со-

ставляютъ кипчакъ, каракалпакъ, курамъ и недавно еще осѣвннѣ киргизы, киблаки сравнительно рѣдки и мѣсто ихъ заступаютъ отдѣльныя *курманчи*, хутора, окруженныя высокими, перѣдко зубчатыми, съ бойницами глинобитными стѣнами, которымъ въ былое, смутное время не разъ приходилось играть роль маленькихъ крѣпостей, отчего, собственно говоря, и получило ихъ названіе. (*Курманъ* — крѣпость. *Курманчи* — крѣпостца).

Здѣсь же скажемъ нѣсколько общихъ словъ о климатологіи описываемой нами страны. Весна вмѣстѣ съ началомъ полевыхъ работъ въ среднемъ наступать въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Въ вегетативномъ отношеніи она начинается появленіемъ нѣкоторыхъ травъ (пырей, *Iris*), а равно цвѣтеніемъ миндальныхъ и урюковыхъ (абрикосовыхъ) деревьевъ. Въ маѣ начинаются уже жары и наибольшая прибыль воды въ даръ и въ главнѣйшихъ горныхъ рѣчкахъ, обуславливающаяся усиленнымъ таяніемъ снѣга въ горахъ. Около этого же времени поспѣваютъ ягоды тута, урюкъ и ячмень. Въ іюлѣ снѣтъ пшевица. Въ іюлѣ виноградъ и кукуруза. Въ іюлѣ и іюлѣ ночи обыкновенно очень душы, и эта духота тѣмъ болѣе невыносима, что ночью же воздухъ кишитъ мириадами москитовъ и комаровъ. Въ августѣ жары начинаютъ понемногу спадать, ночи становятся прохладными, а москиты мало по мало пропадаютъ. Съ начала октября наступаетъ теплая и по большей части сухая осень. Къ концу этого же мѣсяца окончателъно поспѣваютъ *джугаръ* (сорго), хлопчатникъ и рисъ.

Зима съ температурою ниже 0° начинается обыкновенно въ концѣ ноября или началѣ декабря и продолжается до половины или конца февраля. Въ годы холодныхъ зимъ температура перѣдко падаетъ до 23° Ц.; въ общемъ же среднія температуры декабря и января мѣсяцевъ колеблются между 5° и 15° Ц.

Все сказанное отнесется исключительно ко дву долины (Наманганъ — 1340 фут. надъ уровнемъ моря; Маргеланъ — 1480; Коканъ — 1300; Андижанъ — 1512 ф. См. Карту Ферг. Обл. Изд. 1879 г.).

По мѣрѣ приближенія къ горамъ и постепеннаго повышенія мѣстности надъ уровнемъ моря, продолжительность лѣта и среднія температуры какъ его самого, такъ и цѣлаго

года уменьшаются. На высотѣ 4000 фут. джугаръ, рись, дыви, виноградъ, гранаты и хлопчатникъ уже не вызрѣваютъ, а въ сѣвооборотъ входятъ такія растенія, какъ лёнъ и просо, посѣвы которыхъ на днѣ долины почти не производятся вслѣдствіе малой сравнительно ихъ доходности.

Начиная съ этой же высоты, въ горахъ сѣвернаго хребта встрѣчаемъ березу, а далѣе, на 7—8000 ф. ель и рябину. На 10.000 ф. снѣгъ сходитъ не ранѣе конца апрѣля; снова начинаетъ выпадать (по обыкновенно растаиваетъ) съ половины сентября, а окончательно ложится въ половинѣ или въ концѣ октября.

Наибольшее количество атмосферныхъ осадковъ всегда приходится на горы. Какъ бы ни была тепла зима въ долинахъ, въ горахъ нижняя, предѣльная линия снѣга всегда лежитъ не выше 5—6000 ф.

Въ горахъ наименьшее количество осадковъ приходится обыкновенно на іюль и августъ, а въ долинахъ, послѣ теплыхъ, безснѣжныхъ зимъ на май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, а иногда даже и октябрь мѣсяцы.

Прежде чѣмъ перейти къ населенію Ферганы, мы попросимъ читателя сѣсть на лошадь и сѣхать съ нами малевькое путешествіе.

Теперь половина іюня и вы на Джайкѣ, въ горахъ, верстахъ въ 75 на сѣверъ отъ Намангана. Горы разступились и образовали Джайкѣ, широкую, зеленую долину, перерѣзанную съ востока на западъ двумя небольшими ручьями, впадающими въ Падшаату. Быстрая и прозрачная, она шумно бѣжитъ по каменистому дну у самыхъ горъ вдоль западной стороны долины. Березы, шиповникъ, аса-муса и барбарисъ разрослись по берегу; у нѣсколькихъ березъ подмыло корни; онѣ наклонились и низкими вѣтвями окунулись въ воду. Съ востока и запада то крутая, то пологая, зеленая высоты, мѣстами поросшія кустарникомъ, образовали *сам*, овраги, смотрящія устьями въ долину. Почти отвѣсная каменная гряда заперла Джайкѣ съ сѣвера, треснула по серединѣ и въ эту трещину, сажелей 10 шириною, такъ называемый *Кипчидай* пропустила Падшаату, которая шумитъ здѣсь, шѣнится объ береговые утесы и торчащіе со дна валуны, громоздитъ на нихъ обломки прирессенныхъ съ верху елей и

березъ и, перескочивъ черезъ послѣдній порогъ, шумно вылетаетъ изъ тѣснаго Канчигая на широкую долину Джайка.

Вонь изъ-за Канчигая видяются гранитныя громады съ темными пятнами по уступамъ и бѣлыми снѣговыми верхами. Тамъ верховья Кашка-су и Мингъ-Илгы, а темныя пятна, это еловые и другія рощи. Тамъ альпійская флора съ ползущей по землѣ арчей, похожей на нашу можжевельникъ, съ дѣлыми пространствами дикаго луна и мелкихъ, ярко-зеленыхъ альпійскихъ травъ въ перемежку съ громадами скалъ, съ медленно тающимъ подъ ними снѣгомъ, съ ударами и дикими козами. Ихъ единственными почти обитателями.

Не много ниже, по облогомъ скатамъ раскинулись громадные кусты роскошной зелени съ самыми яркими и прихотливыми узорами горныхъ цвѣтовъ, а по склонамъ темнѣютъ рощи расклевистой арчи и стройной ели въ перемежку съ рябиною.

Еще ниже береза, кленъ, яблоня, барбарисъ, малина и смородина, аса-мусъ, шиповникъ и другіе кустарники перемежались на днѣ глубокой и узкой лощины, обступивъ и закрывъ собою шумный, холодный потокъ, скачущій между обросшихъ мохомъ камней.

Но вернемся къ Джайку. По всей долинѣ раскинулись киргизскіе аулы по 5 - 6 и болѣе кибитокъ. Полдень. Почти жарко. *Турдуки*, боковыя кошмы, подняты и подоткнуты подъ *куруду*, арканъ, опоясывающій кибитку. По вечерамъ здѣсь все оживлено; вездѣ группы киргизъ, разсѣвшихся кружками на травѣ и слушающихъ рассказы своихъ краснобаевъ; ребята—подростки ловятъ и привязываютъ телятъ къ приколамъ и козлятъ къ аркану съ привязанными къ нему ошейниками, протянутому между двумя висящими, вбитыми въ землю колышками. Бабы съ маленькими деревянными ведерочками торопливо доятъ козъ и коровъ. Отовсюду доносится говоръ, ржаніе подогнанныхъ къ ауламъ лошадей, ревъ рогатаго скота и блеяніе козъ и барановъ — словомъ полное оживленіе. Теперь ничего этого нѣтъ. Тишина. Мужчины сняты по кибиткамъ; дѣти или тоже сняты, или же играютъ гдѣ нибудь по рѣчкѣ, и только бабы не покидаютъ своего вѣчнаго веретена съ пучкомъ овечьей или верблюжьей шерсти.

На самомъ верху ближайей горы, понуря головы и отмахиваясь хвостами отъ мухъ, стоитъ табуны лошадей: ниже по полугорѣ между кустами мелькаютъ неутомимыи козы, а внизу, у самой рѣчки, тяжело дыша, съ полузакрытыми глазами лежатъ отъбывшіеся на привольѣ быки и коровы.

Переждавъ жарь, садитесь на лошадь и ѣдете въ Намангань.

Дорога плоха и камениста, а потому, сдѣлавъ долиною, по берегу рѣчки вереть 20, доѣдете только до кишлака Навай, гдѣ заночуете у общаго знакомаго Муллы-Ташъ-бая. У него просторная, высокая *михамъ-хана* (комната для гостей на переднемъ дворѣ) и хорошепъкій, молодой садикъ съ большимъ арыкомъ чистой и холодной падишаатипской воды.

Теперь, впрочемъ, въ явайскихъ садахъ мало хорошаго. Всѣ деревья, за исключеніемъ такъ называемой осеппей красной яблони отцвѣли, а черешни и урюкъ здѣсь еще не успѣли. Черешня только что начала желтѣть, а урюкъ посидѣть не ранѣе двухъ-трехъ недѣль.

До Навая дорога, какъ мы уже сказали, идетъ долиной, то по самому берегу рѣчки, то уходитъ немного въ сторону, обходя заросли тальника, облепихи и др. кустарничкомъ, болотца и пашни, вперемѣлку тянущіеся до самого Навая.

Справа и слева горы, сначала высокія и покрытыя по сѣвернымъ склонамъ кустарничкомъ, ближе къ Наваяю становятся все ниже и безжизненнѣе и наконецъ у самаго кишлака постепенно сплываются съ широкой равниной Караванъ-дала, идущей на югъ отъ Навая вереть на 8, вплоть до горъ Боспу и Унгара.

Начиная съ Караманата (урочище верстахъ въ 12 выше Навая) вамъ попадались пашни; вы видѣли наливающіяся ячмень, пшеницу въ цвѣту, только что начинающій зацвѣтать ленъ, кукурузу всего съ аршинъ высотой и еще безъ всякихъ намековъ на початки, и всходы проса. Два-три киргиза попадались вамъ по дорогѣ въ бѣлыхъ войлочныхъ остроковечныхъ шапкахъ и желтыхъ изъ верблюжей шерсти халатахъ, на мѣленькихъ, заѣзжанныхъ лошадепкахъ.

Въ одномъ мѣстѣ четыре человека окучивали кетменями (мотыками) кукурузу; когда вы поровнялись съ ними, они подняли головы, обернулись, долго смотрѣли на васъ и по-

томъ всё четверо сразу громко о чемъ-то заговорили. Ближе къ Наяю въ двухъ-трехъ мѣстахъ мы видѣли людей босикомъ, съ засученными выше колѣнъ штанами, съ подоткнутыми длинными рубахами и съ кетменями въ рукахъ; они разводили пущенную изъ арыка воду на посѣвы льна и курузы.

Чимыиъ, маленькія горныя мухи, безпокоили вашу лошадь; она отчаянно мотала головой всю дорогу, вырывала у васъ изъ рукъ поводъ и такъ васъ замучила, что вы какъ убитый засыпаете въ саду подъ тихій шепотъ листвы и быстрого арыка. Спите спокойно. Ни комаровъ, ни мошекъ, ни скорпионовъ, ожидающихъ васъ дальше, здѣсь нѣтъ. Подъ утро будетъ свѣжо, но заботливый хозяинъ давно уже приготовилъ для васъ туземное, ватное одѣяло.

На слѣдующее утро, позакусивъ, садитесь на лошадь и дальше. Жарко, скакать не приходится, а потому плететесь шагкомъ.

Отъ Наяя до подошвы Унгара дорога вьется по равнинѣ Каравапа между полями пшевицы, проса, льна и пара. Если-бы не Унгаръ съ его гранитными скалами и зеленой верхушкой, вы забылись бы и вообразили бы себя ѣдущимъ по русскому проселку. Тѣже поросшія травой межи бѣгутъ отъ дороги и теряются въ посѣвахъ; таже изрытая колесами, малоѣзжая дорога; тотъ же трескъ кузнечиковъ; тѣже насильки выглядываютъ изъ пшевицы; тѣже перепела и жаворонки.

Обогнувъ кишлакъ Мамай по подошвѣ Унгара, вы переѣзжаете каменистое, съ верету шириной, русло Падшааты, разбившейся здѣсь на нѣсколько арыковъ и, оставя направо Заркентъ, по все болѣе и болѣе пыльной дорогѣ выѣзжаете на ровную, голую, опаленную солнцемъ Искаватскую степь. Чѣмъ дальше, тѣмъ становится все жарче и жарче. Скоро полдень; вѣтеръ почти совсемъ стихъ; у васъ начинаютъ болѣть голова и глаза слипаются.

Передъ вами два киргиза, нѣшій и конный, гонять стадо курдючныхъ барановъ; вытянувъ шею и тыкаясь мордами въ землю, они подняли цѣлую тучу столбомъ стоящей, тончайшей лѣссовою пылью. Это купеческій гуртъ. Онъ пришелъ изъ Ауля-ата изъ Токмака черезъ горы. Два—три

жирныхъ барана, захромавшихъ въ дорогѣ, на каменистомъ горномъ перевалѣ, коняляють на трехъ погахъ.

Крехтя и кашляя отъ пыли, ваша лошадь обогнала стадо рысдой и опять пошла шагомъ. Все жарче да жарче. По сторонамъ ровная, порослая *шудкомъ* степь; ни дерева, ни другой тѣни, гдѣ можно было бы отдохнуть. Въ-во Ялаячдгъ, а прямо Искаватъ кажутся висящими на воздухѣ.

Мѣстами желтѣють поля пшеницы—*лютчакъ* съ темнымъ, почти коричневымъ колосомъ совсѣмъ безъ остя. Вонь вдаль мелькнули три—четыре бѣлыя точки. Это *уракчи*—жнецы; здѣсь уже начали жать пшеницу. Но вотъ Искаватъ спустился на землю; вотъ опять все ближе и ближе; вотъ первое встрѣченное вами, темнозеленое поле высокой, похожей на тропическій тростникъ широколиственной джугары.

Вотъ начались низенькіе, глинобитные, мѣстами развалившіеся заборы *тайтовъ*, огороженныхъ отъ скота мѣсть, съ ящичной или другимъ посѣномъ внутри, обсаженныхъ вдоль стѣнъ урюками, тутомъ или тополями.

А вотъ и собственно кишлакъ начался. Пошли высокіе заборы съ маленькими воротами и калитками.

Вонъ направо изъ-за забора взвился цѣлый рядъ стройныхъ кокандскихъ тополей; надъ-во старый раскидистый персикъ перекинулся черезъ заборъ своими запятыми сучьями съ зелеными еще, жесткими плодами; вонъ рядомъ съ нимъ коренастый урюкъ со спѣлыми орапжевыми ягодами. Вы остановили подъ его вѣтвями у забора лошадь, поднялись на стремянахъ, чтобы сорвать ближнюю ягоду и неосторожно дернули вѣтку; красивый, переспѣвшій урюкъ оторвался, шлепнулся на землю и превратился въ грязную лепешку. Но вотъ и *равитг* (настоящій дворъ).

Почти у самой дороги квадратный, саж. 2—3 въ сторону, прудъ, обсаженный густыми талаями. Подъ ними *суна*, земляное возвышеніе, вѣчто прудъ большой лежанки, съ разостланными кошками и паласами для сидѣнья. Кругомъ навѣсы и конюшни на случай непогоды, а все это обнесено съ трехъ сторонъ, высокой, глинобитной стѣной; изъ-за нея слышенъ плачь ребенка и крикливый жепекій говоръ. Тамъ *ичкари*, внутренній дворъ, гдѣ живетъ скрытая

отъ постороннихъ главъ семья ховяина. А потъ и онъ самъ въ губетейкѣ и длинной, на манеръ халата рубахѣ, подпоясанный широкимъ, въ нѣсколько разъ обмотаннымъ вокругъ живота синимъ, бумажнымъ поясомъ.

Занскиваяще улыбаясь, онъ привѣтствуетъ васъ обычнымъ *селямоль*, складывая руки на животъ, затѣмъ хватается подъ уздцы вашу лошадь и, наскоро привязавъ её, усаживаетъ васъ на кошму. Сказавъ еще одно привѣтствіе: „*хдишъ килъбъ сыза*“, равнозначущее нашему „*милости просимъ*“ и справившись о вашемъ здоровьи, онъ бѣжитъ въ *ичкари* за *куніаномъ* чаемъ и подвосомъ съ лепешками, урюкомъ, яйцами и пр.

Въ его отсутствіи вы захотѣли напиться, зачерпнули чашкой воды изъ пруда, но тамъ инфузорій оказалось больше, чѣмъ воды. Въ этомъ отношеніи Искаватъ отвратительное мѣсто, вода по очереди пускается сюда изъ Падшааты разъ въ 10 дней, а ключей нѣтъ.

Передохнувъ, закусивъ и распрощавшись съ хозяиномъ, который долго ломался, не соглашаясь якобы взять съ васъ денегъ, ѣдете далѣе.

За Искаватомъ ниль еще невообразимѣе, и идетъ она перестъ 5—6 до Булакъ-башы и Наукѣпта включительно. Здѣсь вы въѣзжаете въ культурный оазисъ, тянущійся по дну широкаго оврага вплоть до самаго Намангана.

Вотъ вы миновали ключи, переѣхавъ ихъ воды по мосту съ земляной настилкой и вѣчной дырой по серединѣ. Потянулись поля джугары, хлопчатника и кукурузы, сады и хаты.

Нарѣдка начинаютъ попадаться виноградники съ лозами, обвившими большія, въ сажень и болѣе высокой, дуги, соединенныя между собою жердями. Вотъ и Наукѣптъ, небольшой кишлакъ, гдѣ когда-то жилъ Худояръ — Хавовскій бекъ, правившій народомъ Дома, какъ и вездѣ въ Азіи, внутри дворовъ, при чемъ на улицу смотрятъ только глинобитные заборы и стѣны съ маленькими воротцами или калитками. Вотъ скринить *джудъзъ*, масленка донотопной конструкции; вотъ мелочная лавочка съ сушенымъ урюкомъ, рисомъ, *насайемъ* — табакомъ вродѣ нашего нюхательнаго, который туземецъ кладетъ за щеку; льявымъ или кувжут-

нимъ масломъ въ узкогорлой горлянкѣ и не поддающимся описанію хламомъ въ дальнемъ углу.

Ночь неуставно шумящая, маленькая туземная водяная мельница; ночь мечеть, большой ячѣсъ внутри дворика съ прудомъ, обсаженнымъ карагачами, а дальше безкопечные сѣрые заборы, высокіе и низенькіе, съ выглядывающими изъ за нихъ деревьями.

На каждомъ шагу большіе и малые армки съ мостиками и безъ мостиковъ, а вдали, по сторонамъ, голыя, изжелта-сѣрая высоты.

Шеница здѣсь сжата уже и стоитъ или въ копнахъ, или въ большихъ стогахъ, около которыхъ мѣстами приготовлены хирмамы, круглыя, расчищенные и обильно политыя водой площадки, на которыхъ будутъ молотить этотъ хлѣбъ. Вотъ навстрѣчу намъ попадается цѣлый рядъ арбъ съ заплевыми лошадьми и арбаками. Это везутъ дыни; въ Намавганѣ и дальше къ Дарѣ онѣ уже поспѣли. Везутъ ихъ въ Искаватъ, гдѣ ихъ мало сѣютъ за недостаткомъ воды, въ Мамай, Нанай и предгорья, гдѣ онѣ вовсе не родятся за недостаткомъ жара.

Хлѣбъ съ урюкомъ и хлѣбъ съ дынями— это почти исключительная лѣтняя пища здѣшняго осѣдлаго населенія.

А новъ влѣво, на полугорѣ, кто-то ужъ началъ молотить ячмень или шеницу. Часть стога разостлана на хирмамы слоемъ въ аршинъ толщиной; мальчишка лѣтъ 8—9 верхомъ на высокой, худой лошади ѣздитъ вокругъ хирмамы, волоча за собою *вазъ*, треугольный плетень аршина 4 въ сторонѣ съ набросанными на него, для большей тяжести, свопами.

Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ чаще и чаще попадаются виноградники, а синіе изъ грубой туземной бумажной матеріи халаты все быстрее и быстрее смѣняются русскимъ ситцемъ, *сумсамдй* и *адрысомъ*.

Новъ молодой загорѣлый сартъ перепаживаетъ маленькое поле убранный уже шеницы. Здѣсь поспѣютъ морковь, и она успѣетъ вырасти къ началу или серединѣ октября. Пара худыхъ, старыхъ воловъ медленно тянетъ немудрый туземный плугъ, не обращая вниманія на прутья и помпупные покрикиваніе: „*хо-дшь, ходшь, кдыль!*“ Вечерѣетъ. Жаръ начинаетъ смѣняться духотой южнойочи. Вы въѣзжаете

въ Наманганъ, потонувшій въ садахъ, въ пыли и въ сира-
дѣ удушливаго дыма полыни, на которой готовятъ вечернюю
трапезу.

Пожелать вамъ спокойной ночи сегодня, значитъ зло
посмѣяться надъ вами. Дорога, зной и тряская киргизская
лошаденка, кажется, уже въ конецъ разбили васъ; повиди-
мому, вамъ стоитъ только лечь, чтобы тотчасъ же заснуть,
но не тутъ-то было. Страшная духота и мириады москитовъ
не дадутъ уснуть вамъ, только что покинувшему прохлад-
ную горную пастбища.

Туземное население Ферганы въ бытовомъ отношеніи
подраздѣляется на двѣ большихъ группы: *осѣдлое*, обитаю-
щее въ долинахъ и *кочевое* — главнымъ образомъ въ горахъ и
предгорьяхъ, гдѣ кромѣ скотоводства оно имѣетъ еще и за-
паски, почему правильнѣе было бы называть его не коче-
вымъ, а полукочевымъ, такъ какъ зимовки съ находящими-
ся при нихъ запасками всегда постоянныя, а лѣтомъ аулы
выходятъ изъ года въ годъ на одни и тѣже горныя пастбища.

Въ настоящее время осѣдлые составляютъ значительное
большинство. Такъ напр. въ наманганскомъ уѣздѣ на 13,500
домовъ (осѣдлыхъ) приходится только 3000 киргизскихъ
юртъ или кибитокъ.

Въ расовомъ или племенномъ отношеніи осѣдлое на-
селение Ферганы, носящее общее названіе *сартовъ*, состоитъ
изъ *узбековъ* (или *тюрковъ*) и *таджиковъ* (¹).

Сарты-узбеки, говорящіе на тюркскомъ языкѣ, суть пре-
жніе кочевники узбекскихъ родовъ Кыргызъ, Багышъ, Киччакъ,
Каракалпакъ, Курама, Мипгъ, Юзъ, Кыркъ и др., осѣвшіе
здѣсь въ разное время и принявшіе земледѣльческій культъ
мѣстныхъ аборигеновъ таджиковъ. [Замѣтимъ между прочимъ,
что осѣданіе это въ силу совокупности разнаго рода причинъ
непрестанно продолжается и въ настоящее время]. Въ предѣ-
лахъ Ферганы въ численномъ отношеніи сарты-узбеки зна-
чительно преобладаютъ надъ таджиками. Немногочисленныя

(¹) Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей есть еще не-
большое число евреевъ, персидцевъ и индусовъ.

сравнительно поселенія послѣднихъ, говорящихъ на варѣчин персидскаго языка (Касань, Чустъ, Камышь-Курганъ, Канибадамъ, Исфаръ, Варухъ, Сохъ и др.) лежатъ вдоль подножья окружающихъ долину хребтовъ и указываютъ на тѣ пункты, изъ которыхъ какъ изъ центровъ, происходило постепенное разрастаніе существующихъ выптѣ культурныхъ оазисовъ долины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время вся разница между осѣдыми узбѣками и таджиками заключается, собственно говоря, только въ одномъ языкѣ. Религія, образъ жизни, привычки и обычаи, все это настолько одинаково, что далѣе мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ осѣдую женщину — узбечку, называя её общимъ именемъ *сартяжки*, т. е. такъ, какъ это принято между русскими, живущими въ средней Азии.

Воспринявъ земледѣльческій культъ таджика, узбѣкъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ таджика же персидскія названія многихъ кушаній, большей части теперешней его утвари, разнаго рода инструментовъ, орудій, строительныхъ терминовъ — словомъ всего того, что отсутствовало въ прежнемъ кочевомъ быту узбѣка, а потому не имѣло и названій на его узбѣскомъ, тюркскомъ языкѣ.

Въ тоже самое время не меньшее количество персидскихъ словъ внесла въ современнѣйшій намъ сартовскій (тюркскій) языкъ и принятая имъ персидская литература (¹), а принятіе ислама ввело массу арабскихъ словъ (преимущественно названія отвлеченныхъ предметовъ, юридическіе и богословскіе термины, а равно и большинство собственныхъ именъ).

Такимъ образомъ въ современномъ намъ сартовскомъ (тюркскомъ) языкѣ половина почти словъ персидскія и арабскія.

Постепенно соприкасаясь съ таджиками, читаю почти исключительно на персидскомъ языкѣ, хвастанся знаніемъ этого языка и его литературы и, наконецъ, въ значительной

(¹) Большинство книгъ на персидскомъ языкѣ. На немъ же до прихода сюда Русскихъ писалося большая часть разнаго рода документовъ и официальныхъ бумагъ.

степени смѣшавшись съ таджиками путемъ браковъ, узбекъ, особенно городской житель, да если онъ при томъ еще и *мулла* (грамотный) значительно смягчалъ твердое произношеніе своего родного языка, а пойдя далѣе, отчасти и ископерялъ его.

Киргизъ говоритъ *кыммалдыды* (шевелится); сартъ *кыммалдыды*, но зато вмѣсто правильнаго *хлѣбъ*, сартъ часто говоритъ *хлѣмъ*; вмѣсто *чай* — *чди* и т. п.

Преимущественнымъ занятіемъ осѣдлаго туземца въ Ферганѣ до сихъ поръ было земледѣліе.

Главнѣйшими причинами этого слѣдуетъ считать: во-первыхъ, значительную сравнительно доходность мѣстнаго земледѣльческаго труда, являющуюся въ результатъ продолжительности вегетативнаго періода, высокихъ температуръ лѣта, и существованіе искусственнаго орошенія почвы; во вторыхъ, отсутствіе тѣхъ положительныхъ знаній и др. условій, безъ которыхъ невозможно развитіе широкой и достаточно доходной индустріи; въ третьихъ сравнительную незначительность жизненныхъ потребностей туземца, зависящую, какъ отъ климатическихъ условій, такъ равно и отъ крайне слабаго и прогрессивнаго движенія народнаго ума, что въ свою очередь происходитъ на столько-же подъ вліяніемъ религіи и народныхъ привычекъ, на сколько и въ слѣдствіе географическихъ условій, отдѣлившихъ эту страну, да и всю Среднюю Азію, тысячами верстъ песчаныхъ степей отъ болѣе цивилизованнаго міра. Правда, что частичка этого послѣдняго волею историческихъ судебъ перенесена сюда, но пока она внесла еще очень и очень мало того, что могло бы серьезно вліять на прогрессивную сторону туземной жизни. Это повято, впрочемъ. Перевесенные сюда элементы далеко не изъ тѣхъ, которые могли бы дѣйствовать въ давномъ направленіи прямо и активно. Вліяніе ихъ, по большей части, косвенно.

Такое активное вліяніе могутъ современемъ оказать только тѣ элементы, которые привесутъ съ собою знаніе и капиталъ, а этого можно ожидать не ранѣе того времени, когда колонія будетъ связана со своей метрополіей удовлетворительными, по жизненнымъ условіямъ вѣка, путями сообщенія.

Четвертою причиною главенства земледѣлія слѣдуетъ признать религію илія, вѣрѣе, тѣ взгляды, которыя она устанавливаетъ на этотъ родъ труда. Въ *шаріатѣ*, напр. упоминается между прочимъ, что земледѣльцы, живущіе исключительно земледѣліемъ и лично обрабатывающіе землю, при условіи исполненія ими нравственныхъ заповѣдей (*фарзъ*), лежащихъ на пахарѣ, и аккуратнаго вноса установленныхъ исламомъ податей, именуются *амраф-уль-амрафъ* (благороднѣйшіе изъ благородныхъ), при чемъ въ *меджлисахъ* (сборищахъ, засѣданіяхъ) они имѣютъ право сидѣть по правую руку Султана, рядомъ съ учеными и судьями, тогда какъ всѣ вообще чины административныя и военныя помѣщаются по лѣвую руку своего повелителя.

Есть маленькая, сама по себѣ очень не мудрая, книжка, носящая названіе: „*Рисалъ-и-диқанчилькъ*“ — земледѣльческая *рисалъ* (*рисалъ* — посланіе, трактатъ). Въ *рисалѣ* этой, кромѣ изложенія земледѣльческаго завѣта, тѣхъ нравственныхъ обязанностей (вродѣ правдивости, щедрости и пр.), которыя лежатъ на земледѣльцѣ, говорится еще и о томъ, что земледѣліе имѣетъ за собой божественное происхожденіе; что первый плугъ былъ сдѣланъ Ангеломъ Гавріиломъ изъ райскаго дерева *туби*; что оттуда же были выведены первые быки и былъ вырѣзанъ первый хлыстъ изъ кустарника *каурданъ*; говорится тамъ, что Гавріиль пронелъ нѣсколько первыхъ бороздъ самъ и потомъ передалъ плугъ въ руки перваго пророка Адама; что земледѣліе — лучшее изъ занятій человѣческихъ, такъ какъ, предаваясь ему, человѣкъ легче можетъ сохранить свою нравственность; оно велико уже по одному тому, что плодами рукъ земледѣльца считаются равно и бѣдные, и богатые, и слабые и сильныя, и малые и великіе.

Книжка сама по себѣ очень не мудрая, а въ концѣ даже нѣсколько подловатаго направленія, ибо составлявшіе ея *улемы* (книжники; богословы), не забывая и себя, страшатъ богобоязненныхъ всякими ужасами ада, не исключая и подобія свиньи, предстоящаго на томъ свѣтѣ тѣмъ злочестивымъ, которые не захотятъ давать имъ, духовенству, *такъ-улу*, небольшую часть урожая; но тѣмъ не менѣе было значеніе этой *рисалъ* далеко не малое.

Теперь, когда житейская роль многихъ сторонъ ислама въ средѣ мѣстнаго населенія рушится на нашихъ глазахъ

настолько, что не замѣчать этого могутъ только очень близорукіе, рисалъ въ загонъ и её не всегда даже можно раздобыть, но прежде, и сравнительно еще очень недавно, за нѣсколько лѣтъ до прихода сюда русскихъ, каждый маломальски солидный земледѣлецъ, прежде чѣмъ вывести въ первый разъ своей плугъ на работу, варилъ *палду*, кормилъ имъ домочадцевъ и работниковъ, читалъ послѣднимъ, или заставлялъ кого либо читать, вслухъ рисалю, мазалъ льнянымъ масломъ рога воловъ, дабы предохранить ихъ отъ разныхъ болѣзней и тогда только приступалъ уже къ работѣ.

Какъ бы то нибыло, но за земледѣлемъ до сихъ поръ еще очень прочно держится роль главенствующаго занятія осѣдлаго туземца, на столько прочно, что напр. въ сферѣ наиболѣе состоятельныхъ мѣстныхъ торговцевъ, имѣющихъ дѣла даже и съ Россіей, нѣтъ почти ни одного такого, который вполне отрѣшился бы отъ земли, при чемъ возрастаніе капитала въ большинствѣ случаевъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, на сколько расширеніе торговыхъ аферъ, на столько же и увеличеніе площади, обладаемой даннымъ лицомъ, земли.

Замѣтимъ здѣсь же, что это же самое возрастаніе капитала у громаднаго большинства крайне мало вліяетъ на улучшеніе обстановки и образа жизни. Самыя незначительныя улучшения въ домашней, повседневной пищѣ; лишняя прислуга и нѣсколько приживающихся; нѣсколько лишней мѣдной и фарфоровой посуды, подушекъ, ковровъ и одѣялъ; лишняя шелковая рубаха и халатъ (или бешметъ) у жены; значительное расширеніе одного только гостепрѣимства, да и то не всегда, — вотъ и все.

Есть масса купцовъ, имѣющихъ десятки тысячъ наличнаго капитала и не отягчающихся ни по внѣшности и костюму, ни по образу обыденной жизни, отъ самаго зауряднаго мужика.

Врядъ-ли половина лицъ, непосредственно занятыхъ земледѣлемъ, т. е. обрабатывающихъ землю своими руками, имѣетъ свои же собственные участки, такіе по крайней мѣрѣ, которые могли-бы достаточно обезпечивать своихъ хозяевъ приносимымъ ими (участками) доходомъ.

Большинство землепашцевъ обрабатываетъ чужую землю въ качествѣ частью временныхъ, однолѣтнихъ, рабочихъ (чад-

ригёръ или комчи), частью-же въ качествѣ болѣе или менѣе долгосрочныхъ арендаторовъ—*керандд*.

Поденный трудъ при земледѣльческихъ работахъ эксплуатируется исключительно въ пригородныхъ мѣстностяхъ и городахъ и никогда почти въ кишлакахъ. *Чадринёръ* или *комчи* въ большинствѣ случаевъ предлагаетъ свой личный трудъ, имѣя отъ владѣльца земли зерно, плугъ и воловъ, или лошадей. На его обязанности лежатъ: пахать, поливка и надзоръ за посѣвами, ихъ молотѣба и окончательная уборка, а также уходъ за рабочимъ скотомъ. Овучиваніе дынь, джугары, кукурузы и хлопчатника производится обыкновенно особыми рабочими — около городовъ поденщиками, а въ кишлакахъ, по большей части, взаимной *идмочью* (*ашдра*). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ расходы несетъ или одинъ хозяинъ, или пополамъ съ *чадринеромъ*.

Жнитво также не лежитъ на обязанности послѣдняго и производится всегда особо наняемыми жнецами (¹) Трудъ ихъ оплачивается *чадринеромъ* и владѣльцемъ земли изполу и всегда почти зерномъ. Уплата производится послѣ уборки, а во время жатвы жнецы всегда получаютъ пищу.

Между прочимъ замѣтимъ, что жнецы приходятъ иногда очень издалека жнуть у незнакомыхъ имъ людей, уходятъ, по окончаніи работы, во свояси, являются въ уплату лишь въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени, не заключивъ предварительно никакихъ письменныхъ условій, и, не смотря на все это, въ теченіи шести почти лѣтъ, проведенныхъ среди этого люда, намъ ни разу не приходилось наткнуться на какое нибудь мошенничество, или падувательство.

Во время жнитва каждый жнецъ имѣетъ право ежедневно брать въ свою пользу по одному снопу, а по окончаніи этой работы на всѣхъ не огороженныхъ поляхъ каждый, а главнымъ образомъ немущіе могутъ собирать оставшіеся на полѣ колосья (*башакъ* или *машакъ*). Отсюда собиратели этихъ колосьевъ—*башакчи* или *машакчи*).

(¹) Это по большей части бѣлые горожане, не занятые въ данный моментъ какими либо дѣлами и тѣ кишлачные жители, которымъ въ текущемъ году не удалось почему либо пристроиться къ землѣ въ качествѣ *чадринеровъ*.

Чайрикёръ, въ особенности если оный семейный, живетъ у себя на дому, а въ вознагражденіе за свой трудъ получаетъ отъ ишеницы $\frac{1}{4}$ всего урожая, за выдѣломъ $\frac{1}{4}$ въ подать и платы жнецамъ, а отъ джугары и хлопка — $\frac{1}{4}$ урожая за тѣмъ же выдѣломъ, что и выше. Кромѣ того во время работъ *чайрикёръ* получаетъ отъ хозяина еще и пищу, но только для себя лично, и не для всего своего семейства. Часто эта дача пищи замѣняется одновременною выдачею нѣкотораго количества муки и зерна (рись или джугара).

Керандъ, мало чѣмъ отличающійся отъ *чайрикёра*, живетъ по большей части на обрабатываемой имъ землѣ, или въ хозяйскомъ помѣщеніи, или въ построенномъ имъ самимъ, при чемъ нередко усадьбное мѣсто пріобрѣтается имъ на разныхъ условіяхъ въ собственность.

Если зерно и инвентарь оный получаетъ отъ хозяина, то условія тѣ-же, что и для *чайрикёра*; въ противномъ случаѣ урожай, за слѣдующими выдѣлами въ подать и жнецамъ, дѣлится между *керандъ* и землевладѣльцемъ поровну.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться въ томъ смыслѣ, что въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы вышеприведенныя условія нѣсколько измѣняются въ зависимости отъ доходности земли, предложенія рабочихъ рукъ и проч., почему мы привели одни лишь среднія нормы, такъ какъ вдаваться въ подробности было бы, пожалуй, и неумѣстнымъ.

Поденная плата въ настоящее время въ городахъ не превышаетъ 40 к., а въ кишлакахъ колеблется между 10 и 20 к. с.,

Въ кишлакахъ, ближайшихъ къ городамъ, большая половина населенія въ собственности имѣетъ одна только усадьбные участки; въ остальныхъ затѣмъ селеніяхъ процентъ безземельныхъ (не имѣющихъ полевого надѣла) домовладѣльцевъ нѣсколько уменьшается, но тѣмъ не менѣе вѣтъ, кажется, ни одного такого кишлака, гдѣ-бы совсѣмъ не было безземельныхъ, общее число которыхъ съ теченіемъ времени несомнѣнно возрастаетъ.

Количество земли, обладаемой однимъ лицомъ, колеблется отъ $\frac{1}{4}$ *шанапа* (*шанапъ* = 400 кв. саж.) до 200—250 десятинъ. Отдѣльные участки свыше 200 десятинъ составляютъ рѣдкія исключенія.

(Въ Наманганскомъ уѣздѣ есть одно туземное хозяйство въ 1000 десятинъ, но участокъ этотъ сплошь состоитъ изъ перелоговъ, т. е. такихъ земель, на орошеніе всей площади которыхъ воды нехватаетъ, а потому ежегодно подѣлывается только часть ихъ, въ данномъ случаѣ около $\frac{1}{3}$).

Изъ результатовъ организационныхъ и межевыхъ работъ, производившихся въ 1876 — 1881 годахъ, при введеніи здѣсь новой податной системы, видно, что средній душевой надѣлъ для наманганскаго уѣзда можетъ быть принять лишь около $\frac{1}{3}$ дес. Такимъ образомъ соотношеніе между количествомъ удобной, культурной земли (для орошенія которой воды пѣдется въ достаточномъ количествѣ) и количествомъ населенія далеко не грандіозное; можно даже сказать, что Фергана страдаетъ скорѣе малоземельемъ, чѣмъ обиліемъ почвы, вполне удобной для полеводства и лѣсоразведенія.

Цѣна на землю, падающая въ зависимости отъ свойства почвы, высоты надъ уровнемъ моря, а слѣдовательно и возможности, или невозможности, производить наиболѣе доходные посѣвы риса, джугары и хлопчатника, отъ большей или меньшей удаленности отъ городовъ и другихъ базарныхъ пунктовъ, отъ большей или меньшей ровности и горизонтальности поверхности почвы, что облегчаетъ способы ея орошенія, и отъ количества той воды, которая можетъ орошать данную землю, — колеблется отъ 6 до 400 р. за десятину.

Доходность земли различна, конечно, въ разныхъ пунктахъ Ферганы, а потому мы приведемъ среднія-же базарныя на нихъ цѣны, введенныя за послѣдніе годы для наманганскаго уѣзда, который, во первыхъ, по своимъ почвеннымъ, ирригаціоннымъ и другимъ условіямъ, можетъ быть принять тоже за средній, а во вторыхъ, намъ лично знакомъ гораздо болѣе остальныхъ уѣздовъ области.

НАЗВАНІЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	Цѣны за пудъ.	
		Р.	К.
Пшеница	50,5	—	56
Ячмень	62,5	—	36

НАЗВАНІЕ ПОСѢВОВЪ.	Урожай съ десятины въ пудахъ.	Цѣна за пудъ.	
		Р.	К.
Рисъ	105,5	—	46
Джугара	138,5	—	33
Хлопчатникъ	58,5	—	90
Лепъ—(зерно)	28,5	—	65
Просо	41	—	27
Люцерна (жвуть 3—5 разъ) .	300	—	12

Танапъ (1/10 дес.) сада даетъ годового дохода около 40 р.
 Танапъ — — виноградника 20 р.

Быть можетъ, для чителя не безынтереснымъ будетъ знать приблизительный хотя бы, валовой доходъ земледѣльца. Земледѣлецъ одиночка (хозяйинъ, жена и 2-3 дѣтей подростковъ, вспринимающихъ еще непосредственнаго участія въ работѣ), имѣющій достаточное количество своей собственной земли и пару воловъ, успѣваетъ засѣвать около 3 дес. озимой пшеницы, около 1/10 дес. джугары, хлопчатника, или кукурузы, что, при приведенныхъ выше нормахъ урожайности и цѣвъ, даетъ валоваго дохода около 192 руб. сер., а за вычетомъ 1/10 этого дохода въ подать, — 154 руб. сер. Исходя изъ того-же предположенія, для чаиркира, получающаго отъ хозяина землю, зерно и инвентарь, получимъ годовой доходъ около 43 руб. сер.

Вездѣ тамъ, гдѣ населеніе густо, а земли дороги, нельзя не изумляться умѣнью сарта выжать изъ земли все, что только возможно при его средствахъ и знаніяхъ. Ни одного самаго крошечнаго клочка земли не остается невоздѣланымъ. Каждый прутыкъ, каждая травка, если только еѣ нель-

ва съѣсть самому или продать, будеть: или искормлена скоту, или сожжена подъ котломъ. Экономія изощрена на столько, что, переходя свои обычные предѣлы, прямо таки вступаетъ въ сферу такъ называемаго иѣмкоснимательства. Добро-бы еще, если бы это снимательство было принадлежностью мелкихъ, недостаточныхъ хозяйствъ; мы встрѣчаемъ его вездѣ и повсюду, не въ одномъ только сельскомъ хозяйствѣ и не у одного только бѣднаго населенія. Оно сдѣлалось отличительной чертой сарта, характеристикою общаго народнаго хозяйства, народною привычкою. Можно думать, что явленіе это есть результатъ, во первыхъ, крайняго недостатка практическихъ знаній, возможности широкой эксплуатаціи другихъ естественныхъ богатствъ страны (соль, нефть, желѣзо, мѣдь и проч.), наворотливости и зпанія житейской ариѣметики, а во вторыхъ, тѣхъ отношеній, которыя установились у туземца къ понятію о благосостояніи. А отношенія эти довольно своеобразны.

Слово *ягши* одинаково обозначаетъ и *хорошій*, и *богатый*, и это далеко не простая случайность. Гостеприимство, напр., одна изъ высочайшихъ добродѣтелей мусульманина, тѣмъ доступнѣе для послѣдняго, чѣмъ лучше его матеріальныя средства.

Религія совѣтуетъ туземцу зарѣзать въ одинъ изъ трехъ дней праздника *Курбана* (вспоминаніе жертвы Авраамовой) жертвеннаго барана или козла и накормить его мясомъ бѣдныхъ (¹).

Бѣдныхъ, положимъ, кормятъ рѣдко; обыкновенно угощаютъ своихъ знакомыхъ, но такъ или иначе, а каждый, кому религія это разрѣшаетъ, рѣжетъ на Курбанъ барана или козла, рѣжетъ всегда собственноручно, вѣруя, что этотъ

(¹) «Хорошихъ и тучныхъ животныхъ мы назначили для жертвенныхъ вашихъ приношеній Богу; за нихъ вамъ будетъ добро. Проманосите имя божие надъ ними, когда они стоятъ стреноженныя; когда они, унявши, перестанутъ дышать, тогда ѣшьте мясо ихъ и накормите имъ бѣднаго, просящаго у васъ, и нищаго, не смѣющаго просить. Мы покорили ихъ (животныхъ) вамъ, предполагая, что будете благодарны. Не мясо, не кровь ихъ восходятъ къ Богу; восхолить къ Нему ваше благочестіе». Коранъ. Глава 22 ст. 37 — 38.

баранъ поможетъ впоследствии пройти черезъ *сыратъ*, мостъ тонкій, какъ волосъ и острый, какъ мечъ; грѣшники низвергнутся съ него въ адъ, а праведники съ быстротой молніи пройдутъ по нему въ райскія обители. Желая быть участниками этой благодати, жена и дѣти держатъ жертвеннаго барана за ноги, пока его рѣжутъ и потрошатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзать барана на Курбанъ могутъ тѣ только (мужчины и женщины), состояніе которыхъ, обремененное отъ долговъ, не менѣе 20 *тиллэй* (76 руб. сер.).

Такимъ образомъ для туземца благосостояніе является однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ быть *хорошимъ*, благочестивымъ, праведнымъ.

Вездѣ и всегда, впрочемъ, благосостояніе и нравственность пахотились нѣ болѣе или менѣе близкой, естественной зависимости. Вся разница заключается въ томъ только, что сарты понимаютъ и признаютъ дѣйствительность такой зависимости, а другіе отъ пониманія этого уклоняются.

Главнѣйшими *подспорьями* туземнаго сельскаго хозяйства являются: отъармливаніе убойнаго скота; тканье *матъ*, *калямъ* и другихъ бумажныхъ матерій; приготовленіе войлоковъ и нитъ аркановъ, а равно и тканье грубыхъ шерстяныхъ матерій; очистка хлопка отъ корочекъ и зеренъ и прижа витокъ; шелководство; извозъ; собираніе осевью и зимой, въ свободное отъ полевыхъ работъ время, степныхъ сорныхъ травъ и кустарниковъ на топливо и продажа ихъ на ближайшихъ базарахъ; поденщина въ ближайшихъ городахъ и большихъ селеніяхъ; топъба льнянаго или кунжутнаго масла; мѣстами рыболовство, вообще, впрочемъ, очень мало распространенное.

Ружейная и другая охота въ средѣ земледѣльческаго населенія совсѣмъ не распространена, ибо охотное, и главнѣйшимъ образомъ земледѣльческое, населеніе относится къ охотѣ, какъ къ запятію, несомнѣнно ведущему чловѣка по стезѣ оскудѣнія. Какъ забава, охота знакома только въ наиболѣе зажиточныхъ классахъ туземнаго общества, преимущественно въ классѣ бывшаго служилаго ханскаго люда. (Какъ промыселъ, охота практикуется здѣсь преимущественно кочевниками).

Кстати, упомянувъ о классахъ, замѣтимъ, что, за исключеніемъ прямыхъ потомковъ ханскаго рода (въ настоящее

время не имѣющихъ уже никакого общественнаго значенія) въ средѣ осѣдлаго туземнаго населенія никакихъ ни дворянскихъ, ни другихъ привилегированныхъ сословій нѣтъ. Есть *ходжа*, ведущіе свою родословную или отъ пророка, или отъ первыхъ четырехъ халифовъ; при ханахъ они пользовались нѣкоторыми льготами въ податномъ отношеніи, но теперь лишились и этой привилегіи, а потому ровно ничѣмъ не отличаются отъ остальнаго населенія, развѣ тѣмъ только, что избѣгаютъ отдавать ему въ замужество своихъ дочерей. (Сами-же желаютъ безразлично на дочеряхъ, какъ *ходжа*, такъ и *карача*). Оттого здѣсь высота общественнаго положенія туземца опредѣляется: или тѣмъ служебнымъ постомъ, который онъ занимаетъ, или принадлежностію его къ разряду ученыхъ, или же, и главнымъ образомъ, размѣрами его состоянія.

Послѣ земледѣлія слѣдуютъ: садоводство и лѣсоразведеніе; сушеніе фруктовъ; а изъ производствъ: тканье бумажныхъ, полушелковыхъ и шелковыхъ матерій; выдѣлка кожъ; приготовленіе обуви; гончарное дѣло, кузнечное, ножевое, сѣдельное, шорное, кожевенное и красильное (нитки); приготовленіе мѣдной посуды; литье мѣстнаго чугуна. въ общемъ развитое очень слабо; выдѣлка серебряныхъ и золотыхъ украшеній; плотничество; извозъ; токарное дѣло; приготовленіе арбы, плуговъ, вилъ и лопатъ; вывариваніе смолы — *мумъ* изъ нефти; обжиганіе древеснаго угля; изготовленіе камышевыхъ плетенокъ. Вотъ въ сущности почти и все. Металлы, стекло, сукна, ситцы, фарфоровая посуда, значительная часть столярныхъ инструментовъ, котлы, гвозди, иглы, паперетки, зеркала, чай, сахаръ, частью исчеза бумага, все это привозится изъ Россіи.

Фабрикъ, заводовъ и всякаго вообще крупнаго индустріальнаго производства нѣтъ; все существующія носятъ исключительно кустарный характеръ.

Все, что выдѣлывается здѣсь, выдѣлывается отдѣльными лицами или на дому, или же въ особыхъ лавкахъ — мастерскихъ (*дуканъ*), выходящихся обыкновенно при домѣ; же (ткацкія; арбы; обувь; ножи; посуда) и рѣже на базарѣ (кузнецы, товари, мѣдники, серебряники).

Въ большинствѣ случаевъ отдѣльные мастера, занимающіеся однимъ и тѣмъ же производствомъ, избираютъ изъ

своей среды старшиню — *аксакал*, который играет лишь роль маклера, отыскивающего работу, берушаго на себя разного рода поручительства и пр., за что онъ получаетъ при заключеніяхъ условій и расплатахъ нѣкоторое денежное вознагражденіе, такъ наз. *шериканд*.

Кузнецъ, работающій отъ себя и не имѣющій подмастерья, добываетъ въ день чистаго дохода отъ 20 до 40 к.; красильщикъ отъ 40 до 60 к.; ткачъ бумажныхъ матерій отъ 15 до 30 к.; ткачъ шелковыхъ матерій отъ 20 до 40 к.; кожевникъ отъ 40 до 70 коп.; плотникъ и штукатуръ отъ 50 к. до 1 р.; *джуаждешъ*, гонящій масло, — отъ 15 до 30 к.

Въ большинствѣ кустовъ мастеръ-хозяинъ (*халифа*; *устакдаръ*) имѣетъ работниковъ-подмастерій (*мимакѣръ*), нанятыхъ имъ на разныхъ условіяхъ: очень часто поведѣльпо, отъ базара до базара, или помѣсячно. Кромѣ пищи такой *мимакѣръ* получаетъ отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ недѣлю. Ежеспедѣльный же доходъ самого хозяина-мастера для разныхъ производствъ колеблется отъ 2 до 4 р.

Торговля существуетъ одинаково, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, ввозная и вывозная.

Предметами внутренней торговли главнымъ образомъ служатъ, разумѣется, продукты тѣхъ производствъ, о которыхъ было уже упомянуто выше. Наиболѣе прибыльными считаются: торговля въ городахъ хлѣбомъ, а въ кишлакахъ — мясомъ.

На хлѣбѣ барыши получаютъ благодаря ежегоднымъ колебаніямъ цѣвъ. Въ концѣ лѣта и осенью, когда хлѣбъ новаго урожая только что обмолоченъ и охотно продается бѣднымъ населеніемъ, нуждающимся въ деньгахъ для уплаты податей и для потребностей домашняго обихода, зерно скупается торговцами и перепродается ими же въ концѣ зимы, или весной, по значительно возвысившимся уже цѣнамъ.

Не смотря на то, что религія относится къ мяснчеству, также какъ къ акушерству, ремеслу цирюльничковъ и нѣкоторымъ другимъ занятіямъ, крайне неодобрительно, называя ихъ *макрутъ* (пресрѣныше; неодобряемые), торговля мясомъ чрезвычайно распространена: нѣтъ ни одного почти кишлака, гдѣ не было бы мясника — *хасиба* и вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ *хасибъ* не процвѣтаетъ такъ, какъ въ захолуст-

ныхъ, исключительно земледѣльческихъ кишлакахъ, имѣющихъ большія, сравнительно, запасы.

Мясо, по большей части, съ половинъ мая и по ноябрь, т. е. со времени поспѣванія ячменя и по конецъ полевыхъ работъ, продается по обыкновеннымъ, мѣстнымъ базарнымъ цѣнамъ, но въ уплату за него берутся не деньги, а зерно, при чемъ послѣднее оцѣняется мясникомъ всегда значительно ниже существующихъ базарныхъ цѣвъ и еще ниже, если покупатель беретъ мясо и сало въ кредитъ. Этого рода торговля для отдѣльнаго лица не допускаетъ особенно большихъ формъ оборотнаго капитала, такъ какъ въ кишлакѣ мясникъ рѣдко бываетъ одинъ, по за то въ продолженіи лѣта въ подходящихъ селеніяхъ касабъ наживаетъ капиталъ на капиталъ.

(Средній оборотный капиталъ кишлачнаго мясника можно считать колеблющимся отъ 50 до 200 р. сер., причемъ капиталъ менѣе 100 р. успѣваетъ обернуться около 2 разъ).

Повдехте, читатель, опять въ Наваѣ.

Жаркое послѣ—обѣда въ началѣ Августа. Мы подъѣжаемъ къ Наваю съ западной стороны, со стороны Ахтама, по ровной, сплошь воздѣланной, *Бид-багъ-дала* (степь безъ садовъ), на которой кромѣ хлѣбовъ и небольшого кишлака *Кукъ-яръ*, на самомъ берегу Падшааты; ровво ничего нѣтъ.

Въ верстѣ слѣва поднимаются предгорья; вправо желтая, зеленая и сѣрая *Бид-багъ-дала* съ маленькимъ *кукъ-яр*омъ, а прямо передъ нами, сейчасъ-же за широкимъ, каменистымъ оврагомъ Падшааты, темнозеленымъ пятномъ стоитъ Наваѣ, весь ушедшій въ густую листву урюковъ и таловъ, надъ которыми кое-гдѣ торчатъ высокіе, старше тополя.

У самой Падшааты проѣжаемъ мимо хирмана съ кучей провѣянной уже пшеницы. Съ боку гряда *самана* (мелкая солома), а около нея не выпряженвал арба съ виноградомъ и дынями. Два человѣка на карточкахъ присѣли около зерна и вѣшаютъ его на туземныхъ деревянныхъ вѣсахъ, при чемъ вмѣсто гирь служитъ виноградъ, который здѣсь, въ Наваѣ, продается на вѣсъ пшеницы.

Около нихъ двѣ молодыхъ цыганки вазойливо предлагаютъ иголки, паперетки и пития угрюмому хозяину *хирмана*, не обращающему на нихъ ровво никакого вниманія.

Появился откуда-то *каляндарг* — нечто вроде нищенствующаго монаха — сказать обычное въ такихъ случаяхъ привѣтствіе „*хирманъ тусунъ*“ — да будетъ полонъ *хирманъ*, неистовымъ голосомъ причитать пожелавія хозяину всяческихъ благъ и получать нѣсколько пригоршней высѣвокъ.

По каменной тропинкѣ спускаемся на Падшаату и переѣзжаемъ се въ бродъ по дну, сплошь усѣянному крупными камнями; лошадь то и дѣло спотыкается и обрызгиваетъ впереди ѣдущаго крупными каплями холодной воды.

Поднявшись немного въ гору по крутой, маловзжей тропинкѣ, вѣзжаемъ въ узенькую, кривую улицу съ ея неизмѣнными здѣсь глинобитными стѣнами, съ выглядывающими изъ калитокъ ребятишками, съ арчками и навозомъ.

Цѣлая стая куръ бросилась отъ нашихъ лошадей во все стороны, оставивъ маленькій токъ по серединѣ улицы, гдѣ, очевидно, кто-то молотил нѣсколько сноповъ пшеницы.

На право пустырь съ кучами навоза и остатками развалившихся стѣнъ. На лѣво кузница съ мѣхомъ, съ кетменями и серпами, развѣшанными по стѣнѣ и съ кузнецомъ въ кожаномъ фартукѣ, сосредоточенно отбивающимъ старый кетмень небольшимъ желѣзнымъ молотомъ.

Здоровый, рослый парень ѣдетъ на встрѣчу намъ на шустромъ, сытенькомъ 2-хъ годовомъ жеребчикѣ, навьюченномъ 4-мя большими снопами пшеницы, въ одинъ изъ которыхъ заткнутъ серпъ.

По серединѣ улицы, передъ калиткой, баба въ бѣлой матовой рубахѣ и бѣломъ же, распущенномъ по плечамъ, грубомъ кисейномъ платкѣ молотитъ палкой два снопа пшеницы. Завявшись работой, она увидѣла насъ тогда только, когда мы съ ней поровнялись; бросила палку и какъ шальная метнулась въ калитку, забывъ на улицѣ, крошечнаго, благимъ матомъ заревѣшаго, мальчугана. А вотъ и *узаръ*, маленький кишлячный базарчикъ и клубъ въ тоже время.

На лѣво, подъ большими старыми талами, лавка съ наѣсенкомъ и *сундй*, прилѣпившійся съ боку, у арка. Черезъ разобранныя досчатые двери видна внутренность лавки: къ передней, законченной дымоухъ, стѣнѣ прилѣпла лъ сажень длинной плаха съ торчащими изъ нея длинными, желѣзными гвоздями, на которыхъ висятъ части разобранной бараньей туши. *Касибъ* (маспикъ) съ жирной шельмоватой рожей, въ

засаленномъ халатѣ поджидаетъ вечернихъ покупателей и отъ нечего дѣлать убираетъ въ мѣшокъ пшеницу, ссыпанную прямо на земляной полъ въ дальнемъ, правомъ углу лавки.

На *суты* расположился только-что пріѣхавшій изъ города *сатукчій*; подъ таломъ стоитъ его сильно испотѣвшая, узкогрудая лошадевка подъ неуклюжимъ вьючнымъ сѣдломъ; она притащила и хозяина и большой, изъ толстой бумажной матеріи, *хурджунъ* съ разнымъ мелочнымъ товаромъ.

Сатукчій разостлалъ затасканный коврикъ и разложилъ тѣхъ червячковъ, на коихъ должна будетъ ловиться рыбка, именуемая пшеничкою.

Справа помѣстилось нѣсколько кусковъ мѣстныхъ грубыхъ бумажныхъ матерій: *маты*, *калямѣ* и *алека*. Слева нѣсколько аршинъ розоваго ситца съ крупными, аляноватыми разводами, а въ серединѣ тотъ нестрый хламъ, безъ котораго трудно представить себѣ какой бы то ни было, даже и не туземный, базаръ. Три крошечныхъ оловянныхъ зеркальца облокотились спинами на положенный сзади ихъ кусокъ *маты* и внимательно осматриваютъ проходящій мимо людъ; впереди ихъ выстроились въ рядъ десять — двѣнадцать конусообразныхъ кусковъ вонючаго сартовскаго мыла, а за ними, ближе къ краю, перемежались: оловяныя колечки, нѣсколько кусковъ халвы и сахару, *слыичъ* (древесная смола, которую очень любятъ жевать женщины и дѣти), широкія и узкія тесьмы — *джіѣкъ*, иголки, очуры, пуговицы, бусы и прочая дрянь, на которую глазѣтъ цѣлая куча чумазыхъ ребятъ; не безъ трепета изираютъ они на молчаливаго *сатукчій* и шепотомъ сообщаютъ другъ другу свои замѣчанія.

На другой сторонѣ улицы, противъ мясника, еще двѣ лавки съ такими же маленькими навѣсками. Одна изъ нихъ наглухо заперта; въ другой рисъ, льняное масло, мыло, на-свай и дмяя, перекупленные у арбакешей, а у дверей, на старой потрепанной кошмѣ, спитъ хозяинъ лавки, — молодой, сухощавый сартъ съ жидельской бородкой.

Пять-шесть здѣшнихъ стариковъ сидятъ подъ навѣсомъ пустой лавки противъ *сатукчій*; по временамъ то тотъ, то другой, тяжело вздыхая, отрывочно, въ полъ голоса, произносятъ: „*Алла!*“ или „*я, Коримъ!*“. Говорить имъ и не о

чемъ и охоты вѣтъ; кость теперь, руза; они съ раннего утра ничего не пили и не ѣли,—какая тутъ бесѣда.

Со стороны Намангана подъѣзжаютъ двѣ арбы съ ды-
пями; беззвучно остававливаютъ мокрыхъ, запыленныхъ ло-
шадей осовѣвшихъ отъ голода, жажды и усталости арбакѣши.
„*Ас-селямъ алейкюмъ!*“ протяжно привѣтствуютъ они стари-
ковъ, вѣскольво времени неизвѣстно зачѣмъ сидятъ на тя-
жело водмщихъ боками лошадяхъ, вопросительно поглядывая
то на стариковъ, еле отвѣтившихъ имъ „*алейкюмъ-ас-селямъ*“,
то на безлюдную улицу; медленно слѣзаютъ они съ лошадей
и еще медленнѣй распрягаютъ и привязываютъ ихъ подъ
талами.

„*Барикъ-алли, барикъ-алли*“, привѣтствуетъ прїѣзжихъ
вскрапнувшій сухонарый лавочникъ, выйдя подъ навѣсъ изъ
дукима съ помятой со сна и постной физиономіей.

Торопливой, дробной походкой проходитъ мимо баба,
закрытая по здѣшнему не *паранджи*, а наброшеннымъ на
голову маленькимъ дѣтскимъ халатикомъ. Медленно, медлен-
но прошла она мимо *самукчи*, некоса разглядывая его то-
вары, затѣмъ опять припустила и живо, почти бѣгомъ, скры-
лась за уголъ мечети.

Минуть черезъ десять изъ за того же угла показался
рослый, опрятно одѣтый, сартъ лѣтъ подъ сорокъ; тяжелой,
медленной походкой подошелъ онъ къ *самукчи*, долго тол-
ковалъ съ нимъ о чемъ то въ полъ—голоса, затѣмъ размо-
талъ конецъ длиннаго матоваго кушака и высыпалъ изъ
него вѣскольво пригоршней пшеницы. *Самукчи*, сѣсивъ
пшеницу, сыпалъ еѣ въ мѣшокъ и подаль мужику кусокъ
мыла, съ которымъ онъ также тяжело, медленно, какъ и
пришелъ, скрылся за уголъ мечети.

Красивый парнишка, лѣтъ 12-ти, въ грязной матовой
рубахѣ, вошелъ къ мяснику и подаль ему узелокъ пшеницы,
завязанной въ старый ситцевый платокъ. Очевидно, болѣе
порученной ему покупки, парнишку заинтересовалъ *самукчи*,
на походную лавочку котораго онъ смотрѣлъ все время,
пока мясникъ вѣшалъ пшеницу, долго раздумывалъ, отъ ка-
кого бы именно куска отрѣзать, долго рассчитывалъ, сколько
слѣдуетъ отпустить мяса, очень быстро отвѣсилъ, завернулъ
въ платокъ и отдалъ мальчишкѣ.

Больше и больше проходит по улицѣ народа, возвращающагося съ поля пѣшкомъ и верхомъ: кто съ серпомъ, кто съ кетменемъ, кто съ пучками *башда*. Одни проходятъ мимо; другіе заглядываютъ къ мяснику; третья останавливаются поболтать со стариками.

Одинъ за другимъ начинаютъ являться съ пшепцей покупатели и къ мяснику, и къ арбакешамъ, привезшимъ дыни, и къ сухопарому лавочнику.

Около стариковъ и арбъ съ дынями мало по малу образовалась цѣлая компанія, шумно толкующая въ ожиданіи скорого ужина о разныхъ пашайскихъ и намаганскихъ разпостяхъ. Одинъ изъ стариковъ, по моложе другихъ, но уже съ бѣлой длинной бородою, медленно поднялся съ мѣста, поправилъ на головѣ чалму, взялъ стоявшую у стѣпы длинную палку изъ колѣчатой *асд-мусы* и степенно направился къ сосѣдней мечети. За нимъ поднялось еще человекъ пять—шесть, кто постарше, а черезъ три—четыре минуты въ вечернемъ воздухѣ звонко раздались протяжно выкрикнутаго слова *азана*: „*Аллахъ акбаръ, аллахъ акбаръ*“....!

Стадо пришло. Мимо лавокъ и арбъ съ дынями густой толпой потянулись всевозможныхъ мастей, худыя по большей части, коровы, телята и козы.

Зарѣзанный сегодня мясникомъ баранъ разошелся почти весь; половина дынь разобрапа, а другую завтра повезутъ по хирманамъ.

Гузиръ по цемногу пустѣеть. Нѣтъ расходятся по домамъ; скоро уже и слѣдующій *мамдз ашима*, послѣ котораго проволѣрыше могутъ наполнить свои отошавшіе желудки.

Завтра опять привезутъ и дынь, и винограду; опять *сатукчи* разложитъ свой хламъ; мясникъ зарѣжетъ барапа, а разные пояса, платочки, *зурджумы* и торбочки потащутъ на *тумиръ* пшепцу. Такъ завтра, послѣ завтра и далѣе, до тѣхъ поръ, пока будутъ возить разные соблазнительныя вещи и пока мясякъ будетъ рѣзать скотину; а будетъ онъ се рѣзать до поздней осени, до тѣхъ поръ, пока благомысленныя главы семей не положатъ чадямъ своимъ строжайшаго запрещенія па тайное и явное тасканіе хлѣба *мутаимамъ* (мирѣдамъ) и пока голъ не перетаскаетъ ямъ большей части собранной сю пшепцы, льна и иныхъ благодатей, послѣ чего для голи этой пачнется продолжительный сезонъ зимнихъ и весеннихъ голоденокъ.

Такимъ манеромъ между мужичьихъ рукъ непроизводительно проскакиваетъ не малая доля хлѣба, благодаря тому, что есть желаніе поѣсть сытно, по человѣчески хоть нѣсколько дней въ году; есть услужливые люди, которые привезутъ всякую всячину какъ разъ въ то время, когда въ мужичьихъ рукахъ заподятся деньги въ видѣ новаго хлѣба и, что самое главное, есть у этого мужика привычка слышкомъ мало думать о будущемъ, о голодовкахъ, къ периодичности которыхъ онъ привыкъ также, какъ привыкъ къ мысли о томъ, что лѣтомъ тепло, а зимой будетъ холодно; можетъ быть и очень даже холодно, но, если суждено прожить, проживу, и какъ ни какъ, а ни съ холоду, ни съ голоду не подохну.

Большое множество народа занимается мелкимъ торгашествомъ и барышничествомъ. Торгуютъ и барышничаютъ всѣмъ. Перепродаютъ лошадей и другой скоть, небольшія количества зерна, бумажныхъ матерій, цѣны на которыя понижаются и повышаются по нѣскольбу разъ въ годъ и пр.; берутъ у оптовыхъ торговцевъ ситецъ, кумачъ и др. матеріи и разносятъ ихъ по базарамъ; свуютъ изъ кишлака въ кишлакъ, съ базара на базаръ, клянутся, божатся, надуваютъ, обмѣриваютъ и обмѣшиваютъ и въ концѣ концовъ верѣдно добываютъ чистаго барыша не болѣе 10—20 к. въ день.

Контингентъ этого мелкаго торгашества рекрутируется по преимуществу или безземельными горожанами, или же кишлачниками, отбившимися почему либо отъ земли.

Наибольшіе обороты по внутренней торговлѣ, доходящіе для отдѣльныхъ лицъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, относятся къ хлѣбнымъ операціямъ и внутренней же перепродажѣ барановъ.

Изъ продуктовъ, получаемыхъ отъ зарѣзаннаго животнаго, туземецъ отдаетъ главное предпочтеніе салу, а не мясу. Для него сало—одинъ изъ основныхъ элементовъ всякой вообще хорошей пищи, какъ напр. *палау*, а мясо служитъ скорѣе украшеніемъ кушанья, чѣмъ элементомъ питанія. Въ домашнемъ быту средняго и бѣднаго классовъ мясныхъ блюдъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. такихъ, главнымъ основаніемъ которыхъ было бы мясо, мы почти не встрѣаемъ.

Въ народной кухнѣ есть правда нѣсколько блюдъ вродѣ *коурмы* (мелко изрѣзанная баранина, изжаренная въ котлѣ

ла сала), но такіа блюда приготавлиются преимущественно для гостей и никогда почти для своего, домашняго стола.

Вслѣдствіе такихъ отношеній къ мясу, требованія туземца отъ убойнаго скота выражаются главнымъ образомъ въ желаніи получить отъ него возможно большее количество сала, а такимъ требованіямъ лучше другихъ животныхъ удовлетворяетъ здѣшній курдючный баранъ; хорошо откормленный, онъ даетъ сала во вѣсу столько же, сколько и мяса, а при особенно хорошихъ условіяхъ даже и больше.

Такимъ образомъ потребность въ убойныхъ баранахъ большая, а удовлетворить еѣ своими средствами, по разнымъ причинамъ, Фергана не можетъ; это-то и послужило началомъ развитія весьма широкой торговли съ кочевымъ населеніемъ Аулія-ата, Токмака, Вѣрнаго и даже съ западно-сибирскими киргизами.

Главнѣйшіе скотопрогонныя пути пролегаютъ по горамъ намавганскаго уѣзда и здѣсь ежегодно проходятъ не менѣе 50,000 головъ.

Торговля эта, установившаяся, повидимому, очень давно, приняла, и до сихъ поръ носитъ, почти исключительно мѣстовой характеръ. Изъ Ферганы въ обиходъ барановъ вывозятся главнымъ образомъ мѣстныя бумажныя и полуселковыя матеріи; частью сушеные фрукты, обувь мѣстнаго приготовленія, ватныя одѣяла и ножи. Не болѣе трети или четверти пригоняемыхъ въ Фергану барановъ покупается въ Семирѣчьѣ или Западной Сибири на деньги. При благоприятности всѣхъ условій операція эта въ рукахъ туземнаго торговца даетъ никакъ не менѣе 50%, ежегоднаго барыша, а число барановъ, пригоняемыхъ однимъ лицомъ, колеблется отъ 50 до 4000 головъ.

Предметами общей вывозной торговли служатъ: бумажныя и полуселковыя матеріи въ Семирѣчьѣ и Западную Сибирь; шелкъ и хлопокъ въ Россію; сушеные фрукты въ Семирѣчьѣ, Сибирь и частью Оренбургъ; строеной лѣсъ (тополь) въ Перовскъ и Казалю; въ незначительномъ количествѣ мѣха въ Россію.

Но внутренней торговлѣ значительная часть сдѣлокъ ведется въ кредитъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ не пишется ни росписокъ, ни другихъ какихъ либо документовъ;

сдѣлка совершается на словахъ, но всегда при свидѣтеляхъ ('). Такое предпочтеніе свидѣтелямъ передъ документомъ является результатомъ того, что по мусульманскому законодательству документъ, скрѣпляющійся не подписью дателя, а печатью казы, признается дѣйствительнымъ тогда только, когда подлинность и дѣйствительность его или признается самимъ отвѣтчикомъ, или же удостоверяется двумя свидѣтелями мусульманами.

Мѣстомъ купли и продажи (по внутренней же торговлѣ) для большинства продуктовъ служатъ преимущественно базары, отдѣльныя лавки и каравансаран.

На дому какъ продажа, такъ равно и всѣ вообще торговыя сдѣлки совершаются очень рѣдко, такъ такъ религія, во первыхъ, требуетъ, чтобы продаваемый товаръ во время совершенія сдѣлки былъ на лицо: во вторыхъ, совѣтуетъ избѣгать такихъ условій или обстоятельствъ продажи, при которыхъ одинъ изъ торгующихся можетъ находиться въ невѣдѣніи о существующихъ на базарѣ цѣнахъ и, въ третьихъ, рекомендуетъ приглашать двухъ свидѣтелей, которыхъ на дому не всегда можно найти.

По тѣмъ же причинамъ временемъ продажи религія назначаетъ день, отъ утренней зари до заката, послѣ котораго большинство базарныхъ лавокъ дѣйствительно и закрывается.

Въ общемъ отношеніи къ торговлѣ ислама, являющаго собою настолько же религію, насколько и юридическій, государственный кодексъ, очень строгъ.

Продаваться можетъ только частная собственность и при томъ такая, которая можетъ быть осмотрѣна, измѣрена или пересчитана, можетъ принести покупателю какія либо выгоды и можетъ быть передава изъ рукъ въ руки. Оттого не дозволяется напр. продать предмета, не находящагося налицо; не дозволяется продавать что либо оптомъ безъ измѣренія; нельзя продавать хлѣба на корню и пр. При продажѣ участка земли, дома, сада и др. недвижимой собственности

(') Если будутъ между вами какія либо на лицо торговые обороты (или сдѣлки), то на васъ не будетъ вины, если вы не будете давать расписокъ въ нихъ. Поставьте свидѣтелей, когда дѣлаете условія между собою..... Коранъ Глава. 2. Ст. 282.

первенство въ правѣ на пріобрѣтеніе продающагося принадлежитъ сосѣдямъ, называемымъ въ дипломѣ случаѣ *шанъ* для *шафъ*; только послѣ отказа ихъ пріобрѣсти продающагося за объявленную цѣну право купли переходитъ уже и къ постороннимъ лицамъ. Продающій самъ долженъ указывать на недостатки своего товара и стараться набѣгать за прашиванія высокихъ цѣнъ.

По заключеніи условій свидѣтели должны обратиться къ продающему съ вопросомъ „продали ли вы?“ и къ покупающему „купили ли вы?“ Утвердительный отвѣтъ съ обѣихъ сторонъ, выраженный непременно въ прошедшемъ времени, дѣлаетъ куплю и продажу совершившимися.

Однакоже большинство этихъ, также какъ и многихъ другихъ, постановленій ислама соблюдается, особенно въ настоящее время, очень рѣдко, больше по наружности и тогда только, когда это почему либо выгодно для одной изъ сторонъ.

Прежде, во времена хановъ, соблюдение подобнаго рода положеній религіи было, правда, строже, но соблюдение это держалось только палкою.

~~Палка эта была двухъ родовъ: вещественная и нравственная. Въ лицѣ первой являлся Калъ-райса, въ лицѣ второй—общественное мѣсто, надъ которымъ чѣмъ то вродѣ Дамоклова мечи висѣлъ тотъ же райса, а надъ нимъ самимъ сонмъ князиковъ и фарисеевъ, о которыхъ вкратцѣ упоминаемъ ниже.~~

На обязанности райса (должность эта упразднилась съ занятіемъ ханства Русскими) лежало главнымъ образомъ наблюденіе за правильностью вѣсовъ и др. мѣръ, за соблюденіемъ жителями даннаго города постовъ, ежедневныхъ молебій—*намъазъ* (ихъ 5) и правилъ мусульманской нравственности, а также и палочная расправа на мѣстѣ преступленія надъ провинившимися.

Вотъ тотъ краеугольный камень, на которомъ въ теченіи вѣковъ держалось зданіе наружной нравственности и чистоты нравовъ и паружнаго же уваженія къ основамъ религіи.

Стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить райса, и часть зданія сама собой стала рушиться. На базарахъ въ очію стали обмѣривать и обмѣшивать; куски матеріи

стали дѣлаться все короче и короче, а шныество, проституціи и индеферентныя отношенія къ обрядамъ религіи все шире и шире.

Выше мы упомянули уже о томъ что при совершеніи торговыхъ сдѣлокъ религія совѣтуетъ торгующимся приглашать не менѣе двухъ свидѣтелей. Совѣтъ этотъ и по сіе время исполняется туземцами самымъ тщательнымъ образомъ. Не говори уже о продажѣ гурта барановъ, большой партіи матеріи, участка земли, дома и пр. два—три, а иногда и четыре свидѣтеля перѣдко присутствуютъ при продажѣ лошади, коровы, телевка, барана или козы, играя въ тоже время и роль маклеровъ, устанавливающихъ цѣну и приводящихъ торгующихся въ соглашенію, за что они, маклера (*дьяла*), получаютъ *шериканъ*, размѣры которой отъ одной *чеки* доходятъ до нѣсколькихъ рублей или даже десятковъ рублей.

Привычка къ присутствію свидѣтелей—маклеровъ сдѣлалась настолько велика, что перѣдко продажа не можетъ состояться только за ихъ отсутствіемъ, благодаря которому обѣ стороны никакъ не могутъ сговориться.

На любомъ, въ особенности же ковномъ или барань-смѣ, базарѣ вы всегда встрѣтите нѣсколькихъ сартовъ подозрительнаго вида, съ хищнымъ и въ тоже время несомнѣнно голоднымъ выраженіемъ лица. Своя въ толпѣ, они высматриваютъ, не затѣвается ли гдѣ нибудь торгъ, вырастаютъ какъ изъ земли, не вышьяются, а буйвально врываются между торгующимися, уговариваютъ ихъ прийти къ соглашенію, которое для нихъ маклеровъ, во всякомъ случаѣ не только выгодно но и необходимо, дабы имѣть возможность получить *шериканъ*, подчасъ даже и выругаютъ, если торгъ слишкомъ затягивается, соединяюгь руки торгующихся воедино, произносятъ традиціонныя вопросы: „продали ли?“ и „купили ли?“, съ нѣскольکو надменнымъ видомъ получаютъ три—четыре *чеки* гонорара и затѣмъ переходятъ далѣе, къ другому телѣнку или къ другой кобылѣ.

Есть артисты, для которыхъ *дьяльчиликъ* (занятіе подобнаго свидѣтеля—маклера) сдѣлался почти профессіей, но меньшей мѣрѣ однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ существованія. Иногда и жаль, и смѣшно смотрѣть на сарта, который отсчитываетъ *чеки*, часто не зная хорошевько кому и за что собственно онъ платитъ, но въ тоже время вельзя

отрицать и того, что въ виду приведенныхъ выше мусульманскихъ законоположеній и народныхъ привычекъ туземца, сложившихся подъ вліяніемъ ислама, за *даллемъ* есть кое что реальное, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ нужды онъ не имѣетъ права отказываться отъ безвозмезднаго отправления своихъ обязанностей, какъ свидѣтеля (¹).

Розничная продажа мяса, хлѣба, овощей, обуви, матерій и пр. цѣны на которыя болѣе или менѣе общензвѣстны, производится всегда безъ посредниковъ, ибо иначе это было бы уже черезъ чуръ отяготительно.

Туземныхъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій не существуетъ. Всѣ операціи этого рода находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, по большей части ростовщиковъ сартовъ же и индусовъ. Последніе въ числѣ 5—10, а иногда и болѣе, человекъ имѣются въ каждомъ изъ мѣстныхъ городовъ и промышленяютъ здѣсь исключительно ростовщичествомъ.

Коранъ относится къ этой профессіи крайне неодобрительно, но жизнь беретъ свое и лихва — *сидъ* занимается ростовщиками въ громадныхъ процентахъ (²).

Ростовщическія операціи ведутся преимущественно на деньги и на зерновой хлѣбъ; очень не рѣдко, особенно въ городахъ, подъ залогъ вещей. Индусы оперируютъ исключительно на деньги, при чемъ на каждыя 16 *теней* = 3 р. 20 к. въ теченіи 20 недѣль берутъ 4 *теней* = 80 к. процентовъ. Уплата производится ежевѣдѣльно въ размѣрѣ одной *тены* = 20 к.; такимъ образомъ въ теченіи 20 недѣль выплачиваются и капиталъ и проценты.

Сарты при мелкихъ займахъ съ каждой *тилай* = 3 р. 80 к., въ мѣсяць берутъ по $\frac{1}{2}$ *тены* = 10 к. При крупныхъ займахъ на годъ, вмѣсто взятыхъ четырехъ *тилай*

(¹) «Свидѣтели не отказывались бы, когда призываемы будутъ». Коранъ. Глава 2. Ст. 282.

(²) «Тѣ, которые жаждутъ къ лихвѣ, воскреснутъ такими, какими, воскреснутъ тѣ, которыхъ обезумилъ сатана своимъ прикосновеніемъ..... Богъ позволилъ прибыль въ торговлѣ, а лихву запретилъ..... бойтесь Бога и оставьте то, что достается вамъ лихвой..... Если онъ человекъ отягощенный бѣдностью, то желать, когда его состояніе улучшится; но обращеніе вами долга въ милость будетъ лучше для васъ.....» Коранъ. Глава 2. Ст. 276—281.

возвращается пять или вмѣсто взятыхъ пяти возвращается шесть.

Безпроцентные займы между знакомыми и родственниками бывають, конечно, но сравнительно очень рѣдко.

Замѣчательно, что прежде, это помнитъ люди которымъ теперь 40—50 лѣтъ, при заключеніи большей части долговыхъ обязательствъ росписка довалась не должникомъ займодавцу, а, наоборотъ, займодавцемъ должнику.

Въ подобнаго рода роспискѣ писалось: такой то долженъ мнѣ, такому то, столько то; процентъ и срокъ уплаты такіе то.

Сама росписка до уплаты долга находилась въ рукахъ должника какъ обезпеченіе въ томъ, что съ него не будетъ взыскано больше того, что онъ долженъ въ дѣйствительности.

РЕЛИГИЯ И ДУХОВЕНСТВО.

Какъ осѣдлое, такъ равно и кочевое населеніе Ферганы исповѣдуетъ мусульманскую религію, суннитскаго толка, секты *Ханафій* или *Азамі*.

Въ основаніи мусульманской религіи, какъ извѣстно, конечно, читателю, лежитъ *Коранъ*, заключающій въ себѣ 114 главъ разной величины, изъ конхъ каждая состоитъ изъ большаго или меньшаго числа стиховъ.

Такъ какъ *Коранъ* писался Магометомъ въ разное время и несомнѣнно подъ различными впечатленіями, то не только между отдѣльными главами, но даже и между стихами одной и той же главы очень часто нѣтъ никакой логической связи; вмѣстѣ съ тѣмъ названія отдѣльных главъ, по большей части очень странныя, никогда почти не соотвѣтствуютъ содержанію послѣднихъ.

Кромѣ того, нѣкоторыя изъ послѣдующихъ стиховъ являются противорѣчіемъ соотвѣствующимъ имъ предыдущимъ. что заставило пророка сдѣлать оговорку: „Когда Мы отмѣняемъ какое либо знаменіе или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другое, лучшее того или равное ему.“ (*Коранъ*. Глава I. Ст. 100).

Чрезвычайная сжатость изложения Корана послужила причиной того, что применение его къ жизни вызвало необходимость разъясненія массы затрогиваемых имъ вопросовъ.

Разъясненія эти, дѣлавшіяся разными представителями мусульманской науки, начиная съ первыхъ Халифовъ, по большей части записывались и впоследствии были сведены въ книги, посвящія въ настоящее время общее наименованіе *шаріата*, что въ переводѣ съ арабскаго языка означаетъ — *прямой путь*.

Провозглашенные Кораномъ главнѣйшія, основныя догматы религіи суть:

1) Единобожіе, отрицаніе идолопоклонства и Троицы.

„— не допускайте какихъ либо божествъ равныхъ Богу...“. Глава 2. ст. 20.

„Богъ вашъ — Богъ единый: нѣтъ другого Бога, кромѣ Его, милостиваго, милосердаго“. Гл. 2. ст. 158.

„Читающіе Писаніе! не допускайте излишества въ вашу вѣру; Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть только посланникъ Бога, есть Слово Его, низведенное Имъ въ Марію, есть Духъ Его. Вѣруйте въ Бога и въ посланниковъ Его, и не говорите: троица. — не можетъ быть, чтобы у Него были дѣти. . . .“. Глава 4. ст. 169.

„Не можетъ статься, чтобы Мессія считалъ для себя увизительнымъ быть рабомъ Ему, какъ и приближенные къ Нему ангелы“. Гл. 4. ст. 170.

2) Магометъ послѣдній и высшій пророкъ. (Печать пророковъ).

„Магометъ не есть отецъ кому либо изъ насъ; онъ только посланникъ Бога и печать пророковъ“. Глава 33. ст. 40.

„Прежде тебя (Магомста) въ одному человѣку мы предавали вѣчной жизни; потому, если ты умрешь, то ужели имъ быть бессмертными?“. Глава 21. ст. 96.

„Я (Магометъ) такой же человѣкъ, какъ и вы: мнѣ открыто, что Богъ вашъ единый Богъ“. Глава 18. ст. 110.

3) Признание Корана послѣднимъ и совершеннѣйшимъ откровеніемъ Божиимъ, причемъ не отвергаются какъ книги Вѣтхаго Завета, такъ равно и Евангеліе.

„Это писаніе, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, руководство благочестивымъ“. Глава 2. ст. 1.

„Скажи: его (Коранъ) свыше ниспослалъ Тотъ, Кто знаетъ тайны на небесахъ и на землѣ“. Глава 26. ст. 7.

„Мы уже дали Моисею Писаніе; вслѣдъ за нимъ Мы велѣли идти другимъ посланникамъ; потомъ Иисусу, сыну Маріи, Мы дали ясныя указанія...“. Глава 2. ст. 81.

„По ихъ стопамъ слѣдовать велѣли Мы Иисусу, сыну Маріи, подтвердившему то, что предъ нимъ было въ Законѣ и Мы дали ему Евангеліе; въ немъ правда и свѣтъ...“. Глава 5. ст. 50.

„..... дали ему (Иисусу) Евангеліе; въ сердца послѣдователей его Мы вложили добродушіе и состраданіе.....“. Глава 57. ст. 27.

4) Богъ управляетъ міромъ и судьбою человѣка.

„Слава Богу, Господу міровъ...“. Глава 1. ст. 1.

„Никакое бѣдствіе не совершается ни на землѣ, ни въ васъ, если оно не было *предопредѣлено* въ книжѣ прежде того, какъ Мы творимъ его.....“. Глава 57. ст. 22.

„Онъ Тотъ, Кто сотворилъ васъ изъ глины и опредѣлилъ для каждаго *срока жизни*“. Глава 6. ст. 2.

5) Существованіе Ангеловъ и діавола.

6) Воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ.

„Прозвучитъ труба и все, что на небесахъ и на землѣ, изомретъ, какъ умираетъ пораженный молніей, кромѣ тѣхъ, которыхъ оставить живыми захочетъ Богъ; потомъ прозвучитъ ояа въ другой разъ, и вотъ они возстанутъ, озираясь кругомъ себя. 69. Земля озарится свѣтомъ Господа твоего, положена будетъ книга, приведутся пророки и мученики и разсудятся они праведно,.....“. Глава 39.

7) Невѣрные, не признавшіе ислама; не могутъ рассчитывать на спасеніе.

„Невѣрныхъ, толпами, погонять въ геснѣ, и когда они подойдутъ къ ней, отверзутся врата ея“. Глава (39) Толпы. ст. 71.

8) Рай и адъ.

„Вѣрующуихъ и добродѣтельныхъ обрадуи благой вѣстью, что для нихъ будутъ сады, по которымъ текутъ рѣки....“. Глава 2. ст. 23.

„Вотъ очеркъ рая, который обѣщаютъ благочестивымъ. Въ немъ рѣки нѣтъ воды, не имѣющей запаха; рѣки изъ молока, котораго вкусъ не измѣняется; рѣки изъ вина, пріятнаго для пьющихъ; 17. рѣки изъ меда очищеннаго. Тамъ для нихъ плоды всякаго рода и отъ Господа ихъ прощеніе грѣховъ. Есть ли что подобное этому у тѣхъ, которые будутъ въ огнѣ, которыхъ будутъ пить впащею водой, терзающей ихъ внутренности“. Глава 47.

„—приближенные къ Богу. 12. Они будутъ въ садахъ сладости. 15. на украшенныхъ дорогами камнями сѣдалищахъ; 17. вѣчно юные отроки будутъ носить вокругъ ихъ кубки, кружки, чаша съ навиткомъ, отъ котораго они не одурѣютъ, не опьянѣютъ; 20. съ плодами. 21. съ мясами птицъ, какихъ пожелаютъ. 22. Чернозѣвичья, велеоки, подобныя хранимымъ жемчужинамъ, 23. будутъ имъ воздаяніемъ за то, что они прежде дѣлали. 27. Они будутъ среди лотосовъ, не имѣющихъ шиповъ, 28. среди банановъ, на которыхъ висятъ ряды плодовъ; 29. въ тѣни, широко разстилаяющейся, 34. А онѣ. . . создави Нами особымъ созданіемъ: 35. Мы имъ положили быть дѣлами, 36. мужьямъ милыми, по возрасту равными“. Глава 56.

„Они (грѣшники) будутъ среди знойнаго самума и кипящей воды, 42. въ тѣни чернаго дыма“. Гл. 56.

„Жлицемъ ихъ (грѣшниковъ) будетъ геена. Какъ мучительно это ложе!“ Глава 3. ст. 196.

Кромѣ догматовъ религіи Коранъ вмѣщаетъ въ себя правила нравственности и религіозныхъ обрядовъ (моленія, омовенія и пр.), перечисленіе разнаго рода обязанностей, лежащихъ на мусульманцѣхъ, а также и главнѣйшія, основныя государственныя законоположенія.

Оттого исламъ настолько же религія, насколько и юридическій кодексъ; а въ книгахъ шаріата находятся указанія того, какъ долженъ поступать мусульманинъ въ различнѣйшихъ случаяхъ своей и общественной, и даже частной жизни.

Уклоненіе отъ этихъ указаній шаріата есть *кюфръ* — псувріе, нечестіе, за которое въ будущей жизни предстоитъ, какъ мы видѣли выше, геппа. Вотъ причины, почему жизнь мусульманная во всѣхъ ея даже самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ регулируется многоготовнымъ зданіемъ шаріата.

Приведемъ примѣръ. Каждый мало мальски солидный туземецъ не только избѣгаетъ быстрыхъ и угловатыхъ движеній, пласки, пѣнія, смѣтанія и другихъ осуждаемыхъ религіей дѣйствій, но даже и особенно громкаго разговора. Это сдѣлалось чертою хорошаго тона, вошло въ привычку всѣхъ благовоспитанныхъ людей, а въ основаніи такой привычки лежатъ слова Корана: „— походка твоя пусть будетъ скромная. Гонори голосомъ тихимъ, потому что самый непріятный изъ голосовъ, есть голосъ ослонъ“. (Коранъ. Глава 31. ст. 18).

Спать туземецъ — мусульманинъ ложится лицомъ къ сторонѣ священной мечети (*Кадба*), ибо въ Коранѣ сказано: „Гдѣ бы вы ни были, обращайтесь лица ваши къ ней. . . .“. Глава 2. ст. 145.

Понятно, что въ совершенно такой же зависимости отъ шаріата находятся между прочимъ жизнь и права женщины: а такъ какъ въ основаніи религіи лежитъ Коранъ, то мы находимъ великимъ привести здѣсь большую часть тѣхъ стиховъ, сущность которыхъ касается такъ или иначе женщины (').

Глава (2) Корова.

Ст. 183. Во время ночи поста разрѣшается вамъ совокупленіе съ женами вашими: онѣ одежда вамъ, а вы одежда имъ. . . . Отъ зари же и до ночи исполняйте постъ; не сообщайтесь съ ними, предаваясь благочестивымъ думамъ въ мечетахъ.

(') Привода въ разныхъ мѣстахъ нашего труда стихи Корана, мы пользуемся русскимъ переводомъ Г. Саблукова. Изд. 1877 г.

- Ст. 220. Не жевитесь на многобожникахъ, доколѣ не уиѣруютъ оиѣ. Вѣрующая невольница лучше многобожницы, хотя бы эта и правилась вамъ. Не выходите въ замужество за многобожниковъ, доколѣ не уиѣруютъ они: вѣрующій рабъ лучше многобожника, хотя бы этотъ и правился вамъ.
- Ст. 222. Спрашиваютъ тебя о срочномъ кровотеченіи жевъ. Скажи: это у нихъ время недуга; в потому удалитесь отъ жевъ во время кровотеченія, и не сближайтесь съ ними, покуда оиѣ не будутъ чисты. И когда оиѣ очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ.
- Ст. 223. Жены ваши нива для васъ: ходите на ниву вашу, когда ни захотите, но предварительно дѣлайте что либо и въ пользу душъ вашихъ (омовеніе).
- Ст. 226. Тѣмъ, которые поклянутся не имѣть болѣе супружескихъ сообщеній со своими женами, выждать четыре мѣсяца. И въ это время, если они обратятся къ нимъ: то Богъ прощающій милосердъ.
- Ст. 227. Но если они неизмѣнно рѣшились развестись съ ними, то Богъ слышашій, знающій.
- Ст. 228. Тѣ, съ которыми сдѣлавъ разводъ, переждутъ съ собой три срочныхъ кровотеченія; имъ не позволено скрывать то, что создалъ Богъ во чревахъ ихъ, если оиѣ вѣрують въ Бога и въ послѣдній день. Мужья ихъ въ этомъ случаѣ окажутъ болѣе справедливости, возвративши ихъ къ себѣ, если хотятъ сдѣлать доброе; а оиѣ, подобно тѣмъ, отъ кого оиѣ зависятъ, окажутъ справедливость, соглашаясь на благопристойное. Мужчины выше ихъ степеню своего достоинства. Богъ слепъ, мудръ.
- Ст. 229. Разводъ—двойкій: или удержать жену при себѣ съ благопристойностью; или отпустить её отъ себя съ благодвореніемъ. Вамъ не дозволяется брать чего либо изъ того, что отдали вы имъ, развѣ только вы оба опасаетесь, что не исполните уставовъ Божіихъ. Если вы опасаетесь, что оба не исполните уставовъ Божіихъ, то на васъ не будетъ грѣха, если она за себя дастъ ему выкупъ. Таковы уставы Божіи, и не нарушайте ихъ; тѣ, которые нарушаютъ уставы Божіи,—тѣ злочестивы.

- Ст. 230. Если онъ разведется съ нею, то она послѣ того уже не позволена ему (не можетъ опять вступить съ нимъ въ бракъ) дотолѣ, покуда она не выходила за другаго какого либо мужа; и когда этотъ другой разведется съ нею, тогда обонимъ имъ не грѣхъ возвратиться другъ къ другу, если они надѣются исполнить уставы Божіи.
- Ст. 231. Когда вы разведетесь съ женами и когда онѣ достигнутъ до опредѣленнаго для нихъ срока: тогда или удерживайте ихъ благопристойнымъ образомъ, или отпускайте ихъ благопристойнымъ образомъ. Не удерживайте ихъ противъ ихъ воли, поступая съ ними несправедливо.....
- Ст. 232. Когда вы разведетесь съ женами и когда онѣ достигнутъ до опредѣленнаго для нихъ срока: тогда не препятствуйте имъ вступить въ бракъ со своими (новыми) мужьями, послѣ того, какъ они соглашаются между собою благопристойнымъ образомъ.
- Ст. 233. Родительницы грудью кормятъ дѣтей своихъ полные два года, если кто захочетъ, чтобы кормленіе грудью было законченное; а на родителей ихъ обязанность кормить ихъ, одѣвать ихъ благопристойнымъ образомъ. Каждый обязывается только тому, что удобно исполнимо для него: ни родительница да не подвергнется огорченіямъ изъ-за дитяти своего, ни родитель изъ за-своего дитяти. Подобная этой обязанность и на наследникѣ. Если оба они съ общаго согласія и совѣта захотятъ отнять отъ кормленія грудью матери, на нихъ не будетъ грѣха. И если захотите поручить ваше дитя кормилицѣ, то не будетъ на васъ грѣха, какъ скоро вы будете вѣрно платить то, что хотѣли доставить ей.
- Ст. 234. Кто изъ насъ умретъ и оставитъ суиругъ: онѣ переждутъ для себя четыре мѣсяца и десять дней. Когда достигнутъ указаннаго для нихъ срока, тогда не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что поступать онѣ съ собою добровольно: Богъ вѣдаетъ ваши поступки.
- Ст. 235. Не будетъ на васъ грѣха въ томъ, что вы предложите сватовство за этихъ (разведенныхъ) женщинъ, или скросте это въ душахъ вашихъ: Богъ знаетъ,

что вы помните о нихъ; но не входите въ бесѣды съ ними тайно, развѣ только тогда, когда будете говорить съ ними добрымъ разговоромъ.

Ст. 236. Не рѣшайтесь на брачный союзъ, покуда не поставятъ предписанный для него срокъ.....

Ст. 237. Не будетъ на васъ грѣха, если разведетесь съ тѣми жевами, къ которымъ вы не прикасались, или которымъ вы не давали определенной для приданого доли. Свабжайте ихъ,—зажиточный по своему достатку, бѣдный по своему достатку—снабжая въ благоприличной мѣрѣ, какъ подобаетъ людямъ благотворительнымъ.

Ст. 238. И если вы разводитесь съ ними прежде, нежели прикасались къ нимъ, и уже тогда какъ надѣляли ихъ определенной для приданого долей: то имъ позволяя того, что вы дали въ приданое имъ, развѣ только они (мужья) не уступятъ, или не уступитъ тотъ, въ рукѣ котораго брачный договоръ. А если вы уступите, это будетъ ближе къ благочестію. Но забывайте добрыхъ отношеній между собою.

Ст. 241. Тѣ изъ васъ, которые умираютъ и оставляютъ послѣ себя супругъ, должны завѣщать для своихъ супругъ надѣль, нужный въ одинъ годъ, безъ выхода изъ дома. А если онѣ выдутъ, то на васъ нѣтъ вины въ томъ, что сдѣлаютъ онѣ сами отъ себя, добровольно.

Ст. 282. Вѣрующіе! Когда вы другъ у друга дѣлаете долги на срочное время, то Для засвидѣтельствованія пусть призовутъ двухъ свидѣтелей изъ мужчинъ между вами; а если двухъ мужчинъ не будетъ, то пусть будутъ свидѣтелями мужчина и двѣ женщины, какихъ вы заблагоразсудите, для того, чтобы, когда одна изъ нихъ ошибется, другая которая либо изъ нихъ подтвердитъ.

Глава (4) Жены.

Ст. 1. Читая Бога, которымъ вы упрашиваете другъ друга, также и утробы васъ носившія.

- Ст. 2. Отдавайте сиротамъ имущество ихъ; не замѣняйте въ немъ добротнаго негоднымъ;.....
- Ст. 3. Если боитесь, что не соблюдете справедливости въ отношеніи сиротъ, то женитесь на сиротахъ женскаго пола, какъ скоро онѣ вправятся вамъ,—на двухъ, на трехъ, на четырехъ, а если боитесь, что не можете равно быть правдивыми ко всѣмъ имъ, то—только на одной, или на той, которой завладѣли руки наши; въ этомъ болѣе удобства не уклонитесь отъ справедливости. Съ добрымъ расположеніемъ души отдавайте женамъ приданое ихъ; и если онѣ захотятъ предоставить что нибудь изъ того вамъ, пользуйтесь тѣмъ въ удовольствіе, во благо себѣ.
- Ст. 5. Испытывайте сиротъ, покуда не наступитъ для нихъ время вступить въ бракъ; и если замѣтите въ нихъ здравый смыслъ, то отдавайте имъ имущества ихъ.
- Ст. 8. Мужчинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники; и женщинамъ своя доля изъ того, что оставили послѣ себя ихъ родители или близкіе родственники.....
- Ст. 9. Когда при раздѣлѣ будутъ находиться близкіе родственники, сироты, бѣдные, то дайте имъ что нибудь на пропитаніе, и, говоря съ ними, говорите благопривѣтливо.
- Ст. 12. Богъ въ отповѣсти дѣтей вашихъ заповѣдуетъ вамъ: доля сына равна долѣ двухъ дочерей; если будетъ жена болѣе двухъ, то имъ треть изъ оставшагося послѣ него имущества; если будетъ одна, то ей половина. И родителямъ его, каждому изъ нихъ, шестая часть изъ оставленнаго имъ имущества, если у него есть дѣти; а если не было у него дѣтей, то наследниками ему будутъ родители его, и въ этомъ случаѣ матери его—треть. Если у него есть братья, то матери его шестая часть изъ того, что останется послѣ выдачи того что въ завѣщаніи онъ завѣщаль, или послѣ уплаты долга.....
- Ст. 13. Вамъ половина того, что оставили жены ваши, если нѣтъ у нихъ дѣтей; а если есть у нихъ дѣти то вамъ четвертая часть изъ того, что оставили онѣ, послѣ выдачи по завѣщанію изъ того, что завѣщали онѣ кому либо, или послѣ уплаты долга.

- Ст. 14. Также имъ (женамъ) четвертая часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, если нѣтъ у васъ дѣтей; а если есть у васъ дѣти, то имъ осьмая часть изъ того, что оставите вы послѣ себя, послѣ выдачи по завѣщанію вашему того, что завѣщаете кому либо, или послѣ уплаты долга.
- Ст. 19. Если которыя изъ вашихъ жень сдѣлають гнусное дѣло (прелюбодѣяніе): то представьте изъ васъ четырехъ свидѣтелей о нихъ; и если они засвидѣтствуютъ, то держите ихъ въ домахъ вашихъ до тѣхъ, какъ постигнетъ ихъ смерть; или Богъ положитъ для нихъ какой либо путь.
- Ст. 23. Вѣрующіе! вамъ не позволяютъ брать наслѣдство у жень противъ ихъ воли, и также препятствовать имъ получать часть, какую вы предоставили имъ, развѣ только онѣ сдѣлають явлю какое гнусное дѣло. Обходитесь съ ними благопрістойно;.....
- Ст. 24. Если вы захотите замѣнить которую либо супругу другой супругой и первой изъ нихъ дали талантъ; то никакъ не берите его назадъ. Ужели возмете его къ своему посрамленію и дѣлая очевидное беззаконіе?
- Ст. 25. И какъ возмете вы его послѣ того, какъ вы стали въ близкое отношеніе другъ къ другу, и когда онѣ вступили съ вами въ тѣсный союзъ?
- Ст. 26. Не вступайте въ бракъ съ тѣми жевщинами, съ которыми вступали въ бракъ отцы ваши; потому что это—гнусное, срамное дѣло; это худой обычай.
- Ст. 27. Вамъ запрещается вступать въ бракъ съ матерями вашими, съ дочерьми вашими, съ сестрами вашими; съ тетками съ отцовой стороны, съ тетками съ материной стороны; съ дочерьми брата вашего и съ дочерьми сестры вашей; съ матерями нашими, которыя вскормили васъ грудью, съ сестрами нашими молочными; съ матерями жень вашихъ; съ падчерицами вашими, живущими въ вашихъ домахъ, отъ вашихъ жень, съ которыми вы вошли въ супружескія отношенія (но если вы не входили въ такія отношенія, то на васъ не будетъ грѣха жениться на нихъ); съ женами сыновъ вашихъ, которые отъ чреслъ вашихъ;

запрещается имѣть женами вмѣстѣ двухъ сестеръ (¹);.....

- Ст. 28. Запрещается бракъ съ замужними женщинами, за исключеніемъ тѣхъ, которыми овладѣла десница ваша.
- Ст. 29. Кто изъ васъ не владѣетъ такимъ достаткомъ, чтобы могъ вступить въ бракъ съ воспитываемыми подъ строгой охраной дочерями вѣрующихъ, то съ тѣми, которыми завладѣла десница ваша, съ вѣрующими служанками вашими..... вступайте въ бракъ съ ними съ позволенія семейства ихъ и отдавайте имъ вознагражденіе ихъ правдиво, коль скоро онѣ были честными, не распутными, не имѣвшими любовниковъ.
- Ст. 30. Если онѣ, послѣ того какъ жили честно сдѣлаютъ какую гнусность, то онѣ подвергаются половинѣ того наказанія, какому подвергаются воспитываемыя подъ строгимъ присмотромъ.....
- Ст. 38. Мужья стоятъ выше женъ, потому что Богъ далъ первымъ преимущество надъ вторыми и потому, что они изъ своихъ имуществъ дѣлаютъ траты на нихъ. Добрыя изъ нихъ покорны, во время ихъ отсутствія бережливы на то, что бережетъ Богъ; а тѣхъ, которыя опасны по своему упрямству, вразумляйте, отлучайте ихъ отъ своего ложа, дѣлайте имъ побой; если онѣ вамъ послушны, то не будьте несправедливы въ обхожденіи съ ними.....
- Ст. 39. Если вы опасаетесь разрыва между обоями, то призовите судью изъ его родственниковъ и судью изъ ся родственниковъ; если они оба захотятъ помириться, то Богъ устроитъ между ними согласіе.....
- Ст. 46. ... если вы больны, или въ дорогѣ, или когда кто изъ васъ пришелъ изъ отхожаго мѣста, или когда вы касались женъ и не найдете воды, то очищайте себя доброй пылью.....
- Ст. 123. А тѣ, которые дѣлаютъ доброе, мужчины ли, женщины ли будутъ они, были бы только вѣрующими, тѣ войдутъ въ рай и не будутъ обижены и на величюу ямки въ финиковой восточѣѣ.

(¹) Разновременно же родныя сестры могутъ быть женами одного и того же лица.

- Ст. 127. Если жена видитъ притѣсненіе себѣ отъ мужа или его отвращеніе отъ нея, то не будетъ на нихъ грѣха помириться между собою искреннимъ миромъ: миръ есть доброе дѣло.
- Ст. 128. Вы не можете одинаково быть расположенными къ женамъ своимъ, хотя бы этого и желали вы: потому и не привязывайтесь къ нимъ всею привязанностью,.....
- Ст. 175. Если умретъ какой мужчина, у котораго нѣтъ дѣтей, а есть сестра, то ей половина оставшагося имущества. И онъ получаетъ наследственно послѣ нея, если у нея не было дѣтей. Если ихъ двѣ, то имъ обѣимъ двѣ трети изъ оставшагося имущества.

Глава (5) Трапеза.

- Ст. 7. Разрѣшается вамъ бракъ съ воспитанными подѣ строгой охраной дочерями вѣрующими, и съ воспитанными подѣ строгой охраной дочерями тѣхъ, которымъ прежде насъ дано Цисавіе (христиане и евреи), когда дадите имъ вознагражденіе для нихъ и будете строго хранивать себя, не распутничая, не держа любовницъ.
- Ст. 8. Вѣрующіе! Когда вы хотите совершить молитву, то умывайте свои лица и свои руки до локтей и отирайте ваши головы и ваши ноги до щиколотокъ.
- Ст. 42. Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ воздаяніе за то, что сдѣлали они, въ назиданіе отъ Бога.

Глава (23) Вѣрующіе.

Счастливы *отрующіе* 2. тѣ, которые благоговѣйны въ молитвѣ, 3. которые воздержны отъ празднословія, 4. которые исполнители въ очистительной милостины, 5. которые осторожны въ отношеніи къ половымъ членамъ своимъ, 6. ограничиваясь своими жепами и невольницами, какими завладѣла правая рука ихъ.....

Глава (24) Свѣтъ.

- Ст. 2. Любодѣйцу и любодѣи подвергайте тѣлесному наказанію, давая каждому изъ нихъ по сту ударовъ. Со-

- жалѣніе о нихъ не должно овладѣвать вами при заповѣданномъ отъ Бога, если вы стали вѣрующими въ Бога и въ послѣдній день. Нѣсколько человекъ изъ вѣрующихъ должны присутствовать при наказаніи ихъ.
- Ст. 3. Любодѣя будетъ жениться только на любодѣйкѣ, или идолопоклонницѣ; и любодѣйка будетъ выходить замужъ только за любодѣя, или идолопоклонника. Но вѣрующимъ это запрещается.
- Ст. 4. Тѣхъ, которые будутъ клеветать на замужнихъ женщинъ и не представятъ четырехъ свидѣтелей, наказывайте осмьюдесятью ударами, и никогда не допускайте ихъ къ свидѣтельству, какъ людей негодныхъ.
- Ст. 6. Обвиняющій своихъ женъ, не имѣя свидѣтелей кромѣ себя самого, въ свидѣтельство за себя сдѣлаетъ четыре-кратное увѣреніе Богомъ, что онъ справедливъ
- Ст. 7. и въ пятый разъ — призваніе на себя проклятія Божія, если онъ лжетъ.
- Ст. 8. А та освобождается отъ наказанія, если сдѣлаетъ четыре раза призваніе Бога въ свидѣтельство того, что онъ лжетъ
- Ст. 9. и въ пятый разъ призоветъ на себя гнѣвъ Божій, если онъ справедливъ.
- Ст. 23. Тѣ, которые клеветуютъ на честныхъ женъ, равнодушныхъ къ молвѣ, вѣрующихъ, прокляты въ этомъ и въ томъ свѣтѣ;.....
- Ст. 30. Скажи вѣрующимъ, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ чувственныхъ пожеланій....
- Ст. 31. Скажи также и вѣрующимъ женщинамъ, чтобы онѣ потупляли свои взоры; хранили бы себя отъ половыхъ пожеланій; показывали только тѣ изъ своихъ нарядовъ, которые паружу; накладывали бы себѣ на грудь покрывала; показывали бы свои наряды только своимъ мужьямъ, своимъ отцамъ, отцамъ своихъ мужей, своимъ сыновьямъ, сыновьямъ своихъ мужей, своимъ братьямъ, сыновьямъ своихъ братьевъ, сыновьямъ своихъ сестеръ, своимъ женщинамъ, певольницамъ, слугамъ, таковымъ, которые не имѣютъ половыхъ побужденій, дѣтямъ, которые не распознаютъ еще женской наготы; погами своими не ступали бы онѣ такъ, чтобы выставлялись закрытые наряды ихъ.

- Ст. 32. Позвольте вступать въ бракъ безбрачнымъ между вами, добрымъ слугамъ и служавкамъ вашимъ.....
- Ст. 33. А тѣ, которые не вступили въ бракъ, должны жить водержво, покуда Богъ не обогатитъ ихъ отъ щедротъ своихъ..... Для пріобрѣтенія выгодъ въ здѣшнемъ мірѣ не принуждайте своихъ певольницъ къ распутству, тогда какъ онѣ хотятъ жить честно;.....
- Ст. 59. Постороннимъ женщинамъ, таинимъ, которыя не надѣются вступить въ бракъ, не ставится въ вину снимать съ себя одежду, если онѣ не думаютъ при этомъ хвалиться своими нарядами.

Глава (33) Соумышленники.

- Ст. 4. Онъ положилъ, чтобы ваши супруги, съ которыми разводитесь, назвавши ихъ хребтомъ матери, были вамъ матерями..... (').
- Ст. 33. Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими нарядами,..... Совершайте молитву, давайте очистительную съ имущества милостыню;.....
- Ст. 48. Вѣрующіе! Когда вы желаете на вѣрующихъ женахъ, и потомъ разводитесь съ ними прежде прикосновения къ нимъ, тогда вамъ не слѣдуетъ обязывать ихъ къ сроку, какой считаете вы, а давайте имъ дары и отпускайте отъ себя благоприличнымъ отпускомъ.
- Ст. 49. Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары: певольницъ, какими владѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по отцу; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери;... ..
- Ст. 55. На нихъ (женщинахъ) вѣтъ грѣха открываться при отцахъ своихъ и сыновьяхъ своихъ, при братьяхъ

(') Жену, даже и въ шутку нельзя называть матерью, сестрой; также мужъ не можетъ быть учителемъ своей жены. Нарушеніе этого правила—одинъ изъ поводовъ къ разводу.

своихъ и сыновьяхъ братьевъ своихъ и при сыновьяхъ сестеръ своихъ, при женахъ ихъ и при своихъ невольникахъ.

Ст. 59. Пророкъ! скажи супругамъ твоимъ, дочерямъ твоимъ, женамъ вѣрующимъ: плотнѣе опускали бы онѣ на себя покрывала свои: при такомъ опусканьи онѣ не будутъ узнаваемы, и потому не будутъ оскорбляемы.

Ст. 73. Богъ накажетъ лицемѣровъ и лицемѣрокъ, многобожниковъ и многобожницъ;.....

Глава (46) Ахкафъ.

Ст. 14. Человѣку мы заповѣдали дѣлать добро своимъ родителямъ. Мать его носить его во чревѣ съ трудомъ и рождаетъ его съ трудомъ: ношеніе его во чревѣ и кормленіе его грудью — тридцать мѣсяцевъ.

Глава (49) Внутреннія комнаты.

Ст. 4. Изъ тѣхъ, которые громко выхваляютъ тебя изъ внутреннихъ комнатъ, очель многіе неблагоразсудительны.

Ст. 5. Но если бы они ждали, когда ты выйдешь къ нимъ, то это было бы для нихъ лучше.....

Глава (52) Гора.

Ст. 21. Вѣрующимъ и потомкамъ ихъ, послѣдовавшимъ имъ въ вѣрѣ, мы дадимъ видѣться съ потомствомъ ихъ.

Глава (60) Испытываемая.

Ст. 11. Если которыя изъ вашихъ женъ убѣгутъ отъ васъ къ невѣрнымъ, то можете взять ихъ назадъ, какъ добычу; а за тѣхъ изъ женъ ихъ, которыя убѣгутъ отъ нихъ къ вамъ, отдавайте равное тому, что употребили они на содержаніе ихъ....

Глава (65) Разводъ супруговъ.

Ст. 1. Пророкъ! Когда разводите вы съ женами, то разводите съ ними въ отчисленный для нихъ срокъ, и

- вѣрно считайте этотъ срокъ..... Не высылайте ихъ изъ домовъ ихъ; онѣ тогда только пусть выйдутъ, когда сдѣлаютъ явное безпутство.
- Ст. 2. Когда онѣ достигнутъ срочнаго времени, тогда вы или благопристойно удержите ихъ, или благопристойно разлучитесь съ ними; изберите въ свидѣтели людей правдивыхъ между вами,.....
- Ст. 4. Тѣмъ изъ вашихъ женъ, которыя, хотя сами не ждутъ очищеній, но для васъ еще сомнительны, тѣмъ срокъ три мѣсяца, какъ и тѣмъ, у которыхъ еще не было очищеній. А беременнымъ срокъ, когда онѣ разрѣшатся отъ своего бремени.
- Ст. 6. Давайте имъ жительство тамъ, гдѣ сами жительствоете, по своимъ достаткамъ; не огорчайте ихъ, давая имъ тѣсное помѣщеніе. Если онѣ беременны, доставляйте имъ содержаніе, покуда онѣ не разрѣшатся отъ бремени своего. И если вы возьмете ихъ въ кормилицы вашимъ дѣтямъ, то давайте имъ плату; совѣтуясь съ ними, дѣлайте, что почитете лучшимъ.
- Ст. 7. Достаточный пусть дѣлаетъ издержки по своему достатку; и тотъ, у кого жизненные потребности скудны, пусть дѣлаетъ издержки изъ того, что доставилъ ему Богъ.

Главнымъ хранителемъ религіи въ средѣ населенія является, конечно, духовенство. У мусульманъ оно не рукоположенное. Духовныя должности во время хановъ, также какъ и теперь, замѣщались или по назначенію отъ правительства, или по выбору гражданъ, т. е. также, какъ и должности административныя, безъ всякаго рукоположенія, или посвященія со стороны высшихъ духовныхъ лицъ.

Каждый грамотный, умѣющій читать и писать, носитъ званіе *муллы*, что по арабски значитъ — учитель. Умѣющіе читать только называются у туземцевъ *чала-мулла* (неполный, несовершенный мулла), перѣдко употребляютъ такіа выраженія, какъ: *очень мулла*; *не очень мулла*; *большой мулла*; *плохой мулла* и пр.

Лица, изучавшіе, крокъ чтенія и письма, еще и главнѣйшія изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ вложено толкованіе

догматовъ и обрядовъ религии, а равно и права, носятъ общее названіе *улемъ* — ученый, богословъ.

Такимъ образомъ принадлежность къ сословию духовенства, будучи правомъ личнымъ, не переходящимъ наследственно, обуславливается главнымъ образомъ знакомствомъ съ мусульманской наукой, т. е. въ сущности съ мусульманскимъ богословіемъ (и правомъ), а относительное положеніе въ средѣ *муллъ* и *улемъ* зависитъ прежде всего отъ обширности обладаемыхъ даннымъ лицомъ знаній.

Въ общемъ все, официально существующее, туземное, мусульманское духовенство, принимающее непосредственное участіе въ общественной жизни населенія, можно подраздѣлить на четыре главнѣйшихъ разряда:

- 1) Причтъ мечетей.
- 2) Судебный институтъ.
- 3) Учителя высшей школы.
- 4) Преподаватели права и богословія.

Причтъ каждой отдѣльной мечети состоитъ изъ двухъ лицъ: *имамъ* и *азанчъ* (последній называется также *мудзиномъ* или *суфй*).

Оба избираются или, вѣрнѣе, нанимаются гражданами даннаго прихода. Прежде *имамы* главнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ мечетей назначались ханами. На обязанности *имамъ* лежитъ присутствовать ежеднневно при всѣхъ пяти *намазахъ* и читать тѣ молитвы, которыя положено читать ему вслухъ по уставамъ религии.

Азанчъ за нѣсколько минутъ до намаза кричитъ *азанъ*, призывъ на молитву и паблюдаетъ за чистотой въ мечети.

Въ кишлакахъ, какъ *имаму*, такъ и *азанчъ*, уплата производится хлѣбомъ. Обыкновенно обонмъ *шиммакъ*. (около 52 ф.) пшеницы въ годъ съ каждаго дома. На долю *имамъ* $\frac{1}{4}$ всего собраннаго хлѣба; остальное получаетъ *азанчъ*. Состоятельные домохозяева платятъ нѣсколько больше условленной нормы. (Въ среднемъ приходѣ около 25 домовъ).

Годовой доходъ *имамъ* въ кишлакѣ на деньги колеблется отъ 15 до 30 р. Въ эти цифры не входятъ, впрочемъ, частные доходы по случаю свадебъ, похоронъ, отчитыванія больныхъ и пр.

Въ городахъ уплата производится деньгами отъ 20 к. до 2 р. съ дома, смотря по состоятельности. *Азанчъ* полу-

часть $\frac{1}{10}$, или $\frac{1}{8}$, всего сбора и кромѣ того обыкновенно ему же отдаются прихожанами шкуры тѣхъ жертвенныхъ козловъ и барановъ, которые рѣжутся ими на праздникъ Курбанъ. Такихъ шкуръ онъ набираетъ, въ среднемъ, на одну миллю (3 р. 80 к.) въ годъ. (Относительно шкуръ тотъ же обычай и въ кишлакахъ). Причинами смѣщенія *имдма*, или *азамчи*, считаются обыкновенно нерадѣніе, какой либо компрометирующій ихъ, какъ духовныхъ лицъ, поступокъ и пр.

Смѣщеніе и замѣна новымъ лицомъ производятся съ общаго согласенія или всего квартала (онъ же и приходъ), или только нѣсколькихъ, наиболѣе уважаемыхъ, или почему либо влиятельныхъ, стариковъ.

Туземное судебное учрежденіе, разбирающее дѣла по *шаріату*, состоитъ изъ трехъ лицъ: *казы*, *амдма* и *муфти*.

Казы являетъ собою инстанцію рѣшающую. Приложеніемъ его печати свидѣтельствуется и заверяются документы и постановленія суда.

Амдма играетъ роль помощника и совѣтника *казы*; иногда замѣщаетъ послѣдняго во время его болѣзни, отсутствія и пр.

Муфти докладываетъ *казы* дѣла и подписываетъ въ шаріатѣ тѣ статьи, которыми слѣдуетъ руководиться въ данномъ случаѣ. (Такая статья закона называется *фетва* или *патва*).

Прежде всѣ эти должности замѣщались по назначенію отъ правительства; теперь онѣ выборныя. Число *казы* въ городахъ различно, смотря по величинѣ города; въ Наманганѣ напр. ихъ два. Въ городовъ—по одному на волость.

Въ настоящее время суду *казіевъ* подсудны дѣла бракоразводныя, а также всѣ вообще гражданскіе искн не свыше 100 р. сер., одного только осѣдлаго туземнаго населенія. (Искн свыше 100 р., а также дѣла по апелляціоннымъ жалобамъ на рѣшеніе *казіевъ*, вѣдаются уѣздными сѣздами послѣднихъ).

Казіамъ, *муфти* и *амдмамъ* отъ правительства никакого содержанія не полагается; вознагражденіе они получаютъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ или по таксѣ, утвержденной русской администраціей, или же по взаимному согласенію.

При каждой мечети имѣется приходская школа — *мактаба*, гдѣ мальчики даннаго прихода, или квартала, обучаются чтенію и письму. Зданіе школы имѣетъ видъ комнаты, въ которой можетъ помѣститься отъ 10 до 30 дѣтей, сидящихъ близко другъ къ другу, поджавъ подъ себя ноги, и строится въ большинствѣ случаевъ тѣмъ же лицомъ, которое строило и самую мечеть. (Рѣже обѣ постройки сооружаются на общественный счетъ). Иногда школа помѣщается или въ частномъ домѣ, или въ самой мечети.

Учреждается школа, т. е. приглашается учитель, по соглашенію или вѣсколькихъ, наиболѣе вліятельныхъ, лицъ, или цѣлаго прихода.

Учителемъ приглашается или *имамъ*, или *аланчй* той мечети, при которой школа находится, а въ случаѣ ихъ отказа, неспособности, или др. причинъ, постороннее лицо.

Учитель по большей части одианъ. При большомъ числѣ учащихся онъ выбираетъ себѣ помощниковъ изъ лучшихъ, наиболѣе знающихъ, старшихъ учениковъ, приблизительно по одному на десять.

Въ кишлакахъ, отдаленныхъ отъ города, гдѣ грамотныхъ людей сравнительно мало, трудъ таково учителя — *дамулла* оплачивается довольно сносно и всегда почти хлѣбомъ. Онъ получаетъ условленной платы не менѣе пуда пшеницы въ годъ за каждаго учащагося и кромѣ того время отъ времени мелкіе подарки деньгами и продуктами.

(Учительница — *атумъ*, обучающая дѣвочекъ на дому, въ этихъ же кишлакахъ, получаетъ тоже пшеницей, но вдвое менѣе).

Въ городахъ *дамулла* условленной платы по большей части не получаетъ. По четвергамъ каждый ученикъ приносить ему такъ назыв. *нейшамбелйкъ* (*нейшамбѣ* — четвергъ) — деньги, хлѣбъ, рисъ, — размѣры котораго всегда зависятъ отъ благосостояніи той семьи, къ которой принадлежитъ учащійся. Кромѣ того, при окончаніи каждаго особаго отдѣла выучки, *дамулла* получаетъ отъ родителей не большіе подарки, а ежегодно, передъ наступленіемъ праздника *Рамазанъ*, школьники ходятъ вечеромъ по своему приходу *славитъ* и все собранное отдаютъ своему учителю. Этотъ обычай ведется теперь главнымъ образомъ въ кишлакахъ и носитъ названіе *рамазанлыкка*. *Дамулла* составляетъ стихи ра-

мазанька; ученики заучивают ихъ и декламируютъ на распѣвъ. (Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *рамазанька* декламируется только своимъ родителямъ. Тотъ же обычай и у дѣвочекъ). Вотъ образчикъ *рамазанька*:

„Прошелъ мѣсяць Рамазанъ;
„Пришелъ праздникъ Рамазанъ;
„Дайте мнѣ праздничный подарокъ,
„Я отдамъ его своему учителю,
„А Васъ Богъ вознаградитъ
„За мое ученіе въ день суда“.

Прежде велся обычай такого же *наурұзька* (*наурұзъ*—новый годъ) песной, при появленіи новой земли. Теперь этотъ обычай почти оставленъ.

Число учащихся въ одной школѣ колеблется отъ 5 до 30, рѣже до 40 мальчиковъ, а возрастъ поступленія въ школу, въ среднемъ, можетъ быть припятъ около 8 лѣтъ.

Обученіе не обязательное. Всѣ ученики пизшей школы приходящіе.

Отецъ, или другой старшій родственникъ, приводитъ мальчика въ школу къ учителю, при чемъ послѣднему приносятся блюдо *наиду*, или другое какое либо угощеніе и произносится рѣчь такого приблизительно содержания: „господниъ! мы поручаемъ нашего ребенка вамъ. Учите его, бейте. Если даже и убьете—мы не будемъ имѣть на васъ претензій. Мясо наше, кости—наши“.

Впослѣдствіи большинство учителей пользуется даннымъ родителями правомъ самымъ широкимъ образомъ. Намъ приходилось видѣть мальчиковъ (да и дѣвочекъ тоже), бѣжавшихъ отъ ученія потому только, что они не могли вынести чрезвычайной методичности битья, въ особености же по головѣ. Есть учителя, гуманное обращеніе которыхъ съ дѣтми не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ общемъ битье распространено очень сильно. У многихъ существуетъ даже увѣренность въ томъ, что безъ этой мѣры никакого пути не будетъ и не можетъ быть, т. е. въ сущности тоже, что царило и у насъ самихъ сравнительно еще очень недавно. Разъ намъ пришлось учить взрослого уже сарта арифметикѣ. Малышъ оказался очень толковый; дѣло шло успѣшно, по,

не смотря на это, взрослый ученикъ совершенно серьезно просилъ одного изъ насъ поколачивать его время отъ времени, утѣряя, что тогда учење пойдетъ много ходчѣе.

И такъ парнишку привели въ школу. Первый урокъ начинается тѣмъ, что учитель береть его за руку и заставляетъ повторять за собой слова первой *суры* Корана. Затѣмъ переходятъ къ азбукѣ. Въмѣсто азбукъ—книжечекъ, по крайней мѣрѣ на первое время, употребляются или небольшія деревянныя досечки съ ручками, или же пластины бѣлой жести, на которыхъ учитель пишетъ перомъ часть алфавита.

Заучиваніе буквъ и зубреніе слоговъ продолжается, въ среднемъ, отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

Первая книга, которую даютъ въ руки ученику—Коранъ на арабскомъ языкѣ, котораго учитель по большей части и самъ то или со всѣмъ не знаетъ, или знаетъ очень плохо,

Обязательно для каждаго учащагося Коранъ прочитывается, а *Іа Гоголевскій Петрушка*, отъ корки до корки, на что уходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Далѣе всегда слѣдуетъ чтеніе (и опять таки механическое) книги *чѣръ-китабъ*, содержащей въ себѣ изложеніе правилъ омовенія, молитвъ, поста и пр., написанной на персидскомъ языкѣ, котораго ученики—узбеки тоже не понимаютъ. (Въ арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкѣ алфавитъ одинъ—арабскій).

Въ день разбирается по нѣскольку строкъ, при чемъ *дамули* учить только правильности произношенія. Когда ученикъ привыкнетъ достаточно бѣгло читать *чѣръ-китабъ*, не понимая конечно содержанія, то говорятъ: „*сабѣтъ-чикитѣ*“—утвердился, и переходятъ или къ письму, или къ механическому чтенію другихъ книгъ, какъ напр. *Ходжа-Хафизъ* (одинъ изъ персидскихъ поэтовъ).

Обученіе въ школѣ продолжается отъ 2-хъ до 5 лѣтъ. Запятія—ежедневно, за исключеніемъ пятницъ и праздниковъ.

Ученики собираются рано утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца; за часъ, или за два, до полудня расходятся по домамъ завтракать; въ полдень собираются снова и сидятъ еще часъ, или два, а то и до вечера. Иногда, по соглашенію съ родителями, лѣтомъ мѣсяца на два каникулы.

Въ школъ учатся, по большей части, по два за одной книгой или досечкой. На главномъ мѣстѣ комнаты (у стѣны, противуположной входной двери) сидятъ читающіе *чаракитаба*, *Ходжа-зафилъ* и др. книги; ближе къ дверямъ съ кораномъ и наконецъ у самыхъ дверей съ досечками.

Вся эта компанія оретъ во весь голосъ то, что каждому задано выучить учителемъ.

Иногда самъ, послѣдній, во время такого урока отсутствуетъ. Показавъ каждому, какъ читаются заданныя строки *чаракитаба*, или корана, или буквы и слоги, и надрывъ уши наименѣе повятливымъ, *дамули* уходитъ по своимъ дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его профессіей учителя.

Большинство кончившихъ обученіе въ приходской школъ обращаются къ обычнымъ занятіямъ туземнаго населенія, не исключая и земледѣлія; нѣкоторые, выучившіеся порядочно писать, дѣлаются переписчиками книгъ и зарабатываютъ въ день приблизительно отъ 10 до 40 к. (¹), или поступаютъ въ писцы, *мирэд*, такихъ учрежденій, гдѣ не требуется знанія ариметики, которая въ начальной школъ не преподается.

Кончившій полный курсъ въ *мактабъ* *имамомъ* мечети можетъ сдѣлаться тогда только, если (при условіи достиженія зрѣлаго возраста) изучить и представить доказательство своего знанія: двухъ первыхъ главъ книги *Мухтасаръ-уль-викайэ* (на арабскомъ языкѣ) о правилахъ омовеній и молитвы, а также нѣсколькихъ опредѣленныхъ *суръ* Корана наизусть.

Меньшинство, желающее продолжать свое образованіе, по выходѣ изъ *мактаба*, поступаетъ въ *медресэ*, высшую туземную школу, въ которой обучается арабскому языку, богословію и праву, проходя все это по книгамъ, написаннымъ исключительно на арабскомъ языкѣ.

Ильмъ—и—ферайзъ, заключающій въ себѣ, какъ послѣдственное право, такъ равно и краткій курсъ математики (первыя четыре правила ариметики и самое неудовлетворительное изложеніе способовъ измѣренія площадей простѣй-

(¹) 60 к. зарабатываетъ только тотъ, у кого почеркъ особенно четкій и красивый.

шихъ геометрическихъ фигуръ, необходимаго при измѣреніи земли), изучается особо, желающими только и сравнительно рѣдко, не смотря на то, что Пророкъ сказалъ: „изучайте *Ферайза*, въ немъ половина человѣческихъ знаній“.

Медресе имѣются, какъ во всѣхъ городахъ, такъ равно и въ большинствѣ тѣхъ большихъ, базарныхъ кишлаковъ, гдѣ въ прежнее время жили Ханскіе беки, какъ напр. въ Яны-Курганѣ, намаганскаго уѣзда, въ Тюря-Курганѣ и Касавѣ-Чустскаго и др.

Въ кишлакахъ обыкновенно не болѣе одного медресе, а число учениковъ отъ 5 до 15.

Въ городахъ медресе двухъ различныхъ родовъ:

1) малыя, при нѣкоторыхъ изъ приходскихъ мечетей, на 5—10 человѣкъ учащихся и

2) большія, самостоятельныя медресе, имѣющія свои собственныя (помѣщающіяся въ зданіи медресе) мечети, своихъ *имамовъ*, свои *вакфы* (') и учениковъ отъ 15 до 100 (рѣже, какъ напр. въ большомъ медресе г. Кокана, число учениковъ доходитъ до 200).

Число учителей—*мударрисовъ*, завися отъ общихъ размѣровъ медресе и числа учащихся, колеблется отъ одного до десяти, рѣдко 12-ти.

Число большихъ медресе въ разныхъ городахъ различно.

Въ Намаганѣ, напр. ихъ четыре; въ Коканѣ четырнадцать.

Спооруженіе медресе и снабженіе его жизненными средствами считается богоугоднымъ дѣломъ; потому всѣ, существующія нынѣ, построены на частныя средства хановъ, хакимовъ, а также и состоятельныхъ частныхъ лицъ.

Лицо, строящее медресе, дарствуетъ обыкновенно еще и нѣкоторое количество земли, доходами съ которой пользуются, какъ учителя—*мударрисы*, такъ равно и ученики—*муллы* (или *макирды*).

Иногда кромѣ земли завѣщается небольшой, въ нѣсколько сотъ рублей, капиталъ и незначительная библиотечка, составленная изъ тѣхъ книгъ, которыя обыкновенно проходятся въ туземныхъ медресе.

(') Имущества (земли по большей части), доходами съ которыхъ пользуется данное учрежденіе.

Случается, что впоследствии *вакфа*, обладаемый учрежденіемъ, увеличивается пожертвованіями и другихъ, постороннихъ лицъ.

Прежде ханы вѣдко отказывались въ пользу того или другаго медресе отъ податей, сходящихся съ каковаго либо вышлага, почему доходы нѣкоторыхъ медресе простирались иногда до весьма значительныхъ размѣровъ.

Основатель медресе составляетъ обыкновенно документъ — *шэртъ-нама*, въ которомъ значится: когда и въмѣ построено медресе; сколько и гдѣ завѣщано ему земли; какъ должны дѣлиться ежегодные доходы съ нея между *мутевалдъ*, завѣдующимъ хозяйствомъ учрежденія, *мударрисами* и тремя разрядами учениковъ.

Иногда въ такой *шэртъ-нама* упоминается также и о томъ, какія книги должны проходиться учениками каждаго изъ трехъ разрядовъ, кто имѣетъ право быть *мутевалемъ*, *имамомъ* находящейся при медресе мечети и проч.

Мутевалдъ получаетъ $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{10}$ годового дохода съ *вакфы*.

Получка *мударрисовъ* и учениковъ различны, смотря по количеству земли, принадлежащей учрежденію.

Въ среднемъ *мударрисъ* получаетъ изъ *вакфы* отъ 30 до 100, рѣже до 200, р. сер. въ годъ. (Кромѣ того наиболѣе состоятельные ученики и ихъ родители дѣлаютъ подарки пѣвностью отъ 3 р. до 40 р. по окончаніи изученія каждой отдѣльной книги.)

Ученикъ высшаго разряда ежегодно получаетъ отъ 15 до 35 руб., средняго — отъ 10 до 20 р. и низшаго — отъ 4 до 12 р. (Цифры эти относятся къ тѣмъ медресе, *вакфы* которыхъ, по размѣрамъ своимъ, могутъ быть приняты за средніе. Наиболѣе богатыми считаются медресе г. Маргелана).

Большія медресе строятся всегда изъ жженого кирпича; крыши, какъ и у всѣхъ почти туземныхъ зданій, плоскія, крытыя землей. Само медресе имѣетъ видъ двора, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокой, отъ двухъ до четырехъ саж., стѣной, ко внутренней сторонѣ которой пристраиваются *худжра*, кельи для учениковъ и *мударрисовъ*, каждая по 1—4 человека, *дарсъ-хана* — вѣчто вродѣ аудиторіи, больше отдѣльныхъ *худжри*, одинъ или два навѣса и наконецъ мечеть *ханака*.

Въ большихъ медресе Кокана *худжри* расположены въ два этажа. Число послѣднихъ въ одномъ медресе колеблется отъ 20 до 70.

Большая часть времени, какъ учениками, такъ и учителями, проводится въ самомъ медресе, въ *дарсъ ханъ*, или въ *худжратъ*. На ночь, да и то не каждый день (обыкновенно по четвергамъ и базарнымъ днямъ только), по домамъ расходятся большею частью одни лишь женатые.

Занятія продолжаются обыкновенно круглый годъ, но не ежедневно. Дни недѣли подраздѣляются въ этомъ отношеши на: *тахсылъ* (суббота, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ)—дни занятій и *таатылъ* (среда, четвергъ, пятница)—свободные дни, предназначающіеся также и для повторенія пройденнаго.

Ученики дѣлятся на три разряда:

- 1) *адна* (низшій),
- 2) *аусатъ* (средній) и
- 3) *али* (вышій)

Адна проходятъ обыкновенно книги: *Каній*, *Шархъ* — *мулла*, *Шамсій* и *Мухтасаръ* — *ул* — *викайъ*, оставаясь въ этомъ разрядѣ около 3 лѣтъ.

Аусата изучаютъ *Акайдъ* и *Таузій* около 3—4 лѣтъ. *Али* изучаютъ: *Мулла* — *Джалль*, *Мушкатъ* — *и* — *Шерифъ*, *Хидай* — *и* — *шерифъ* и пр., оставаясь при медресе различное число лѣтъ, иногда до полученія мѣста *мударриса*, *муфти* или *алима*, а иногда, что совсѣмъ не рѣдкость, до конца своей жизни, посвящая всю послѣднюю на изученіе богословія, которое вмѣстѣ съ мусульманскимъ правомъ и философией являетъ собою содержаніе всѣхъ перечисленныхъ выше книгъ.

Однажды вамъ пришлось спросить пожилаго уже сарта — *мирзу*, сколько времени онъ учился въ медресе.

Мирза отвѣчалъ, что пробылъ онъ очень не долго, всего 7 лѣтъ; богословскихъ книгъ не изучалъ, а выучился писать и заучилъ наизусть 22 *синары* Корана. (Кромѣ дѣленія на главы — *сурі*, Коранъ подраздѣляется еще на 30 *синары*).

Въ большихъ медресе, имѣющихъ нѣсколькихъ *мударрисовъ*, ученики одного и того же курса или, вѣрнѣе, изучающіе одну и ту же книгу, собираются у своего учителя. Одинъ изъ учениковъ читаетъ; другіе слѣдятъ за нимъ по

своими книгамъ; *мударриса*, поправляя произношеніе, дѣла-етъ нужныя разъясненія и толкованія прочитаннаго.

Не рѣдко на такія лекціи извѣстныхъ *мударрисовъ* при-ходятъ ученики другихъ медресе, или даже посторонніе, воль-ные слушатели; точно также есть *мударрисы*, не принадле-жащіе ни къ какому медресе и дающіе уроки частнымъ об-разомъ, на разныхъ условіяхъ, какъ въ медресе, такъ и на домахъ. (Къ числу такихъ условій принадлежитъ, между про-чимъ, плата за выучку той или другой книги.)

Такъ какъ принадлежность ученика къ тому или дру-гому разряду связана съ полученіемъ большей или меньшей части годоваго дохода медресе, то и переходъ изъ разряда въ разрядъ, конечно, не можетъ быть самопроизвольнымъ.

Каждый, надѣющійся на достаточность своихъ знаній и подготовки, самъ заявляетъ *мударрису* о желаніи перейти въ слѣдующій разрядъ и держитъ у послѣдняго экзаменъ.

Переводъ изъ разряда въ разрядъ слабыхъ учениковъ случается очень рѣдко, ибо товарищи доймаютъ такого са-мыми злыми и постоянными насмѣшками надъ ничтожностью его знаній.

Въ старину *мударрисы* приглашались самими ученика-ми; впоследствии ихъ стали назначать ханы; теперь это дѣло въ томъ переходномъ положеніи, при которомъ имѣ-ютъ мѣсто и избраніе, и протекція наиболѣе вліятельныхъ, какъ улемъ, такъ равно и административныхъ лицъ тузем-наго происхожденія, и пр.

Что касается до поступленія въ большія, обладающія вакфами, медресе учениковъ (обыкновенно не равѣе 14—15 лѣтнаго возраста), то оно весьма своеобразно. Право та-кого поступленія по большей части покупается на деньги. Во всѣхъ почти большихъ медресе велья продажныя—*сам-ханы*. Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за постройкой медресе велья—*худжра* продаются желающимъ обыкновенно очень недорого, отъ 3 до 8 р. (Деньги, вырученныя отъ этой про-дажи, поступаютъ въ распоряженіе мутевалі и расходуются имъ на ремонтъ медресе и др. надобности.)

Лицо, купившее *худжру*, получаетъ на вѣчныя времена право жить въ ней, слушать уроки у *мударрисовъ*, пользо-ваться книгами, завѣщанными медресе, если такія имѣются, и получать, согласно завѣщанію, прописанному въ *шэртъ*—

нама, часть дохода съ вакфа, смотря потому, къ какому разряду онъ (ученикъ) будетъ принадлежать.

Оставляя медресе, владѣтель *худжры* перепродаетъ свое право одному или нѣсколькимъ желающимъ.

Часто обладатель *худжры* продаетъ право сожителствовать съ нимъ въ его кельѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и получать часть дохода приходящуюся на данную *худжру*.

Въ тѣхъ медресе, гдѣ *худжры* не продажныя, поступленіе разрѣшается обыкновенно *мударрисами*.

Общаго стола нѣтъ. Пища покупается или готовится отдѣльно въ каждой кельѣ. Часто даже въ одной и той же кельѣ живущіе въ ней 2—3 человека не образуютъ между собою артели.

Въ общемъ питаніе очень плохое и скудное. Чай, хлѣбъ, сушеные и сырые фрукты и очень рѣдко *намау* или другое питательное кушанье. Последнее зачастую готовится тутъ же, въ *худжрѣ*, въ крошечномъ, чуть не агрушечномъ котелкѣ — разъ въ недѣлю.

По утонченной вѣжливости переходящей въ раболѣпіе, по привычкѣ опускать глаза долу, говорить тихо и ѣсть мало; по особой, если можно такъ выразится вѣщенской опрятности, по привычкѣ вставлять въ рѣчь массу арабскихъ и персидскихъ словъ, по нѣсколько испитому цвѣту лица и неестественной для данной расы бѣлизнѣ рукъ всегда легко узнать человека, долго просидѣвшаго въ медресе и не имѣвшаго въ теченіи этого времени своихъ личныхъ средствъ жизни, достаточныхъ для сноснаго существованія.

Заговоривъ о туземномъ, мусульманскомъ духовенствѣ и сказавъ все то, что позволяютъ общіе размѣры этого труда, о причтѣ мечетей, судьяхъ, учителяхъ высшей туземной школы, нельзя пройти полнымъ молчаніемъ *ишановъ*, *кары* и *дуд-хановъ*.

Въ древности или, вѣрнѣе, въ старину подъ именемъ *ишановъ* или *ишровъ* разумѣлись люди, отличавшіеся строгимъ, аскетическимъ образомъ жизни и строгими правилами нравственности. Не ограничиваясь обязательными для каждаго мусульманина пятью ежедневными *намазами* и мѣсяцемъ поста, такого рода подвижники возлагали на себя добровольные посты, обязательство чтенія въ теченіи дня части Корана, многократное произнесеніе какой либо молитвы или про-

нанесеніе эпитетовъ имени Божія и др. подобнаго же рода эпитеміи.

Съ приобрѣтеніемъ въ народѣ извѣстности *ишанами* приобрѣтали и послѣдователей — *мюрідовъ*.

Образовалось вѣчто вродѣ монашескихъ орденовъ, члены которыхъ однако же не оставляли по большей части ни своихъ обычныхъ частныхъ занятій, ни семействъ и пр., и собирались только для совершенія общественныхъ моленій и бесѣдъ со своими наставниками.

Въ настоящее время изъ числа такихъ прежнихъ *ишановъ*, почитаемыхъ за святыхъ, туземцы съ наибольшимъ уваженіемъ относятся къ памяти старинныхъ бухарскихъ *ишановъ*: Хазрѣтъ-и-Шяръ-Куляль, Хазрѣтъ-и-Баба-и-Агалыкъ, Хазрѣтъ-и-Шахъ-и-Джааль, Хазрѣтъ-и-Патъ-Абъдъ и Хазрѣтъ-и-Дивана-и-Багаведдѣвъ. (Хазрѣтъ — святой) Поступленіе въ мюріды того или другого *ишана* сопровождалось, также какъ и теперь, слѣдующимъ обрядомъ. Ишанъ беретъ новаго мюріда за правую руку и спрашиваетъ его: раскаивается ли онъ въ совершенныхъ имъ грѣхахъ? будетъ ли воздерживаться отъ нихъ на будущее время? Будетъ ли руководствоваться въ дальнѣйшей своей жизни правилами, установленными религіей? и пр.

Слѣдуютъ, конечно, утвердительные отвѣты. *Ишанъ* читаетъ молитву и сейчасъ же налагаетъ на новаго мюріда какую нибудь эпитемію, какъ напр. нѣсколько сотъ кратное ежедневное прочтеніе какой либо краткой молитвы или повтореніе имени Божія — *алла*.

Наибольше ревностные мюріды, прошедшіе болѣе или менѣе продолжительные искусы и послушаніе, получали, отъ своего *ишана*, *иршадъ* (собственно — напутствіе), документъ или патентъ, въ которомъ значилось, что такой-то, пройдя искусы у такого то, достаточно укрѣпился въ правилахъ вѣры, можетъ самъ быть паставникомъ (*халифа*) и обязуется пожизненно вести такую то эпитемію или исполнять такой то обрядъ.

Путемъ такихъ посвященій *ишанами* размножились и разсѣялись по лицу мусульманской земли. Въ настоящее время въ каждомъ кварталѣ Намангана *ишановъ* имѣется по три, по четыре; однакоже сколько нибудь серьезнымъ уваженіемъ и большимъ числомъ мюрідовъ располагаютъ очень немно-

гіе, а чѣмъ дальше, тѣмъ все больше падаетъ значеніе этихъ наставниковъ. Прежде, и сравнительно еще не очень давно, были *ишаны* (какъ напр. Кагга - Ходжа - Ишанъ въ Намангатѣ), которые составляли себѣ цѣлыя состоянія изъ добровольныхъ приношеній, дѣлавшихся ихъ мюридами.

Теперь подобнаго рода примѣровъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ. Причинами такого упадка значенія *ишановъ* можно считать, во первыхъ, постепенно развивающійся индеферентизмъ въ дѣлѣ религіи; во вторыхъ, чрезмѣрное размноженіе *ишановъ*, при которомъ въ число послѣднихъ попадаютъ лица, верѣдко компрометирующія своимъ поведеніемъ званіе *ишана*; въ третьихъ, то обстоятельство, что современные намъ *ишаны* отнюдь немогутъ уже быть названы наставниками въ вѣрѣ, такъ какъ роль ихъ ограничивается въ большинствѣ случаевъ однимъ лишь предствательствомъ на общихъ моленіяхъ, при чемъ образъ жизни многихъ изъ нихъ сталъ слишкомъ далекимъ отъ аскетизма. и, наконецъ, въ четвертыхъ, въ вѣкоторыхъ случаяхъ положеніе *ишановъ* въ средѣ собственныхъ своихъ мюридовъ сдѣлалось вѣрнее двусмысленнымъ, благодаря обязательности разнаго рода приношеній.

Часто можно слышать сообщеніе о томъ, что такой то *ишанъ* уѣхалъ на охоту за новыми мюридами.

Мюридами *ишана* - мужчины, бываютъ обыкновенно одни только мужчины же. У женщинъ существуютъ свои *ишаны* - женщины, очень впрочемъ, не многочисленныя. Последнее зависитъ, какъ кажется, главнымъ образомъ отъ того, что улемы относятся къ женщинамъ *ишанамъ* далеко не одобрительно.

Чтеніе, а еще болѣе званіе Корана наизусть считается мусульманами дѣломъ душевспасительнымъ. Магометъ рекомендуетъ каждому мусульманину читать эту книгу возможно чаще, а тѣмъ, кто не умѣетъ читать, совѣтуетъ заставлять читать еѣ кого либо изъ знающихъ.

Обстоятельства эти послужили причиной образованія цѣлаго разряда такъ называемыхъ *кары*, знающихъ весь Коранъ наизусть (между ними очень часто встрѣчаются слѣпые), а также и *кары-хана*, — помѣщеній для этихъ *кары*.

Кары-хана строятся обыкновенно на очень небольшомъ числѣ человекъ и при тѣхъ же почти условіяхъ, какъ

мечеть, приходская школа и медресе, при чемъ въ большинствѣ случаевъ на помѣщающихся въ ней *кары* ложится обязательство ежедневнаго прочтенія въ некоторой части Корана за упокой или во спасеніе души учредителя.

Эти же *кары* занимаются иногда и отчитываніемъ больныхъ, но главнымъ образомъ этой послѣдней профессіей занимаются такъ называемые *дуа - ханы*. *Дуа - ханы* отчитываютъ больныхъ не по Корану, а по своимъ, специально на этотъ предметъ имѣющимся книгамъ, составленнымъ изъ отрывковъ самыхъ разнообразныхъ книгъ, самого же разнообразнаго, не рѣдко исключительно кабалистическаго содержанія.

Нельзя сказать, чтобы *дуа - ханы* были въ особенно большомъ почетѣ, но тѣмъ не менѣе случаи, когда къ нимъ обращаются, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу и по всѣхъ безъ исключенія слояхъ туземнаго общества.

Въ городахъ наибольшая часть пациентовъ женщины. Въ Намаяганѣ одно время подвизался одинъ *дуа - ханъ*, отчитывавшій специально отъ безплодія и другихъ женскихъ недуговъ, при чемъ непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы пациентки являлись не иначе, какъ по одной.

Таковы въ общемъ функціи туземнаго мусульманскаго духовенства. Намъ остается добавить еще развѣ то только, что каждый мало-мальски богобоязненный и въѣстъ съ тѣмъ мало свѣдующій туземецъ во всѣхъ сомнительныхъ для него случаяхъ жпзни обращается къ книжнику съ просьбою указать ему, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ смотритъ на данный вопросъ религія; поступаетъ же такъ туземецъ въ силу глубокой его увѣренности въ томъ, что въ обширномъ *матріатъ* не найдется искомаго имъ отвѣта не можетъ. И отвѣтъ этотъ дѣйствительно находится.

Попала въ котелъ мышь. Котелъ сталъ несомнѣнно погавымъ, ибо кому же неизвѣстно, что мышь — нечисть, погань, *тарамъ*. Какъ быть? Ёсть изъ этого котла — осквернишься; бросить его — жалко, тоже вѣдь онъ денегъ стоитъ, а взять ихъ неоткуда.

Идутъ къ книжнику. „Какъ быть?“ Книжникъ шаритъ въ книгахъ и отвѣтствуетъ такъ: „если котелъ, въ который попала мышь, собака или другая нечисть, сдѣлавшійся слѣд-

ствіе того поганымъ, трижды навалить, трижды вымыть и трижды высушить — онъ сдѣлается чистымъ, *халль*“.

На глазахъ туземца *шаріатъ* разрѣшаетъ такую массу мелочныхъ вопросовъ, что ему, сарту, дѣйствительно одно только и остается — увѣривать въ несуществованіе такихъ вопросовъ, которыхъ не могъ бы разрѣшить этотъ *шаріатъ*. Онъ и вѣруеть въ это и къ этой вѣрѣ присовокупляетъ другую: книга, если только она древняго происхожденія, если она произведеніе одного изъ извѣстныхъ въ мусульманскомъ мірѣ лицъ — не можетъ врать; все изложенное въ ней истина. Оттого всѣ новыя книги, а равно и тѣ, содержаніе которыхъ не имѣетъ общности съ богословіемъ и правомъ, находятся въ сравнительномъ пренебреженіи (1).

Отсюда читатель самъ уже можетъ составить нѣкоторое представленіе о томъ, какъ ничтожны научныя знанія въ средѣ не только народа, но даже и грамотныхъ людей.

Знанія по математикѣ не идутъ далѣе первыхъ правилъ арифметики, извѣстныхъ сравнительно очень небольшому числу лицъ. Между людьми слышущими за наиболѣе образованныхъ намъ не пришлось встрѣтить ни одною, имѣвшимъ хотя какое нибудь научное представленіе о дробяхъ.

По анатоміи извѣстно, что у животныхъ есть мозгъ, сердце, печень, кровеносныя жилы, кишки, легкія и пр., но какія соотношенія существуютъ между всѣмъ этимъ, этого не скажетъ вамъ ни одинъ изъ мѣстныхъ, сартовскихъ врачей.

Исключеніемъ представляется, строго говоря, одинъ только историческій отдѣлъ знаній, и то лишь въ отношеніи исторіи Востока.

Медицина процвѣтаетъ, но только въ томъ смыслѣ, что ежедневно предлагаются тысячи самыхъ несуразныхъ совѣтовъ и ежедневно же съѣдается, выпивается, прикладывается и намазывается цѣлая прорва иногда далеко не безвредной дряни.

Большинство медицинскихъ книгъ бомбейскаго изданія; всѣ почти на персидскомъ языкѣ, похожи одна на другую

(1) Исключеніемъ является поэзія. Однако и здѣсь стариннымъ авторамъ отдается явное предпочтеніе передъ новѣйшими.

и привозятся сюда непосредственно изъ Индіи. Мѣстные медицинскія книги, написанныя на мѣстномъ же, узбекскомъ языкѣ, очень рѣдки, а по содержанию мало чѣмъ отличаются отъ бомбейскихъ.

Одна изъ такихъ книгъ лежитъ въ настоящую минуту передъ нами, и мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ въ русскомъ переводѣ, дабы познакомить читателя съ современнымъ состояніемъ мѣстной медицины.

Книга носитъ названіе: *Шифа и-клябъ*, что въ подстрочномъ переводѣ означаетъ — *излеченіе сердца*; а такъ какъ въ переносномъ смыслѣ сартовское *сердце* равнозначно русскому *нутру*, то заглавіе это правильнѣе будетъ перевести такъ: *излеченіе внутреннихъ болѣзней*.

Какъ и всѣ вообще мусульманскія книги, будь то хотя бы даже сборникъ анекдотовъ, *Шифа и-клябъ* начинается словами: „*Бисмъ-илля ар-рахманъ ар-раймъ*“ — во имя Бога милостиваго, милосердаго. (Этой же фразой начинается Коранъ и эта же фраза произносится при началѣ каждого дѣла). Далѣе говорится о несомнѣнно божественномъ происхожденіи медицины, послѣ чего уже слѣдуютъ 35 главъ, въ которыхъ излагаются способы леченія разныхъ болѣзней. Вотъ отрывки изъ нѣкоторыхъ.

Глава 1. . . . Головная боль. Цвѣты мальвы и цвѣты колючки вскипятить въ водѣ и натирать этимъ пастоемъ ноги ниже колѣна, пребывая въ спокойствіи....

Глава 5. . . . Ушная боль. Если она происходитъ отъ разлитія желчи, то признаки болѣзни: желтизна лица и глазъ. Средство — настой изъ фіалки. . . .

Глава 8. . . . Растрескиваніе губъ. Если оно происходитъ отъ желчи, то признаки болѣзни: горечь во рту, сухія губы, жесткій языкъ. Средство — давать слабительное (для уменьшенія желчи) и мазать губы мазью изъ шафрана.

Глава 9. . . . Опухоль десенъ. Признаки болѣзни: если она происходитъ отъ крови, то десны постоянно болятъ, и во рту образуются трещины крововъ; если отъ желчи, то горечь во рту; если отъ мокроты, то опухоль мягка и цвѣтомъ бѣлая. Средство: если болѣзнь происходитъ отъ первой причины, то слѣдуетъ

пустить кровь, а если отъ другихъ (причинъ), то принимать слабительное, соответствующее этимъ причинамъ. . . .

Глава 11. . . . Если въ груди заведутся черви, то полоскать глотку смѣсью 10 золотниковъ сахара, вскипяченнаго въ чайной чашкѣ воды, и 6 зол. соли, тоже вскипяченной въ такомъ же количествѣ воды. . . .

Глава 12. . . . Язвы на легкихъ. Признаки болѣзни: постоянный жаръ; при кашлѣ отдѣляется гной; если этотъ гной отдѣлить отъ слюны и бросить въ огонь, онъ издастъ дурной запахъ, а въ водѣ тонетъ. Средство: пить ослиное молоко и примѣшивать къ пищѣ сокъ ячменя.

Глава 25. . . . Полная импотенція мужчины. Происходитъ отъ того, что *аб-манн* изъ жидкаго обращается въ твердое. Средство: примѣшивать къ пищѣ тминъ и пибирь, и ѣсть мясо цыпленка. . . .

Глава 26. . . . Отъ неплодія—ѣсть языкъ зайца. . . .

Изъ предисловія къ другой подобной же книгѣ говорится, что какъ стихія, такъ и болѣзни, и равно и лекарства отъ этихъ болѣзней раздѣляются на *горячія* и *холодныя*.

Такъ какъ пища и питье могутъ различно вліять на состояніе человѣческаго организма, то къ нимъ относятся какъ къ лекарствамъ, а потому и они тоже подраздѣляются на горячія (*иссыкъ*) и холодныя (*спукъ*).

Лекарства, которыми пользуютъ туземные врачи, до-дальша разнообразны. Цвѣты и корни различнѣйшихъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ растений, квасцы, купоросы, сушенныя змѣи и ящерицы, вареныя, печеныя и сушенныя овощи и фрукты, известь, сѣрая кислота, ртуть, воскъ и медъ, привозимые сюда изъ Сямпрѣчья и пр.

По большей части всё это дается въ видѣ различнѣйшихъ соединеній.

Однимъ изъ наиболее популярныхъ лекарствъ считается *мумія*. Изъ чего и какъ эта мумія готовится намъ достоверно неизвѣстно; мы знаемъ только, что цвѣта она обыкновенно желтаго или красноватаго, вкусъ неприятный, горькій; на баварахъ продается около 20 к. за кусочекъ

съ горошину и рекомендуется какъ *оциреннее* средство при порѣвахъ, вывихахъ, переломахъ костей и многихъ другихъ болѣзняхъ.

Большинство сартовъ того мнѣнія, что *мумія* готовится въ Китаѣ (или Тибетѣ) двумя способами: или изъ сока какого то тамошняго растенія, или же изъ человѣческаго жира. Что касается до второго способа приготовления, то каждый описываетъ его по своему. Одни упоминають о китайскихъ покойникахъ; другіе болѣе склонны думать о ловлѣ и откармливаніи китайцами людей, предрасположенныхъ къ ожиренію. Какъ бы то ни было, во общественное мнѣніе стоитъ за приготовленіе *мумій* изъ человеческого жира и стоитъ за это настолько твердо и непоколебимо, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ уѣздовъ области производилось даже слѣдствіе, имѣвшее нѣсколько оригинальный характеръ, ибо у туземныхъ сельскихъ властей явилось подозрѣніе, не было ли совершено происшедшее тамъ убійство съ цѣлью приготовленія *мумій*.

Отъ коклюша, который по сартовски называется *кукь-ютаь* (свній кашель) и которымъ въ кокандскомъ уѣздѣ болѣли двое нашихъ сынопей, намъ совѣтовали нижеслѣдующія средства: 1) зарыть въ землю пять синихъ куколъ; 2) привѣсить къ больному нѣсколько перьевъ сизоворонки (*кукь-каръ*); 3) повѣсить нѣсколько синихъ тряпокъ на *мазаръ*, могилѣ какого нибудь святаго; 4) кормить больного яйцами, окрашенными въ синюю краску или, наконецъ, 5) у перваго проѣзжающаго на сѣрой лошади (*кукь-ама*) въ сивемъ или сѣромъ халатѣ (*кукь-муна*) спросить, какое средство отъ коклюша. Что онъ скажетъ, то и дѣлать.

ЖИЛИЩЕ И УТВАРЬ.

Главнѣйшими, основными матеріалами пѣхъ вообще туземныхъ построекъ служатъ: глина (пѣриѣ — лѣссь) и дерево, но преимуществу тополь и таль. Изъ первой выводятся стѣны зданій и заборы; второе идетъ на столбы, подпорки, прогоны, двери, оконныя рамы и кровли.

Строительными продуктами глины являются: 1) сырцовый кирпичъ; 2) *туала* — эллиптической формы комки около 6 вершковъ длиною и 4 в. въ поперечномъ діаметрѣ; дѣлаются они изъ густого глинянаго тѣста съ примѣсью *самана* (мелкая солома) и сушатся на солнцѣ также, какъ и сырцовый кирпичъ; 3) *лои* — растворъ глины съ примѣсью *самана* или безъ него.

Железый кирпичъ употребляется сравнительно очень рѣдко, но большей части только при сооруженіи такихъ общественныхъ зданій, какъ медресе, каравансарай и пр. и никогда почти при постройкѣ частныхъ жилищъ и другихъ частныхъ же зданій (за исключеніемъ ихъ фундаментовъ).

Стѣны (*дивалы*), всегда нѣсколько суживающіяся къ верху, очень рѣдко выводятся изъ кирпича, пущаго главнымъ образомъ на устройство нишъ и каминовъ, а гораздо чаще изъ комковъ — *туала*, которые кладутся рядами на глиняномъ растворѣ — *лои*.

Другой не менѣе распространенный типъ стѣны — такъ называемая *нахса-диваль*, глинобитная стѣна.

Такая стѣна, толщина которой, въ среднемъ, бываетъ рѣдко болѣе 1 арш., выводится слоями *нахса*, каждый отъ 1 до 1½ арш. высотой, сбиваемыми изъ густого глинянаго тѣста, приготавливаемого накануне дня работы.

Такъ какъ слои такой *нахса-диваль* всегда растрескиваются при высыханіи въ вертикальномъ направленіи, то подлежащий слой кладется не ранѣе того, какъ достаточно обсохнетъ и потрескается предыдущій, нижній, дабы не получалось большихъ трещинъ, идущихъ непрерывно черезъ нѣсколько слоевъ.

Когда стѣны возводимой постройки готовы, вдоль внутренней стороны двухъ параллельныхъ стѣнъ данной комнаты прокладываются мауэрлаты (*сарду*) на стойкахъ такъ, чтобы верхній край *сарду* находился бы приблизительно на ½ арш. ниже верхняго края стѣны. На мауэрлаты кладутся балки въ разстояніи около 1 арш. одна отъ другой, а на нихъ палочки (*вассай* — обрѣзетники), поверхъ которыхъ настилаются камышевые плетенки; на плетенки кладутся слои камыша, *самана* и сухой сорной травы, поверхъ чего насыпаютъ слой земли въ 1½ верш. толщиной и смазываютъ *лоемъ*, придавая поверхности крыши слабый наклонъ въ ту

или другую сторону и вмазывают въ нѣсколькихъ мѣстахъ по краямъ крыши маленькіе деревянные желоба для стока дождевой воды.

Если строящееся помещеніе жилая комната, то внутри она отштукатуривается сначала начерно такъ, чтобы всѣ тѣ стойки, на которыхъ лежатъ муарлаты, ушли бы внутрь штукатурки. Въ промежуткахъ между стойками выдѣляются ниши глубиною отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ арш., окна и камни.

Отверстія для дверей и окопъ оставляются при возведеніи стѣнъ, по косяки вмазываются не при кладкѣ последнихъ, а послѣ.

Каминъ, глубиною около 1 арш. большей своею частью находится въ стѣнѣ, а меньшей выступаетъ внаружу. Труба прямая, безъ загибковъ и другого какого либо закрывающаго ея приспособленія.

Двускатныя крыши — *шитами*, устраиваемыя прюгда надъ небольшими строениями въ Коканѣ и Маргеланѣ, сравнительно очень рѣдки также, какъ и крыши куполообразныя — *чумбазъ*. Последнія сооружаются по большей части изъ жепега, рѣже изъ сырцоваго кирпича надъ туземными банями, мечетями, въ нѣкоторыхъ медресѣхъ и могольскими часовнями — *мамаръ*, возводимыми надъ прахомъ мѣстныхъ святыхъ и другихъ уважаемыхъ почему либо людей.

Религія запрещаетъ туземной женщинѣ показываться при постороннихъ мужчинахъ безъ покрывала и советуетъ чтобы послѣдніе, по возможности, не слышали бы даже и ея голоса. Подобное постановленіе религіознаго кодекса не могло, конечно, не отразиться на общемъ характерѣ и расположеніи жилищъ.

Въ большинствѣ случаевъ, вездѣ тамъ, гдѣ это маломальски возможно при наличныхъ средствахъ двойной семьи, дворъ дѣлится на двѣ, совершенно обособленныя половины: паружную, мужскую — *ташкарі* и внутреннюю, женскую, семейную — *ичкарі*.

Такого дѣленія двора на *ташкарі* и *ичкарі* мы не встрѣчаемъ только у наиболѣе бѣдныхъ семей, не имѣющихъ средствъ на сооруженіе построекъ въ двойномъ почти количествѣ или у такихъ, усадебные участки которыхъ настолько малы, что по своимъ размѣрамъ не допускаютъ раздѣленія ихъ на двѣ части. Въ этомъ случаѣ, удовлетворяя

требованиямъ религии, туземцы располагаютъ свои постройки такъ, чтобы при растворенной калиткѣ, ведущей на улицу, женщина, выходящая изъ сакли на дворъ, не была бы видима проходящимъ по улицѣ людямъ. Для этой цѣли очень часто передъ калиткой или воротцами, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, вынодится стѣнка не много выше человеческого роста, заслоняющая собою отъ постороннихъ глазъ большую часть внутренности двора. Дворы такого рода встрѣчаются одинаково какъ въ городахъ, такъ и въ кишлакахъ, но въ послѣднихъ чаще, чѣмъ въ первыхъ.

Размѣры двора никогда почти не бываютъ велики; въ городахъ, гдѣ усадебныя мѣста дороги, даже у наиболѣе состоятельныхъ лицъ *ташкарі* и *ичкарі* вмѣстѣ занимаютъ площадь земли не болѣе 10×15 и 15×20 саж.

Дворъ всегда окружается со всѣхъ сторонъ стѣной, ко внутренней сторонѣ которой жилия и надворныя строения прижимаютъ своими тыльными частями, отчего окна никогда почти не выходятъ на улицу. Соеобщеніе съ послѣдней имѣется съ наружнаго двора — *ташкарі* черезъ калитку или небольшіе воротца, средніе размѣры которыхъ не превышаютъ размѣра двухъ калитокъ средней же величины, почему верхомъ слѣзаютъ по большей части за воротами, а арбы совсѣмъ не могутъ въѣзжать во дворъ и потому всегда остаются на улицѣ. Очень часто надъ воротами со внутренней ихъ стороны устранивается небольшой навѣсъ, такъ называемая *даргадъ-хана*.

На наружномъ дворѣ, размѣщаясь самымъ различнымъ образомъ, паходятся: 1) *михманъ-хана* комната или вѣрнѣе, помещеніе для гостей — мужчинъ; она состоитъ изъ комнаты съ навѣсомъ, а иногда, у богатыхъ людей, изъ двухъ комнатъ и навѣса между ними; 2) конюшня, по большей части въ видѣ открытыхъ навѣсовъ съ яслями вдоль стѣны.

Гораздо рѣже конюшня имѣетъ видъ квадратной, сплошь крытой постройки съ небольшимъ, около 2—3 кв. аршинъ, отверстіемъ по серединѣ крыши и яслями вдоль стѣны также, какъ и въ простыхъ конюшняхъ-навѣсахъ. Отдѣльная стойла никогда почти не дѣлаются.

Кромѣ этихъ построекъ непремѣнной принадлежностью каждаго мало-мальски порядочно устроеннаго двора явля-

ются: нѣсколько деревьевъ. одна или двѣ *супы* или подъ деревомъ, или около стѣны в небольшой арыкъ, а если дворъ не особенно гѣсень, то прудъ — *хаузь* отъ 1 до 4 кв. саж. и одна-двѣ грядки цвѣтовъ: бархотки, астры, маргаритки, базиликъ, пѣтушій гребешокъ и бирючяна.

Сундю называется глиняное (земляное) отъ $\frac{1}{2}$ до 1 арш. высотой и отъ 3 до 5 арш. въ сторону возвышеніе. Лѣтомъ туземецъ рѣдко сидитъ въ комватѣ, развѣ только въ самый жаръ. Если онъ не занятъ въ полѣ, въ лавкѣ, въ мастерской или на службѣ, и если *суня* изъ тѣян, а не на солнцѣ, онъ сидитъ, ѣсть, работаетъ и спитъ на ней.

Въ общемъ наружный дворъ содержится довольно чисто, а у людей состоятельныхъ, имѣющихъ прислугу, даже и очень опрятно. Его ежедневно метутъ, а лѣтомъ поливаютъ не менѣе двухъ разъ въ день — утромъ и вечеромъ.

Изъ жилищныхъ домовъ также чисто содержатся и конюшни, изъ которыхъ лѣтомъ, если онѣ крытыя, лошади выводятся на ночь и привязываются во дворѣ къ высокимъ, деревяннымъ приколамъ.

Михманъ-хана рѣдко состоитъ изъ одной только комнаты. Въ большинствѣ случаевъ къ ней или по переднему ея фасу, или же съ боку пристраивается ванна отъ 4 до 7 арш. шириною съ такой же плоской земляной крышей, какъ и у всѣхъ другихъ туземныхъ построекъ, и иногда кромѣ того еще *джийтъ-хана*, комната для мужской прислуги и *айшъ-хана*, кухня, коморка съ очагомъ или каминомъ на тотъ случай когда пища для гостей должна почему либо вариться не въ *ичкари* желцинами, а въ *ташкори* мужской прислугой⁽¹⁾. Въ частныхъ домахъ размѣры средней *михманъ-ханы* не превышаютъ 5 — 6 арш. ширины, 7 — 9 арш. длины и 4 — 5 арш. высоты.

(1) Иногда, и по большей части въ городахъ, надъ одной изъ построекъ наружнаго двора устраивается *бала-хана* (высокое помѣщеніе), родъ мезонина, маленькая обыкновенно комнатка, устраиваемая здѣсь или за недостаткомъ мѣста внизу, во дворѣ, или же для того, чтобы лѣтомъ, во время жаровъ, имѣлось помѣщеніе, возвышающееся надъ другими постройками и обдуваемое вѣтромъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ окна и двери *бала-ханы* располагаются такъ, чтобы получался сквозной вѣтеръ.

Входная дверь всегда почти двустворчатая и нѣсколько ниже средняго человѣческаго роста; входить приходится слегка нагибаясь, отчего вступленіе въ комнату каждаго входящаго въ все сопровождается легкимъ поклопомъ, за которымъ слѣдуетъ установленное религіей и обычаемъ привѣтствіе: „ас-саламъ-алейкумъ“ (').

Половинки двери ходятъ въ косякахъ, смазываемыхъ съ наружной стороны стѣны, не на петляхъ, а на ножкахъ, коротенькихъ выступахъ самаго полотна двери, входящихъ въ углубленія, выдѣлываемыя въ пороги и притолоки. Дверь приговяется къ косякамъ сечень в. плотно; образуются большія щели, благодаря которымъ зимой температура комнаты мало отличается отъ температуры двора. Этому, впрочемъ, еще болѣе дверей способствуютъ окна и камны съ ихъ прямыми, ничѣмъ не закрывающимися трубами.

Оконъ въ *мизмана-ханѣ* одно или два. Размѣры ихъ тѣ же почти, что и у двери; низъ окна лишь на вершокъ или на два выше пола комнаты (ибо свѣтъ нуженъ въ нижней части послѣдней, такъ какъ туземецъ, не знающій мебели, сидитъ, работаетъ и ѣсть на полу); ставня такого же устройства какъ и входная дверь. Рамы, если только онѣ есть, имѣютъ видъ тонкихъ деревянныхъ рѣшетокъ, оклеиваемыхъ на зиму бумагой.

У состоятельныхъ людей внутренность *мизмана ханы* оштукатуривается бѣлымъ алебастромъ; въ стѣнахъ выдѣляются большія и маленькія ниши, изъ которыхъ послѣднія, также какъ и камны, украшаются мелкими, узорными лепными работами; потолки и верхніе деревянные карнизы стѣнъ расписываются яркими красками (по преимуществу красный, желтый, синий и зеленый цвѣты), сусальнымъ золотомъ и мелкой, иногда чрезвычайно красивой и изящной рѣзьбой. Большинство узоровъ въ арабскомъ вкусѣ.

Каминъ всегда около или не подалеку отъ двери. Полъ земляной, плотно утрамбованный. Въ немъ выдѣляется два углубленія: одно около 1 1/2 арш. въ квадратѣ и 1/2 арш. глубиной у самой двери; въ этомъ углубленіи оставляются

(') «А когда вы входите въ дома, то приветствуйте другъ друга, желая мира, прося отъ Бога здравствования....» Коранъ. Глава 24. Ст. 61.

калоши; другое значительно меньше, но глубже, почти по срединѣ комнаты устраивается для углей, у которыхъ обогрѣваются зимою. Полъ комнаты, за исключеніемъ мѣста для калошъ и ямки для углей, застилается сначала камышевыми плетенками, а поверхъ ихъ кошмами или, что гораздо рѣже и только у богатыхъ людей, коврами.

Поверхъ кошмы или ковравъ около углубленія для углей, представляющаго собой, въ особенноти зимою, центръ комнаты и вмѣстѣ съ тѣмъ ея наиболѣе уютную часть, стелется 2 — 3 *тюмакъ*, узкихъ ватныхъ одѣяльца или тюфика изъ русской бумажной или туземной шелковой матеріи.

Въ состоятельныхъ домахъ въ одной изъ большихъ нишъ сложены ватныя одѣяла и плоскія ватныя же подушки; этими одѣялами и подушками пользуются ночующіе въ *миллманг-хань* гости. Европейецъ долженъ пользоваться ими крайне осмотрительно и лишь при условіи разныхъ предосторожностей и предохранительныхъ мѣръ; иначе на утро онъ ощутитъ на своемъ тѣлѣ присутствіе тѣхъ медленно движущихся насекомыхъ, которыя присущи туземному быту совершенно столько же, сколько присущи ему омоневія, *намазы*, *селямъ* при встрѣчѣ съ знакомыми и проч. и проч.

Послѣ всего, воочію видѣннаго, а частью даже и испытаннаго, нѣвольно приходишь къ сомнѣнію въ существованіи такихъ сартовъ, нишій одѣяній которыхъ не служили бы пристанищемъ такъ называемой *бишъ*, къ которой туземецъ относится гораздо добродушнѣе чѣмъ къ блохѣ. Последнюю онъ положительно ненавидитъ. Она быстра въ своихъ движеніяхъ, но большей части неуловима и безпокоитъ его главнымъ образомъ въ жаркія лѣтнія ночи, когда и безъ нея житья нѣтъ отъ москитовъ и комаровъ.

Въ одной изъ нишъ около каминна стоитъ *чайдушъ*, мѣльный кувшинчикъ бляблейской формы, а около него одна или двѣ *палаи*, маленькія, фарфоровыя или глазированныя глиняныя чашечки, на манеръ нашихъ полоскательныхъ. Въ *чайдушъ* кипятится вода и заваривается чай, а *палаи* замѣняетъ собою наши стаканы или чайную чашку.

Если пьющихъ не болѣе 4 — 5, всѣ они пьютъ поочередно изъ одной и той же *палаи*; сначала изъ *чайдуша* наливаютъ одному, потомъ другому и т. д.

Пьютъ обыкновенно совсѣмъ безъ сахара, несмотря на то, что въ богатыхъ домахъ блюдо съ кусочками послѣдняго является обычно принадлежностью такъ называемаго *дастархана*.

Дастарханъ собственно значить — скатерть, но это же названіе присвоено у туземцевъ также и всему тому, чѣмъ угощаютъ гостей.

По туземному этикету вслѣдъ за пріѣздомъ послѣдняго и послѣ продолжительныхъ привѣтствій и взаимныхъ сивавокъ о здоровьѣ⁽¹⁾ передъ пріѣхавшимъ разстилается *дастарханъ*, широкое полотно изъ цвѣтной бумажной или полушелковой матеріи, всегда въ большей или меньшей мѣрѣ засаженное, такъ какъ объ него принято обтирать руки, а мыть его считается совершенно лишнимъ; на *дастарханъ* ставится подносъ (мѣдный или крашеный желѣзный) съ лепешками, изюмомъ и фиешаками, а у людей по богаче кромѣ того еще и нѣсколько блюдечекъ съ кусками сахара, леденцемъ, конфетами, халвой и др. сладостями (лѣтомъ вмѣсто сладостей подаются фрукты) и непременно чай, обыкновенно очень плохого качества, такъ называемый *акъ-куйрукъ*.

Однѣ изъ присутствующихъ разламываетъ руками нѣсколько лепешекъ на куски и кладетъ ихъ всегда верхней стороной вверхъ же—иначе грѣхъ.

Откусывать отъ цѣлой лепешки считается крайнимъ неприличіемъ также, какъ напр. считается неприличнымъ сидѣть поджавъ ноги по турецки (*чаръ-зану*); всѣ благополучивые туземцы садятся и сидятъ такъ: сначала ставятся на нѣсколько раздвинутыя колѣна, а затѣмъ уже опускаютъ ягодицы на пятки, слегка наклоняясь корпусомъ впередъ.

Когда лепешки наломаны, и кусочки ихъ разложены на подносѣ, жестомъ руки в словахъ: „*мирванъ буайнъ*“ или „*мархаманъ кылымъ; нами каранъ*“ (окажите милость; обратите взоръ вашъ на хлѣбъ) приглашаютъ гостей вкушать.

(1) «Ас-селямъ-алейкумъ!» «Алейкумъ-ас-селямъ!» «Здоровы ли вы?» «Слава Богу. Васъ слѣдуетъ спросить, какъ вы поживаете.» «Благодареніе Богу, живемъ по добру — по адрану.» «Селѣйство ваше здорово ли?» «Благодареніе Богу.» «Въ спокойствіи ли вы? Въ полкомъ ли здоровы?» и т. д.

Гость долженъ первый начать трапезу, при чемъ этикетъ требуетъ, чтобы онъ прежде всего съѣлъ хотя бы маленькій кусочекъ хлѣба. Затѣмъ уже онъ пьетъ чай, ѣсть фрукты и пр. Начиная ѣсть, каждый произноситъ или шепотомъ, или въ полголоса: „*бисмъ-илля ар-рахманъ ар-раймъ*“ — во имя Бога милостиваго, милосердаго (').

Гдѣ нибудь въ старонѣ отъ *мизмаянъ-ханъ* устраивается ходъ во внутренней дворъ. Обыкновенно это открытый, изогнутый подъ прямымъ угломъ корридорчикъ, образуемый глинобитными стѣнками, немного выше человеческого роста, и снабженный въ большинствѣ случаевъ одностворчатой дверью или казиткой.

Такимъ образомъ внутренность *ичкари* всегда остается невидимою съ наружнаго двора.

Размѣры *ичкари* или одинаковы съ *ташкари*, или меньше ихъ.

Въ *ичкари* находятся: жилия комнаты; кухня, у богатыхъ отдѣльная отъ жилого помѣщенія; маленькая кладовая — *хазинад-хана*; хлѣвъ — *малъ-гана*, а иногда еще конюшня и хлѣбный амбарчикъ. Гдѣ нибудь между нежилыми постройками (или внутри конюшни) устраивается *бадрабъ* (отхожее мѣсто); яма роется очень глубокая, до 2—3 саж. глубиной; экскременты отдаютъ значительный процентъ содержащейся въ нихъ воды подпочвѣ (зачастую это пористые конгломераты), стущаются и очень медленно возрастаютъ въ объѣмѣ; благодаря значительной глубинѣ ямъ, не исключая и самаго жаркаго времени года, замѣчается полное почти отсутствіе даже и аммоніакальнаго запаха тѣмъ болѣе, что содержаніе *бадраба* (имѣющаго земляной полъ и деревянную настилку только надъ ямой и то покрытую слоемъ глины) всегда очень опрятно.

Хлѣвъ стараются строить такъ, чтобы одна изъ его стѣнъ примыкала или къ улицѣ, или къ саду (или огороду), если только послѣдній имѣется при домѣ. Въ этой стѣнѣ дѣлается отверстіе такой величины, чтобы въ него свободно проходила лопата съ навозомъ; послѣдній выбрасывается въ садъ или на улицу и лежитъ здѣсь иногда годами

(') «Видѣте то, надъ чѣмъ было произнесено имя Божіе...» Коракъ. Глава 6. Ст. 118.

въ видѣ коническихъ кучь, примыкающихъ къ наружнымъ, уличнымъ стѣнамъ дворовъ и зданій. Оттого здѣсь, послѣ *дасдарханова* и нижняго бѣлья туземцевъ, ничто не грязно такъ, какъ большинство не только кишлачныхъ, но даже и городскихъ улицъ.

На внутреннемъ дворѣ, также какъ и на наружномъ, всегда почти есть два — три дерева, а иногда и нѣсколько виноградныхъ лозь, арыкъ, а если гдѣ нибудь есть свободное мѣстечко, то и *сунъ*. Содержаніе *ичкари* въ общемъ значительно грязвѣе, чѣмъ содержаніе наружнаго, показнаго, такъ сказать, *ташкари*.

Число жилыхъ комнатъ во внутреннемъ дворѣ различно и соображается прежде всего, конечно, съ размѣрами семьи и съ ея средствами. Дѣти подростки спятъ по возможности отдѣльно отъ отца и матеря, а въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждую изъ нихъ туземецъ старается снабдить отдѣльнымъ помещеніемъ⁽¹⁾. Но такъ какъ правомъ многоженства пользуются сравнительно не многіе, наиболѣе состоятельные люди и то главнымъ образомъ въ городахъ, то поэтому въ большинствѣ случаевъ внутреннихъ комнатъ бываетъ не больше двухъ. У бѣднаго же населенія всегда одна.

Устройство и убранство этихъ комнатъ въ среднихъ классахъ такое же, какъ и для *михманъ-тань* съ тою только разницею, что первыя оштукатуриваются алебастромъ и имѣютъ раскрашенные потолки рѣже вторыхъ. У бѣднаго люда въ жилой комнатѣ внутренняго двора очень часто нѣтъ оконъ, замѣняемыхъ отверстіемъ въ крышѣ; дверь маленькая, одностворчатая; полъ застилается кошмой не сплошь, а только въ половину комнаты. На этой кошмѣ въ поспалку спитъ вся семья.

По устройству своему жилая комната внутренняго двора отличается отъ *михманъ-тань* тѣмъ только, что углубленіе для калашъ дѣлается гораздо большихъ размѣровъ, а въ одномъ изъ его угловъ, обыкновенно въ сторонѣ отъ двери, ближе къ камину, вырывается глубокая, уширяющаяся къ виду

(1) По *шаридту*, въ случаѣ нѣсколькихъ женъ, каждая имѣетъ право требовать собѣ отъ мужа такую совершенно отдѣльную комнату, которая могла бы запереться на ключъ.

яма—*абризь*, покрытая сверху или жерновомъ съ небольшою дырой по серединѣ, или желѣзною рѣшеткой, или же деревянною настилкой съ широкими щелями. Въ эту яму сливаются помои, и надъ нею-же дѣлаются омовенія.

Въ одной изъ большихъ нишъ, идущей отъ потолка до полу и устраиваемой обыкновенно противъ входной двери, стоитъ сундукъ, по большей части русской работы, окованный жестью; иногда онъ замѣняется шкафчикомъ, на глухо вдѣланнымъ въ нижнюю часть этой ниши. Здѣсь хранятся бѣлье, платье, доскуты, часть посуды и др. домашняя рухлядь, или же сласти, горшки съ саломъ и масломъ и т. п. Поверхъ сундука на день складываются одѣяла и подушки.

Въ одномъ изъ угловъ, около сундука, — палка, приблизительно въ сажень длиною, укрѣпляется (въ горизонтальномъ направленіи, на высотѣ головы) своими концами въ двѣ изъ пересѣкающихся стѣнъ; на ней въ видѣ украшенія комнаты развѣшиваются шелковыя рубахи, камзолы и халаты хозяйки дома. Такимъ же украшеніемъ служатъ разставленныя въ нишахъ мѣдные и крашеные жестяные подносы, *чаюдуш*, фарфоровыя чайники и чашки, не рѣдко гарднеровской работы, съ малиновыми и синими цвѣтами, аяповатою русской работы ящички и шкатулки съ женскими украшениями, жестяные подсвѣчники мѣстнаго произведенія, съ широчайшими основаніями и салными огарками; сюда же случайно попадаетъ маленькая хрустальная вазочка и русскій пузырекъ изъ свіяго стекла, когда-то вмѣщавшій въ себѣ растворъ лишица, а теперь исправляющій должность табакерки. Хозяйка дома время отъ времени высыпаетъ изъ него на ладонь лѣвой руки щепотку мелко истертаго, темнозеленаго масла и помещаетъ его между щекой и десной. Подержавъ тамъ табакъ минутъ пять, она выплевываетъ его. Если это происходитъ въ комнатѣ и дама сидитъ, то она плюетъ или въ углубленіе, вмѣющееся посреди каждой комнаты для углей (*атшизъ-данъ*), или же отвертываетъ для этого край кошмы. На дворѣ она плюетъ, безразлично, во всѣ стороны и если неопытный европеецъ черезъ полчаса случайно взглянетъ на мѣсто такого плева, то онъ непременно подумаетъ, что тутъ сидѣла птица, продолжительно питавшаяся зеленою.

Въ жилищныхъ семьяхъ зимой, когда температура туземнаго жилья мало чѣмъ отличается отъ температуры двора,

обогрѣваются такимъ образомъ. Въ *атаиш-данъ* кладется кучка хорошо прогорѣвшихъ углей; надъ ними устанавливается не высокій табуретъ—*сандаля*, покрываемый сверху однимъ или двумя ватными одѣялами. Сидятъ около *сандаля*, подсунувъ ноги подъ одѣяло. Нагрѣваются, повятно, одиѣ только ноги.

Зимой у *сандаля* проводятъ большую часть дня и ночь; здѣсь работаютъ то, что можно работать при такомъ положеніи. ѣдятъ, ставя пищу поверхъ *сандаля*, и даже спятъ.

Если *сандаля* не успеетъ совсѣмъ погаснуть и сильно настыть къ утру, то спать очень удобно и даже пріятно, такъ какъ, приподымая одѣяло, можно пропустить теплый, нагрѣтый воздухъ, по желанію, до колѣнъ только, до пояса, до шеи. Утромъ голова, остававшаяся всю ночь на сравнительномъ холодѣ, всегда свѣжа, но за-то простудиться очень и очень легко.

Нельзя не удивляться, какъ туземцы не простуживаются и не мрутъ сотнями, благодаря ихъ дневному спдѣнью у *сандаля*. Положить сартынка подъ *сандаля* свѣжихъ углей и грѣть босыя ноги; нажметъ ихъ до того, что чуть кожа не трескается, встаетъ, надѣваетъ калоши на босу ногу, идетъ на дворъ, стоитъ тамъ полчаса, часъ, приходитъ назадъ, въ комнату, опять садится у *сандаля*, опять грѣть ноги, опять выскакиваетъ на дворъ, и такъ ежедневно, на каждомъ шагу и всегда почти безо всякихъ сколько нибудь серьезныхъ и немедленныхъ же послѣдствій. Случаи простудъ и ревматизмовъ бывають, конечно, но, по видимому, далеко не въ такомъ числѣ, какого можно было бы ожидать при такомъ широкомъ игнорированіи основнхъ правилъ гигиены.

Въ бѣдныхъ семьяхъ *сандаля* большая рѣдкость, ибо угли сравнительно дороги, а потому здѣсь обогрѣваются у кампа (*учакъ*) (').

(') Въ некоторыхъ кишлакахъ Наманганскаго уѣзда (переселенцы изъ окрестностей г. Туркестана, пришедшіе сюда около 100 лѣтъ тому назадъ) устраиваютъ такъ назыв. *иръ-учакъ* (земляная печь). Подъ землянымъ поломъ сагли складывается небо вшая печь, труба которой подъ поломъ же выводится черезъ одну изъ стѣнъ наружу. Сама печь служитъ для приготовленія пищи, а труба

Постель стелется головой или къ сѣверу, или къ западу, рѣже къ югу и иногда къ востоку. Укладываюсь на новомъ мѣстѣ, туземецъ прежде всего соображаетъ, гдѣ *кыбад* — сторона священной мечети, ибо въ Коранѣ сказано: „— гдѣ бы вы ни были, обращайтесь лица ваши къ ней, . . .“ (Гл. 2 ст. 115). Внизъ стелется одѣяло, сложенное пополамъ ('); поверхъ его въ изголовье кладется или плоская (*курака*), сшитая изъ доскутовъ разныхъ матерій, или цилиндрическая подушка (*бильма*), изъ кумача, ситца или туземной полушелковой матеріи.

Простыня — *чайшаба* — употребляется очень рѣдко; дѣлается же она обыкновенно изъ свѣтлаго съ мелкимъ узоромъ ситца.

Вторымъ одѣяломъ покрываются; чаще, впрочемъ, особенно въ холодъ, въ него завертываются, подкладывая одну половину подъ себя.

Вся вообще пища, за исключеніемъ хлѣба, готовится въ котлѣ. Топливомъ служатъ главнымъ образомъ сорныя травы, стебли хлопчатника, ежегодно обрѣзываемыя тонкія вѣтви виноградника и пр.

Къ искусственно — выращенному, культурному дереву сартъ относится очень осторожно и сравнительно рѣдко пользуется его древесной въ видѣ дровъ. Угли выжигаются преимущественно въ горныхъ, дикорастущихъ лѣсахъ.

Тѣсто замѣшивается въ большой глиняной чашкѣ — *тапарі*, около аршина въ поперечникѣ. Разминается же оно и валиется на бѣлой сыромятной козьей кожѣ, назыв. — *сурпа*; завернутое въ *сурпу* же и покрытое сверху еще чѣмъ-нибудь, оно киснетъ отъ 2 до 4 часовъ, смотря по температурѣ воздуха. (Въ обыкновенное время *сурпу* всегда въ-

нагрѣваетъ значительную часть пола, на которой спитъ вся семья. Такого же рода отопленіе или, вѣрнѣе, нагрѣніе пологъ практикуется въ Кульджѣ и, кажется, въ Кашгарѣ.

(') Одѣяла, всегда ватныя, отъ 2½ до 3 арш. въ квадратѣ, дѣлаются изъ ситца, тика, или же изъ туземныхъ, какъ бумажныхъ, такъ равно и шелковыхъ матерій.

шаютъ гдѣ нибудь на колышкѣ, иначе, гласитъ народная примѣта, не будутъ подитъся деньги).

Хлѣбъ всегда, въ видѣ лепешекъ разной величины, печется въ особой печи, называемой *тануръ* или *тандуръ*. *Тануры* приготовляются особыми мастерами *танурчи* слѣдующимъ образомъ. Изъ глины, смѣшанной съ козьей шерстью, или съ шерстью рогатаго скота, приобретаемой отъ коженниковъ, готовится густое тѣсто, которое разминается въ тонкіе пласты около $\frac{1}{2}$ дюйма толщиною, $1\frac{1}{2}$ арш. шириной и $2 - 2\frac{1}{2}$ арш. длиною.

Раскатанный и тщательно выравненный пластъ оставляется часа на $1\frac{1}{2}$, на солнцѣ для того, чтобы онъ слегка окрѣпъ. Затѣмъ его осторожно изгибаютъ по дьявѣ, придавая форму цилиндра, одно изъ оснований котораго вѣскольکو суживаютъ; шовъ замазывается глиной, а на суженный конецъ надѣвается обручъ, приготовляемый изъ того же матеріала, изъ котораго сдѣланъ и самъ *тануръ*.

Для печенія хлѣба *танура* приспособляется такимъ образомъ. Къ одной изъ стѣнъ дна, изъ комковъ—*туалъ*, пристраивается возвышеніе, верхній край котораго вѣскольکو выше пояса. Поверхъ такого стула *тануръ* кладется плашмя, такъ, чтобы широкое его отверстіе плотно прилегло бы къ стѣнѣ, а узкое, скрѣпленное обручемъ, смотрѣло бы наружу. Затѣмъ поверхность всего этого сооруженія оштукатуривается глиной, а въ верхней части *танура*, у самой стѣны, выламывается небольшое отверстіе для выхода дыма, закрываемое послѣ топки комкомъ глины, камнемъ или чѣмъ либо подобнымъ.

Большая часть домашней посуды глиняная; мѣньшая—мѣдная, чугуная и деревянная.

Большія чашки, около аршина въ діаметрѣ—*танард*—для замѣшиванія тѣста, заквашиванія молока, если его въ хозяйствѣ много, для промывки риса на *палду* и проч.; чашки средней величины—*каса*, въ которыхъ продается разная жидкая пища; *хурмачи*—средней же величины чашки съ ушками, въ которыхъ держатъ молоко, привѣсивъ ихъ за ушки или къ потолку, или колышкамъ, вбитымъ въ стѣну, дабы предохранить молоко отъ мышей; *палъ*—чайныя чашки; блюда—*табакъ* (или *тавакъ*) всегда круглыя—если эта посуда глиняная, поливная (*сандъ*), или глазурованная (*чймъ*, *чинд*).

Кувшины-- *кузд*—для воды (въ нихъ же держать виноградную патоку и др. жидкости, а также масло и сало) съ широкими и узкими горлышками, самой разнообразной величины, а также большія и малыя корчаги, обожженыя только, но не облитыя. Съ формою этихъ кувшиновъ и корчагъ читатель, конечно, давно уже знакомъ изъ видѣнныхъ имъ картинъ библейскаго содержания.

Этого же типа мѣдные, или чугуныя кувшины— *кумидны*—для кипяченія воды; умывальники— *афтаба* и чайники— *чайдунъ*. Последнiе всегда почти изъ мѣди.

Ложки деревянные, очень грубой, аляповатой работы, съ длинными, тонкими ручками и носкомъ не спереди, а у лѣваго края.

Деревянныя чашки и блюда (орѣховыя, или галовыя) у осѣдлаго населенія мало употребительны.

Лавша, тѣсто для широжковъ и пр. приготовляется на доскѣ (*ашъ—тахта*) около 6 першк. ширины и 1 арш. длины. Поверхность *ашъ тахта* слегка выпукла, а сама она стоитъ на четырехъ маленькихъ ножкахъ (').

Въ бѣдныхъ семьяхъ такое зерно, какъ рисъ, просо и джугаръ, обдирается дома въ большихъ деревянныхъ ступахъ— *аыръ*, или *кид*. Пестъ деревянный же, толщиной въ руку и длиной отъ 1 1/2 до 2 арш.; по срединѣ онъ нѣсколько уширяется и имѣеть здѣсь сквозную дыру, послѣдствiе чего образуется двѣ ручки. Работа эта лежитъ на женщинахъ. Обыкновенно же зерно обдирается на *абъ-джузакъ*, крупорушкахъ, приводимыхъ въ движенiе водою.

Свѣчи (сальца) употребляются или состоятельными людьми, или тѣми, кто занятъ чтенiемъ, письмомъ и др. подобными работами. Все остальное жжеть въ почникахъ— *чиритъ*— льняное, или кунжутное масло. *Чиритъ*, глиняный или чугуный, ставится на чугунную же, или деревянную

(') Есть примѣта, что *ашъ-тахта*, поставленная не на ножки а на ребро, предвѣщаетъ покойники. Саргачки рассказываютъ, что такъ называемыя *юучи*, женщины, специально занимающiяся омовенiемъ женскихъ же труповъ и получающiя за это особое вознагражденiе, никогда не упустиють, будто бы, случая поставить въ чужомъ домѣ *ашъ-тахта* на ребро.

подставку, — *чирдиз-пая*. Фитиль всегда скручивается из наты. Масло держится или въ горлянкахъ, или въ кыйма, очень прочныхъ кувшинчикахъ, приготовляемыхъ изъ *кунджурь*, маслобойныхъ ямыховъ.

Въ городахъ почти у каждаго состоятельнаго человѣка есть садъ, а у богатыхъ даже и не одинъ. Если семья живетъ не въ самомъ центрѣ города, то садъ по большей части при домѣ, въ противномъ случаѣ онъ гдѣ нибудь на окраинѣ города.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ площадь его рѣдко бываетъ болѣе одной десятины, а по внутреннему своему расположенію онъ напоминаетъ столько же садъ, сколько и огородъ. Дорожекъ никогда почти нѣтъ. Вдоль главнѣйшаго забора въ одинъ или въ два ряда тѣтовья, тополевыя и рѣже такія фруктовыя деревья, какъ вишня, яблоня, или слива.

Значительная часть внутренняго пространства сада занята виноградникомъ и рѣдко разсаженными кустами грапатъ.

Лозы у здѣшняго винограда длинныя. Кусты сажаются двумя параллельными рядами, разстояніе между которыми около 4—5 аршинъ. Между двумя такими рядами кустовъ, изъ сырыхъ таловыхъ жердей, устраиваются дуги, концы которыхъ врываются въ землю; высот дугъ обыкновенно нѣсколько болѣе человѣческаго роста. Дуги соединяются между собою или тонкими жердями, или жгутами, спитыми изъ камыша; къ послѣднимъ привязываются лозы и, если виноградникъ уже взрослый, то получается сплошь закрытая бесѣдка или, вѣрнѣе, корридоръ, стѣны и крыша котораго образуются мелкими вѣтвями и листвою лозъ. Если такихъ корридоровъ нѣсколько, то они примыкаютъ другъ къ другу своими продольными сторонами вплотную.

На остальной части сада ежегодно засѣваются дыни, тыквы, арбузы, морковь и лукъ, а иногда и нѣсколько грядъ кукурузы.

Фруктовыя деревья разбросаны въ большинствѣ случаевъ въ совершенномъ безпорядкѣ по сторонамъ виноградника, между грядами огорода или по обочинамъ проходящаго черезъ садъ крыка.

Если садъ не особенно малъ, то гдѣ нибудь неподалеку отъ входа въ него—прудь, около 1½—2 саж. въ квадратъ, съ большими, раскидистыми талами, или карагачами по сторонамъ. Здѣсь же, въ тѣни деревьевъ, одна или двѣ суиы.

Иногда надъ частью пруда устраивается прочная перелочная сѣтка, на которой сидятъ днемъ и снятъ ночью въ прохладѣ, даваемой испареніями пруда.

Если садъ находится при домѣ, то въ немъ никакихъ построекъ нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, смотря по средствамъ, устраиваются одна или двѣ комнаты для семьи и небольшая конюшня для лошадей.

У людей состоятельныхъ очень часто такое дачное помещеніе ничѣмъ не отличается отъ городского.

Въ кишлакахъ сады сравнительно рѣдки, но за то при каждомъ почти домѣ имѣется *хайдъ*, вѣчно вроде огорода, гдѣ сѣютъ дыни, тыквы, кукурузу и люцерну. Вдоль заборовъ *хайдъ*, также какъ и въ садахъ, одинъ или два ряда деревьевъ, по большей части, *муть*, листьями котораго кормятъ шелковичныхъ червей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ маргеланскаго, кокавдскаго и намаганскаго уѣздовъ, гдѣ производятся большіе посѣвы дынь, туземцы переселяются со своими семьями на бахчи и живутъ здѣсь въ шалашахъ. На бахчи переселяются обыкновенно не ранѣе Мая, т. е. того времени, когда дыни начинаютъ завязываться.

НАРУЖНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ И ЕЯ ОДЕЖДА.

Преобладающій ростъ туземныхъ женщинъ средний и низкій. Рослая въ кишлакахъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ городахъ. Въ силу тѣхъ пищевыхъ условій, о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже, туземная дѣвушка развивается далеко не быстро, а замужъ выходитъ рано, въ среднемъ на 13-мъ или 14-мъ году; оттого, по выходѣ замужъ, молодая женщина довольно долго, а иногда и очень сильно растетъ. Существуетъ даже пошрѣе или замѣчаніе, что повобрачная растетъ тѣмъ больше и быстрѣе, чѣмъ больше ей нравятся ея мужъ.

Полныя женщины встрѣчаются довольно часто. Большинство предрасположено къ полнотѣ и въ зрѣломъ возрастѣ быстро толстѣеть, поправъ въ хорошия жизненные условия. Полнота считается однимъ изъ непремѣнныхъ условий красоты; часто красавицей называютъ чуть не уроду съ пышными аттурами и здоровымъ цвѣтомъ лица. Полнѣть женщины начинаютъ обыкновенно не ранее 19—20 лѣтъ и по большей части уже послѣ рожденія перваго ребенка.

Тѣлосложеніе очень рѣдко бываетъ правильнымъ. У большинства замѣчаются несоразмѣрно длинныя торсы, что, впрочемъ, въ значительной степени скрывается покровомъ верхняго платья; въ случаѣ же отсутствія большихъ, хорошо развитыхъ грудей, торсъ одинаково, какъ спереди, такъ и сзади, крайне плоскій. Въ силу этихъ недостатковъ тѣлосложенія рѣдкая туземная женщина, одѣтая въ европейское платье, имѣетъ сколько-нибудь приглядный видъ.

Таза большинства, какъ полныхъ, такъ рано и сухощавыхъ субъектовъ, — широкіе. Случай смерти во время родовъ не рѣдкость, но, принимая во вниманіе полное отсутствіе научныхъ знаній въ сферѣ акушерства, можно думать, что причинами большинства этихъ случаевъ является не природная узкость таза, а скорѣе неправильное положеніе плода и другія патологическія состоянія беременныхъ, являющіяся въ результатѣ неудовлетворительности гигиеническихъ условий, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаемъ это потому, что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, а во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ зимой. Къ сожалѣнію статистическихъ данныхъ этого рода, также какъ и давныхъ о рождаемости и смертности, до сихъ поръ не имѣется, а потому, не позволяя себѣ говорить что-либо утвердительно, мы рѣшились высказать одно лишь наше предположеніе.

Форма головы по большей части неправильна. Особенно часто встрѣчаются широкіе и плоскіе затылки. Причиною этого мы склонны считать то обстоятельство, что ребенокъ въ продолженіи не менѣе года лежитъ въ *биндикѣ*, на деревянное дно котораго подъ голову дитяти подстилается или тонкій ватный тюфячекъ, или такая же тонкая ватная подушечка. Вата быстро сваливается и терять упругость, а

подушка дѣлается на столько твердой, что не можетъ повліять на правильность развитія затылочной кости. Высокіе, большіе лбы у взрослыхъ почти не встрѣчаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко, по недостатку этотъ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно искусно, хотя и не всегда сознательно, замаскировывается жепщинами *дурчиды*, о которой подробнѣе мы упомянемъ ниже. Цвѣтъ кожи по преимуществу смуглый съ самыми разнообразными оттѣнками до такъ называемаго цвѣта печниченнаго сапога исключительно. Бѣлая, пѣжная кожа встрѣчается правда, но сравнительно очень рѣдко; о такихъ лицахъ туземцы говорятъ: „*пахтѣ-байка*“ — какъ вата — и отдають имъ безусловное предпочтение другими предпочтеніе, если только цвѣтъ волосъ не слишкомъ свѣтлый. Жепщины со свѣтло русыми волосами встрѣчаются не часто, а блондинки и рыжія очень рѣдкія исключенія и находятся у туземцевъ въ совершенномъ пренебреженіи. Однакоже съ этимъ не одобряются и сѣрые глаза, въ общемъ довольно рѣдкіе. У большинства они каріе и черные.

Блѣдный, болѣзненный, испитой цвѣтъ лица встрѣчается довольно рѣдко и то главнымъ образомъ въ средѣ того лишь люда, который постоянно живетъ въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, особенно Кована и Маргелана, отличающихся крайне неудовлетворительными гигиеническими условіями. Румянецъ между молодыми туземными жепщинами далеко не рѣдкость.

Лица можно раздѣлять на три типа: монгольскій, персидскій и средній.

Первые два, конечно, извѣстны читателю, а потому и говорить о нихъ мы не будемъ. Средній типъ, происшедшій отъ смѣшенія монгольскаго съ персидскимъ, въ средѣ осѣдлаго населенія сартонъ, можетъ быть названъ преобладающимъ. Лица этого типа, по большей части, круглыя, у жепщинъ не рѣдко очень плоскія. Разстояніе между глазами обыкновенно довольно велико. Черты лица всегда почти неправильныя. Верхняя губа очень часто тоньше нижней; во время молчанія она нѣсколько западаетъ, при чемъ иногда собирается въ вертикальныя складки, что придаетъ лицу нѣсколько злое выраженіе. Каріе цвѣтъ глазъ преобладающій, а брови, по большей части, очерчены не такъ рѣзко и пра-

вилыво, какъ у другихъ. Этому типу, болѣе чѣмъ остальнымъ двумъ, присущи полнота, гнѣзвый цвѣтъ кожи и свѣтлые оттѣнки волосъ. Узкіе, навискошь прорѣзанные глаза, такъ называемые битъ-кизъ, довольно рѣдки. Уши у большинства большія и вѣсколько оттопыреныя.

Благодаря разнообразію типовъ было бы очень трудно дать какое нибудь общее представленіе о господствующемъ выраженіи женскихъ лицъ. Однако же, всматриваясь въ послѣднія, нельзя не замѣтить, что выраженіе энергии по всемѣтню и во всѣхъ стаяхъ женскаго туземнаго общества преобладаетъ надъ апатіей. Апатичное выраженіе, такъ часто встрѣчающееся между мужчинами, у женщинъ сравнительно очень рѣдко. Чаше другихъ можно встрѣтить выраженіе лица, а въ особенности глазъ, хитрое, плутоватое или прощидательное и вдумчивое.

Ровные и вѣрныя передніе зубы, по долгу сохраняющіе бѣлизну, были бы не рѣдкостью, если бы многія изъ туземныхъ женщинъ не имѣли обыкновения красить зубы черной краской *тинхала*, которая, будучи разъ положена на зубы, не сходитъ потомъ съ нихъ очень долго. Дупла въ зубахъ встрѣчаются очень часто, какъ между женщинами, такъ и между мужчинами. Страдаютъ, по преимуществу, коренные зубы. Очень возможно, что главнѣйшей причиною этихъ болѣзней является пріятіе зимою горячей пищи на морозѣ. (1) Думаемъ это потому, что въ общемъ и мужчины и женщины обращаются съ зубами очень осторожно; такъ напр. никогда не грызутъ орѣховъ, или фисташекъ; не обрываютъ зубами нитокъ и пр. Это во первыхъ, а во вторыхъ они очень рѣдко ѣдятъ такіе продукты, какъ сахаръ, конфеты и т. п., такъ какъ большинство не имѣетъ на это средствъ.

Родинка считается однимъ изъ лучшихъ украшеній лица. Выраженіе *халъ-диръ* — имѣющая родинку — почти равносильно слову красивая. Веснушки встрѣчаются довольно рѣдко и, главнѣйшмъ образомъ, у женщинъ со свѣтлыми и рыжеватыми волосами.

(1) Температуры болѣею части туземныхъ женщинъ въ это время года ниже 0°

Послѣдвіе у большинства густы и длинны, но всегда почти очень жестки; мягкіе волосы, не только между жепциками, но даже и между дѣвочками, большая рѣдкость. Въ городахъ молодыя женщины до рожденія перваго, а иногда даже и втораго ребенка, заплетаютъ волосы у затылка въ нѣсколько, 4—8, мелкихъ косъ; оттого молодуха здѣсь называется *бѣтъ-какуль* (пять косъ). Обыкновенная же прическа замужней женщины двѣ косы.

Рядъ всегда прямой. Въ Наманганѣ тщательно приложенные спереди волосы спускаются по верхней части лба двумя большими фестонами. Въ Кокандѣ многія фразтихи оставляютъ за каждымъ ухомъ по локону. Концы косъ всегда завѣршаются суркомъ, скрученнымъ изъ ваты; есть повѣрье, что, если оставить концы не закрученными, то на горячемъ лѣтнемъ вѣтрѣ—*гарма-силъ*—волосы вылетятъ. Въ большомъ употребленіи фальшивыя косы *улан*, которыя дѣлаются обыкновенно изъ свиныхъ же выпадающихъ волосъ.

Утромъ, проснувшись и вставъ съ постели, сартанка приглаживаетъ только волосы ладонью руки и сейчасъ же навкидываетъ на голову платокъ, ходитъ безъ котораго считается, не только въ приличномъ, но даже и грѣхномъ. Особенно большимъ грѣхномъ считается для женщины быть безъ платка въ той комнатѣ, гдѣ дѣлается коравъ, а также во время его чтенія многія снятъ въ платкѣ, обязывая его очень туго вокругъ головы. Чешется голова только въ тѣ дни, когда се моютъ, а моютъ ей разъ въ недѣлю, обыкновенно по пятницамъ, рѣже по четвергамъ или субботамъ. Не принято мыть голову по вторникамъ (тяжелый день) и по базарнымъ днямъ. Распустивъ и расчесавъ волосы, ихъ намазываютъ *кашмакомъ*, квашенымъ кипяченымъ молокомъ, еще разъ прочесываютъ маленькимъ довольно частымъ и всегда почти деревяннымъ гребнемъ, а затѣмъ промываютъ зимой теплой, а лѣтомъ холодной водой, выжимаютъ, скручиваютъ въ пучекъ надъ серединою лба, даютъ слегка обсохнуть въ продолженіи около $\frac{1}{2}$ часа и затѣмъ уже чешутъ и заплетаютъ въ косы. Операция эта въ совершенной точности производится некими женщинами, не только Фергана, но даже и всего Туркестанскаго края. Мыли при мытьѣ головы никогда не употребляютъ. Зимой, за неимѣніемъ *кашмака*, послѣдній замѣняется или творогомъ, принасаемымъ специально для этой дѣли

и разводнымиъ въ теплой водѣ, или сырыми яйцами. Однимъ изъ лучшихъ средствъ, способствующихъ укрѣпленію и росту волосъ, считается бычья, или коровья, желчь.

У большинства, особенно горюдскихъ, женщинъ не рѣдко мускулистыя и пухляя кисти рукъ малы и имѣютъ очень изящную форму. Почти всегда вынутые и продолговатые. Ступни, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ относительно велики, или, вѣрнѣе, длинны, съ низкимъ подъемомъ и длинными, плоскими пальцами. Грудь у большинства достаточно развита. Есть примѣта, что женщины со слабо развитыми грудями мало способны къ рожденію дѣтей.

Изъ наиболѣе распространенныхъ уродливостей мы упомянемъ о зобахъ—*букакъ*, достигающихъ иногда громадныхъ размѣровъ и встречающихся преимущественно въ Кокандскомъ и Маргеландскомъ уѣздахъ, о большихъ шрамахъ на лицѣ и рукахъ отъ такъ называемой *сартовской болѣзни* и рябилахъ. Ослопрививаніе очень рѣдко практикуется въ средѣ туземнаго населенія; ежегодно зимой оспа (*чеккъ*)—свирѣпствуетъ и въ городахъ и въ кишлакахъ, оставляетъ на лицахъ рябины и на глазахъ бѣльма и уноситъ солидное, по видимому, число малолѣтнихъ дѣтей. Русская администрація сдѣлала кой-какія попытки ввести ослопрививаніе между туземцами, учредить при каждой уѣздной больницѣ, а равно и въ волостяхъ, ословниковъ-сартовъ, получающихъ содержаніе и лимфу на счетъ земскихъ суммъ, но дѣло это подвигается крайне туго, не смотря на то, что ослопрививаніе для сартовъ въ сущности далеко не ново, такъ какъ, хотя и рѣдко, но всетаки встречаются туземцы съ оспой, привитой обыкновенно на ладони, около большого пальца.

На покрой и паружный видъ туземной женской одежды наибольшее влияние имѣли: климатъ, особенности быта и религія. Длинное, жаркое лѣто, продолжающееся въ среднемъ около полугода, вмѣстѣ съ привычкою сидѣть на полу, поджавши ноги, и потребностью время отъ времени садиться на лошадь, заставили женщину придать всеѣмъ почти частямъ ея костюма такой видъ, при которомъ онъ возможно меньше стѣсняетъ бы ея движенія, а религія обязала устроить его такъ, чтобы, при ходьбѣ по улицѣ, посторонній глазъ не видѣлъ ничего кромѣ самаго верхняго платка, которое не должно быть яркимъ, дабы не привлекать собою взглядовъ мужчинъ.

Штаны (*имшана*), очень широкі сверху до колѣна, къ низу суживаются на столько, чтобы сквозь язы штанинъ, достигающихъ ступни, или щиколотки, могли лишь безъ особеннаго труда пройти ступни ноги. Низы обшиваются нестрой тесьмой—*джіажа*, а сами штаны у пояса подвизываются на очкуркѣ (*имшана-биз*). Дѣвочкамъ штаны начинаютъ надѣвать съ 2-хъ или 3-хъ лѣтняго возраста. Взрослымъ ходить безъ нихъ считается и грѣхомъ и неприличіемъ, отчего иногда эта часть костюма называется *ляйма*, что, по арабски, значитъ совершенно необходимое. У состоятельныхъ женщинъ штаны шьются изъ кумача, яркаго ситца, полунешковаго *адрыса*, или канауса; у бѣдныхъ—изъ грубой, жѣстной бумажной матеріи, но большей части, бѣлаго цвѣта, при чемъ низы четверти на 1 $\frac{1}{2}$, па 2, обшиваются кумачемъ, ситцемъ, или *адрысомъ*. Поверхъ штановъ надѣвается рубаха, закрывающая собою и нижнюю рубаху, и сарифанъ, или платье.

Рубаха *кайнакъ*—шьется всегда очень широкая и длинная, до щиколотокъ, съ широкими-же и длинными рукавами, концы которыхъ спускаются значительно ниже колѣнъ. При пляскѣ длинные концы рукавовъ закрываютъ собою платокъ нашихъ русскихъ женщинъ, а въ обиходѣ нередко служатъ и носовымъ платкомъ; впрочемъ въ этомъ последнемъ случаѣ въ рукавъ не сморкаются, а лишь обтираютъ имъ носъ. Воротъ прорѣзывается двойнымъ образомъ: или горизонтально надъ обоими плечами, или вертикально до пояса. Какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, онъ обшивается широкой узорной тесьмой *джіажа*. При вертикальномъ воротѣ на нижніе концы *джіажа*, имѣющіе видъ бахрамы, очень часто привязываются или влючь отъ сундука, или привѣски изъ бусъ и коралловъ. Рубахи съ горизонтальными воротами—*мулача-кайнакъ* носятъ только молодая женщина; если последняя кормитъ, то надъ грудями прорѣзываются прорѣхи, чего у простыхъ женскихъ рубахъ съ большими вертикальными воротами не дѣлается.

(Названіе *мулача-кайнакъ* получило потому, что пошеніе рубахъ этого покрою присвоено прежде всего грамотнымъ мужчинамъ—*мулламъ*. Въ такихъ же рубахахъ ходятъ дѣти обонхъ половъ и дѣвушки. Неграмотные мужчины носятъ *акта*, рубахи на манеръ халата. За послѣднее время

между сартовскими франтихами стали ходить въ моду татарскіе воротъ съ широкими отложными воротниками).

Шьются женскія рубахи изъ самыхъ разнообразныхъ матеріи. Въ киншлакахъ: будничныя—изъ грубой бѣлой, или полосатой синей, туземной бумажной матеріи; праздничныя—изъ кумача или ситца, рѣже изъ кануса или тонкаго атласа—*ипархъ*. Въ городахъ рубахи изъ туземныхъ бумажныхъ матеріи встрѣчаются сравнительно рѣдко, только въ средѣ самаго бѣднаго населенія. У мало-мальски важноточныхъ городскихъ женщинъ и дѣвушекъ рубахи дѣлаются изъ гладкаго или узорнаго кумача, изъ ситца яркихъ цвѣтовъ и по большей части, крупнаго узора и изъ брильянтипа. Шелковыя рубахи надѣваются или по праздникамъ, или въ гости. Пожилыя женщины, за 30, за 35 лѣтъ, носятъ, какъ ситцевыя, такъ и шелковыя рубахи темныхъ цвѣтовъ: темно-синія, фіолетовыя, двуцвѣтныя съ отливомъ (*кабуръ*—цвѣтъ груди у голубя) и проч. Снѣій цвѣтъ соответствуетъ вашему черному и считается траурнымъ. Лѣтнія рубахи не рѣдко дѣлаются изъ бѣлой, или цвѣтной, мѣстной кисей, довольно грубой очень плохаго достоинства. (Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замужнія женщины не подрубаютъ подоловъ рубахи рубцомъ, а лишь обмѣтываютъ его, такъ какъ есть повѣрье, что женщина, пошивъ рубаху съ подрубленнымъ подоломъ, грозитъ неплодіе).

Выше мы сказали уже, что ходить съ открытой головой считается грѣхомъ. Ангель-хранитель отлетаетъ отъ женщины, если она сестъ нищу, не имѣя на головѣ платка. Последній, бѣлый, или красный, кисейный, рѣже кумачевый, обыкновенно не менѣе 1½ аршинъ въ квадратъ, складывается по поламъ по діагонали, получается косынка, которая или вкладывается на голову, или повязывается. Въ первомъ случаѣ края косынки закладываются за уши, а концы выпускаются на грудь. Во второмъ, платокъ обертывается вокругъ головы, закрывая верхнюю часть лба, а концы вьсаютъ сзади.

При выходѣ изъ дому, въ гости, поверхъ большаго платка (*румдъ*) на лобъ повязывается *дурча*, небольшой, всегда узорный, яркаго цвѣта платокъ, сложенный нѣсколько разъ полоской и повязываемый на голову въ видѣ кошика.

Лѣтомъ домашняя одежда женщины состоитъ изъ штановъ, рубахи и платка; при выходѣ на дворъ на босу ногу надѣваются калоши. Въ холодное время состоятельныя надѣваютъ ичиги съ калошами; бѣдныя всегда, и лѣто и зиму, ходятъ или въ калошахъ на босу ногу, или въ ичигахъ безъ калошъ. Изрѣдка можно встрѣтить женщину въ чулкахъ изъ бѣлой бумажной матеріи, вмѣсто кожаныхъ ичигонъ, и калошахъ. Прежде, лѣтъ 30 тому назадъ, большинство женщинъ ходило въ такихъ чулкахъ; теперь это всеѣмъ оставлено. Ходить по улицамъ въ сапогахъ считается неприличнымъ; въ нихъ ходитъ большинство теперьшнихъ проститутокъ. Русскіе ботинки, завѣтная мечта большинства тѣхъ мѣстныхъ фравтихъ, которыя видѣли ихъ гдѣ нибудь случайно, только что начинаютъ входить въ моду и встрѣчаются пока очень рѣдко.

При выходѣ изъ дому, еще на внутреннемъ дворѣ, женщина набрасываетъ на голову *чимбѣтъ* (¹), густую сѣтку изъ ковекаго чернаго волоса, закрывающую лицо и грудь, а поверхъ *чимбѣта* на голову же накидывается *паранджи*, длинный халатъ изъ сѣрой, или темно-синею, бумажной, иногда полупшелковой, матеріи. Подолъ *паранджи* достигаетъ щиколотокъ, или земли; концы длинныхъ рукавовъ, висѣщихъ за спиной и схваченныхъ ниткой внизу, нерѣдко волочатся по полу. Приличіе требуетъ, чтобы, при хожденіи по улицѣ, изъ подъ *паранджи*, по возможности, не выставались бы цвѣтные наряды женщины, но правило это, въ особенности теперь, никогда почти не соблюдается (²). По способу вошевія *паранджи* туземцы сейчасъ же узнаютъ уроженку того или другаго города. Такъ напримѣръ, въ Наманганѣ верхній край *паранджи* всегда спускаютъ къ самому лбу, а нижній конецъ *чимбѣта* выпускаютъ изъ подъ *паранджи*; въ Коканѣ наоборотъ, верхній край *паранджи* лежитъ посрединѣ темени, а ноги, придерживаемыя рукой, закрываютъ собою край и низъ *чимбѣта*.

Въ кишлакахъ, удаленныхъ отъ городовъ, *паранджи* встрѣчаются рѣдко, у наиболѣе состоятельныхъ женщинъ,

(¹) Сокращенное изъ *чимбѣтъ* — *тиндъ*.

(²) «Ногами своими не ступали бы онѣ такъ, что бы выставались закрытые наряды ихъ». Коканъ. Гл. 24 ст. 31.

Тамъ ихъ замѣняютъ обыкновенно халаты, набрасываемые также какъ и *паранджи*, на голову. Во многихъ мѣстностяхъ у кишлячныхъ женщинъ принято набрасывать не свой халатъ, а халатишко одного изъ дѣтей, при чемъ на голову всегда накладывается внутреннее отмерствіе котораго нибудь изъ рукавовъ.

Въ холодное время рубахъ, если онѣ только имѣются, надѣвается двѣ; верхняя обыкновенно и новѣй, и наряднѣй нижней.

По верхъ ихъ большинство женщинъ носятъ ватный халатъ такого же покроя какъ и у мужчинъ. Подпоясывать его кушакомъ у женщинъ не принято. (Красные кумачевые кушаки въ 6—8 аршинъ длиной въ большомъ употребленіи у туземныхъ жовширъ легкаго поведенія).

Въ дорогѣ или во время какой либо работы, какъ напр. мытья бѣлья, женщина опоясывается платкомъ, сложеннымъ косынкой. Кушакъ изъ какой либо синей матеріи она опоясываетъ во время оплакиванія покойника на дому и при ходженіи на его могилу на 2-ой, 3-ей и 40-ой день. Женскій халатъ дѣлается изъ ситца, узорнаго кумача или полуселкового адряса; рѣже изъ канюса или атласистаго шпаркака. У шелковыхъ и полуселковыхъ халатовъ подкладка по большей части ситцевая, а у ситцевыхъ и кумачевыхъ она дѣлается обыкновенно изъ грубой бумажной матеріи бѣлаго цвѣта, или же изъ туземной непроклеенной марли. У состоятельныхъ городскихъ женщинъ за послѣднее время халаты стали вытѣсняться бешметомъ изъ полуселковыхъ матерій, но такъ какъ послѣдній дѣлается здѣсь или совсѣмъ безъ ваты, или лишь съ очень тонкой ея наслойкой, то поверхъ его въ холодъ обыкновенно надѣвается и халатъ.

Въ городахъ у старухъ, а въ кишлякахъ у всѣхъ вообще замужныхъ женщинъ, до сихъ поръ можно встрѣтить старинный *мумсакъ*, халатъ съ короткими, до локтя только, и очень широкими рукавами.

Шубы, такого же покроя какъ и обыкновенный туземный халатъ, на барашкѣ, лисьихъ ланкахъ или дикой кошкѣ, отороченныя бобримъ, кунницей или выдрой, между женщинами встрѣчаются лишь у наиболѣе состоятельныхъ.

Носильные штаны и рубахи смѣняются и моются обыкновенно очень рѣдко. У людей состоятельныхъ въ среднемъ

недѣля черезъ двѣ. Тѣ, кто побѣднѣе, снимаютъ ихъ тогда лишь, когда достаточно убѣдятся въ достиженіи ими степени заскоружности, именуемой *и-кдръ-кдръ*, что происходитъ, разумѣется въ очень различные сроки, смотря по времени года, образу жизни и пр. Голь носить рубахи и штаны, никогда не моя ихъ, до тѣхъ поръ, пока они не истянутъ, истреплются и начнутъ сваливаться ключьями съ ихъ обладателей. Для мытья бѣлья вода кипятится въ обыкновенномъ, но большей части единственномъ, котлѣ съ поташемъ или *куштинномъ*, растеніемъ, изъ котораго здѣсь приготовляется поташъ. Само бѣлье моется или въ маленькомъ деревянномъ корытцѣ, или въ большой глиняной чашкѣ—*чалурд*. Мыло, кускамъ котораго здѣсь придается форма конуса съ высотой около 2½, вершковъ, расходуется очень экономно, не болѣе двухъ головокъ на бѣлье всей семьи, отчего последнее никогда почти не отмывается до чиста. (Такая головка стоитъ отъ 3 до 5 копѣекъ серебромъ).

Выполоскавъ въ холодной водѣ, баба выжимаетъ бѣлье вездѣ и всегда однимъ и тѣмъ же способомъ: она держитъ рубаху правой рукой за плечо, а лѣвой крутитъ её непременно отъ себя. Бѣлье сушится на солнцѣ и потомъ разминается руками. Каташь и глаженье его совсѣмъ не практикуется, а большинству даже неизвѣстны. Въ холодныя зимы его или совсѣмъ не моютъ, или моютъ очень рѣдко, выбирая сравнительно теплые и ясные солнечные дни.

У каждой маломальски состоятельной женщины, кромѣ посильнаго бѣлья и платья есть еще одна или двѣ, а у тѣхъ, кто побогаче, даже и нѣсколько, шелковыхъ рубахъ и халатовъ, которые надѣваются при выходѣ въ гости. Рубахи эти никогда почти не моются, служатъ очень по долгу; намъ не разъ приходилось видѣть такія, которыя прослуживъ 10—12 лѣтъ, имѣли еще настолько спосный видъ, что могли въ глазахъ сартяповъ считаться парадными. Такія рубахи дома не носятъ, но возвращеніи изъ гостей немедленно же снимаются и прячутся въ сундукъ, а потому и сохраняются очень долго. Если въ городахъ мы и встрѣчаемъ на улицахъ большое сравнительно число женщинъ въ шелковыхъ рубахахъ и халатахъ, то это отнюдь еще не можетъ служить признакомъ благосостоянія, такъ какъ большинство встрѣчаемыхъ нами

франтихъ этого разбора очень часто изнашивается въ продолженіи всей своей жизни не болѣе двухъ-трехъ шелковыхъ рубашекъ; одна шьется (мужемъ или родителями) при выходѣ замужъ, а другую, или двѣ другихъ, она сколачиваетъ впоследствии сама на тѣ средства, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Придя и снявъ верхнюю шелковую рубаху, такая женщина остается въ грязной, затасканной ситцевой, падѣваетъ такой же ситцевый халатъ, изо дня въ день ѣстъ *кучу* — кашницу изъ джугары или *маши-хурду*, кашницу же изъ риса и чечевицы, а *палау* съ микроскопическими пропорціями мяса варитъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ вечеромъ. Въ богатыхъ семьяхъ количество праздничной и выходной одежды женщины бываетъ иногда очень велико, но не смотря на это дома они ходятъ побольшей части грязно и отячуются очень малою опрятностью въ отношеніи своего носильнаго бѣлья и платья. Въ новой рубахѣ или новомъ халатѣ сартяпка садится на землю, прислоняется къ глиняному забору, протираетъ рукавомъ посуду и пр. Понятно, что при такомъ отношеніи къ бѣлью и платью послѣднее не можетъ по долгу оставаться чистымъ, а благодаря рѣдкому его мытью и другой чисткѣ, оно всегда почти имѣетъ очень грязный и затасканный видъ.

Къ каждому изъ двухъ праздниковъ, къ Рамазану и Курбану, шьются обновки; женщинамъ они доставляются по большей части ихъ мужьями; рѣже онѣ дѣлаютъ ихъ на свой счетъ или получаютъ отъ богатыхъ родственниковъ. Количество и стоимость такихъ обновокъ, конечно, различны. У состоятельныхъ это полная обмундировка; у другихъ халатъ и рубаха; одинъ халатъ или одна рубаха; платокъ или йчиги съ калошами и пр. Праздничныя обновки носятъ все дни праздника, не снимаясь, и, если это не шелковая рубаха, то поступаютъ въ разрядъ постоянно носимаго бѣлья и платья. Норѣдко, особенно среди бѣднаго кишлячнаго населенія, приходилось видѣть случаи, когда, за неимѣніемъ средствъ, праздничной обновкой женщины былъ аршинъ ситца, изъ котораго она дѣлала вставки на рукава попошенной уже рубахи и выпускала ихъ изъ рукавовъ халата.

Еще на два, на три дня до праздника на улицахъ начинаютъ появляться новые рубахи, халаты, йчиги, калоши, сапоги и тибетѣйки, такъ какъ полученные обновы надѣва-

ются обыкновенно немедленно же. Сколько проливается слезъ, сколько извергается ругани и сколько разводовъ затѣвается у бѣднаго люда въ теченіи двухъ-трехъ дней, предшествующихъ празднику, а главнымъ образомъ въ день такъ называемой *бараны*, капуна или сочельника!

На базарѣ все почти лавки отворены. Всюду снуютъ народъ. Ближайшія къ базару улицы начинаютъ замѣтно оживляться. И пѣшіе, и конные двигаются съ разными покупками: у большинства лица праздничныя, допольныя. Сѣдой степенный сартъ на коротельскомъ полосатомъ арканѣ тащитъ за собой барана; мальчишка сынъ подталкиваетъ его сзади. Другой, въ новомъ халатѣ и тюбетейкѣ, несетъ свертокъ ситца и кумача. Жена и дочь просидятъ весь вечеръ и весь завтрашній день, чтобы успѣть къ празднику со своими обповками. *Баибача*, сынъ богатаго купца, ѣдетъ верхомъ и держитъ на передней лукъ сѣдла цѣлый ворохъ ситца, кумача и тика.

Дивани — юродивый усиленно выпрашиваетъ милостыню къ предстоящему празднику. Кишлячье сарты на арбахъ и верхомъ, со свертками ситца, съ калошами и платками въ рукахъ, торопливо разѣзжаются по домамъ. Женщины въ сопровожденіи дѣтей — подростковъ снуютъ въ разные стороны, держа на головахъ подпосы, завернуто въ разноцвѣтные *дастарханы*. На этихъ подвесахъ *палау*, лепешки, ситцы, платки и маленькія зеркала. Женщины разносятъ эти подарки передъ праздникомъ къ своимъ *тудд*, у которыхъ они высватали дочерей или сестеръ своимъ сыновьямъ и братьямъ.

Съ одного двора несется протяженный и громкій вой. Дѣвка лѣтъ двѣнадцати сидитъ на корточкахъ, опершись лицомъ на лодыжи а локтями въ бедра ногъ и голосомъ воетъ на цѣлый кварталъ. Отецъ ничего не купилъ къ празднику, а она ожидала получить по мевшей мѣрѣ платокъ.

Подальше, у маленькой входной калитки, въ старой тюбетейкѣ и поношенномъ полосатомъ ситцевомъ халатѣ сартъ сидитъ на корточкахъ и не то задумчиво, не то съ усмѣшкой посматриваетъ на проходящій мимо него людъ. Въ *ичкари* ругается его жена. Она, очевидно, была запрята пряденьемъ нитокъ, но бросила работу, сѣла въ другой уголъ савли, распустила головной платокъ и, не обращая

шнурки на ревь лежащаго въ бѣшійхъ ребенка, поносить мужа всѣми извѣстными ей поношеніями. Она ожидала получить отъ него новую рубаху и калоши съ ичигами, а онъ только что и принесъ ей съ базара бѣлый кисейный платокъ и плохенькія, дешевыя калоши.

Она ругается и вслухъ произноситъ твердо принятое ею рѣшеніе, идти послѣ праздника въ казію за разводомъ. Въ это самое время, шурша новой ситцевой рубахой, въ саклю входитъ молоденькая сосѣдка.

Ругательница на минуту умолкаетъ, потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего начинаетъ голосить. Гостя присаживается около плачущей. „А? *Има иляба отурубъ сызи?*“ Чего вы плачете?“, Воетъ. „Что такое съ вами случилось?“ Баба швыряетъ на середину сакли принесенныя мужемъ калоши и, петрогаясь съ мѣста, съ плачемъ и руганью начинаетъ повѣствовать гостя о постигшемъ ее несчастіи. „Умри! проглоти тебя земля! эдакой подарокъ купилъ мнѣ къ празднику! А еще обѣщаль: рубаху, говоритъ, куплю, калоши съ ичигами. Только бы праздникъ прошелъ—пойду къ казію разведусь. Чего мнѣ съ нимъ жить; какая это жизнь, когда къ празднику не можетъ женѣ рубахи купить. Разведусь. Уйду отъ него.“

Если до этого происшествія она жила съ мужемъ сносно, то по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ праздникомъ пройдетъ и мысль о разводѣ; въ противномъ случаѣ въ теченіи всего *лайта* въ саклѣ будутъ раздаваться ругань и перебранка, а послѣ праздника она отправится съ мужемъ къ казію и, если обстоятельства развода будутъ благоприятны для нея, то она покинетъ своего сожителя, а къ зпмѣ выйдеть замужъ за другого.

Въ небогатыхъ семьяхъ, какъ въ кишлякахъ, такъ равно въ городѣ, жепщина ежегодно изнашиваетъ въ среднемъ 2 рубахи, столько же штаповъ, 2 халата, 2 пары калошъ, одни ичиги, которые она посеть не постоянно, и 2 платка. *Чимбдтъ* и *паранджй* носятя по нѣскольку лѣтъ. Такимъ образомъ ежегодный расходъ на ея одежду для небогатой семьи въ среднемъ можетъ быть принятъ около 12-17 рублей серебромъ. (Первая цифра средняя для кишлака, гдѣ ичиги посетья очень рѣдко, а ситець въ домашнемъ обиходѣ замѣняется грубыми туземными матеріями; вторая, большая

для города. Рубаха изъ туземной матеріи стоитъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; изъ ситца—его идетъ около 10 аршинъ—отъ 1 р. 50 к. до 2 р.; штаны ситцевые около 80 к.; ичиги—1 р.; пара кашошь отъ 1 р. до 1 р. 50 к.; халатъ отъ 1 р. 50 к. до 3 р.; платокъ 1 р.) Для состоятельныхъ семей цифры эти значительно возрастаютъ, такъ какъ тамъ туземныя бумажныя матеріи не употребляются, замѣняясь русскими ситцами, кумачемъ и тикомъ, а праздничная и выходящая одежда женщины, въ особенности въ городахъ, дѣлается всегда почти изъ полуселковыхъ и шелковыхъ матерій. (Рубаха изъ тонкаго атласа—*ипариджъ* стоитъ около 7 р.; полуселковый халатъ или бешметъ около 6 р. сер., хорошій полуселковый *паранджій* около 11 р.).

Если женщина имѣетъ свое личное, приносящее доходъ имущество, то она одѣвается всегда почти исключительно на эти средства. Въ кокандскомъ уѣздѣ мы знали не богатую крестьянскую семью. Хозяйка была за вторымъ мужемъ; отъ перваго она имѣла нѣсколькихъ дѣтей и наследство: небольшой участокъ земли, на доходы съ котораго одѣвалась она сама и дѣти перваго мужа.

Если личного имущества у женщины нѣтъ, то въ состоятельныхъ семьяхъ еѣ одѣваетъ мужъ, а въ бѣдныхъ нужныя для одежды средства добываются ей самой такимъ трудомъ, какъ пряжа нитокъ, разведеніе шелковичныхъ червей, очистка ваты отъ сѣмянъ и коробочки, а въ городахъ печеніе хлѣба на продажу, шитье одѣялъ и халатовъ и пр. Въ достаточныхъ семьяхъ нѣкоторыхъ кишлаковъ памангавскаго уѣзда, и въ тѣхъ главнымъ образомъ, гдѣ ведется переложное хозяйство, не рѣдки случаи производства особаго, совершенно самостоятельнаго посѣва одного изъ такихъ хлѣбовъ, который требуетъ небольшого сравнительно ухода (не обучивается) какъ напр. ячмень, ишеница и лёнъ. Урожай съ этого поля полностью передается женщиной въ зерно; она продаетъ его и расходуетъ на свою экипировку по своему личному усмотрѣнію, не получая уже затѣмъ отъ мужа никакихъ другихъ субсидій, а нерѣдко даже и праздничныхъ подарковъ. Такъ какъ этихъ средствъ бываетъ далеко не всегда достаточно, то очень не рѣдки случаи, когда женщина крадетъ у мужа зерно, продаетъ его въ тихомолку и расходуетъ эти деньги лично на себя; зачастую все это

дѣлается въ сообществѣ дѣтей, которыя вообще съ матерью живутъ дружнѣе чѣмъ съ отцомъ, такъ какъ власть послѣд-
няго одинаково тяготѣетъ надо всеѣми ими. Замѣчательно,
что все эти мелкія воровства жевъ, тщательно скрываемыя
ими отъ мужей, отнюдь не считаются секретомъ не только
между пріятельницами, но даже и между простыми знако-
мыми. Рассказывая о своихъ продѣлкахъ одному изъ авто-
ровъ, сартянки спрашивали много-ли она сама таскаетъ у
своего мужа и всегда относились крайне недовѣрчиво къ
получаемымъ ими отрицательнымъ отвѣтамъ.

Представленіе о модѣ стало слагаться, повидимому, лишь
за послѣдніе годы. Частности женскаго костюма измѣнялись
и равнѣе, но причинами тѣхъ прежнихъ измѣненій было
стремленіе не столько къ изящному, сколько къ болѣе прак-
тическому и удобному. Такъ бумажные матовые чулки смѣ-
нялись кожаными кичгами, а мунсалъ съ короткими, широ-
кими рукавами, и въ большинствѣ случаевъ безъ воротника, —
обыкновеннымъ халатомъ со стоячимъ воротникомъ и длин-
ными рукавами.

Теперь отношенія какъ женщины, такъ равно и муж-
чины къ своему костюму значительно измѣняются или, вѣр-
нѣе, измѣнились, и въ средѣ состоятельнаго городского на-
селенія мы видимъ стремленіе шить платье изъ наиболѣе
модныхъ матерій съ вѣкоторыми, частными, впрочемъ отступ-
леніями отъ основнхъ формъ народнаго костюма. Во вто-
рой половинѣ семидесятихъ годовъ между туземными фран-
тами, купеческой молодежью, соприкасавшейся съ русскими
и съ Ташкентомъ, одно время были очень распространены
туземные сапоги на необыкновенно высокихъ и тонкихъ
каблукахъ и халаты съ отложными воротниками; въ это же
время женщины стали обзаводиться бешметами вмѣсто хала-
товъ. Позднѣе у мужчинъ вошли въ моду валопи съ широ-
кими носками, халаты, простроченные на машинѣ, и бѣлье
изъ ситца вмѣсто прежнихъ туземныхъ бумажныхъ матерій.
На улицахъ встрѣчалось все болѣе и болѣе женщинъ
одѣтыхъ въ рубахи моднаго цвѣта.

Изъ Россіи приходятъ товары. Привозится партія та-
кого ситца, узоръ котораго здѣсь новинка. По городу раз-
носится слухъ о томъ, что на базарѣ продается ягнй чик-
ндъ-чидъж — вновь появившійся ситецъ. Въ лавкахъ съ крас-

нимъ товаромъ онъ лежитъ на видномъ мѣстѣ и имѣсто 18 или 20 копѣекъ за аршинъ продается первое время по 30 коп. Натурально, это еще болѣе раздражаетъ и рубахи изъ такого ситца дѣлаются мыражемъ, посвящаемъ въ воображеніи всѣхъ наиболѣе склонныхъ къ самоукрашенію. Одно время въ качествѣ такого *яни-чикки-чѣтл* фигурировала рѣденькій ситецъ съ широкими красными вигзагами по бѣлому полю; черезъ нѣсколько времени его смѣнилъ брильянтивъ съ мелкими цвѣточками и т. д. Точно также мода существуетъ у женщинъ и на головные платки. Прежде въ большомъ употребленіи были бѣлые кисейные, вышитые по краямъ шелками, такъ называемые *дурія*; затѣмъ ихъ мѣсто заняли кисейные же красные платки съ крупными бѣлыми или желтыми цвѣтами; потомъ опять простые платки изъ бѣлой кисеи, а теперь входятъ въ моду бѣлые или цвѣтные шелковые, по большей части бухарскаго приготовленія. Имѣсть съ проникновеніемъ повсюду въ городахъ отложпаго татарскаго ворота у женской рубахи, замѣчается неодолимое вожделѣніе къ ботинкамъ, но носить ихъ на улицахъ побаиваются, ибо, во первыхъ, они имѣютъ сходство съ сапогами, а въ послѣднихъ ходятъ одѣвъ лишь проститутки, а вторыхъ, ладѣтъ ихъ, рискуешь обвиненіемъ въ отступничествѣ отъ религіи.

Франтить и наряжаться сартянка, въ особенноти молодая, любить, конечно, совершенно также, какъ и женщина всякой другой расы, но здѣсь самоукрашеніе это кромѣ личнхъ, субъективныхъ стимуловъ и побужденій, зиждется еще и на религіозныхъ снованіяхъ. *Шарідта* (см. Торнау) совѣтуетъ женщинѣ заботиться о томъ, чтобы она нравилась мужу и рекомендуетъ ей для этой цѣли такіа средства, какъ румяна, бѣлила, *исми* (для окрашиванія бровей) мушки (*халъ*), локоны и проч. Такимъ образомъ для туземной женщины заботы о внѣшнемъ ея благообразіи и привлекательности являются до нѣкоторой степени нравственною обязанностью, отъ которой она избавляется или наимѣнѣе средствъ, или же достиженіемъ того возраста, въ которомъ у всѣхъ вообще извѣстныхъ намъ народовъ излишняя заботливость о своей наружности считается и смѣшной и зазорной.

Бѣлила приготовляемыя здѣсь изъ риса или изъ личной скорлупы, румяна (фуксинъ), а равно мушки и локоны въ Ферганѣ употребляются очень рѣдко. Въ гораздо большемъ

ходу окрашиваніе бровей *усмою* и рѣсницъ сурьмой. Наибольше красивыми считаются брови рѣзко очерченныя, широкія и сросшіяся надъ переносицей. Оттого при окрашиваніи ихъ *усма* кладется широкой полосой, идущей отъ наружнаго конца одной брови до наружнаго же конца другой. Выходитъ это, конечно, очень грубо и аляповато, а сколько-нибудь изящное подкрашиваніе бровей встрѣчается очень рѣдко.

Усма, — растеніе изъ крестоцвѣтныхъ, разводимое здѣсь туземцами. При свѣжемъ растеніи изъ листьевъ его пальцами выжимають темвозеленый, съ легкимъ сивеватымъ оттѣнкомъ сокъ; въ послѣдній обмакивають коонецъ тоненькой деревянной палочки или спички, обернутой ватой и проводятъ имъ нѣсколько разъ по бровямъ. Черезъ нѣсколько времени окрашенное мѣсто принимаетъ почти черный цвѣтъ, а окраска не сходитъ довольно долго тѣмъ болѣе, что мыло при мытьи лица употребляется лишь очень немногими, наиболѣе богатыми франтихами.

Для полученія краски изъ сухой *усмы*, листья завернутыя въ кусочекъ ваты жуютъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, пока красящіяся начала не растворятся въ слюпѣ.

Сокъ *усмы* считается средствомъ способствующимъ росту бровей.

Окрашиваніе ногтей на рукахъ и ногахъ, а верѣдко также и ладоцей, повидимому, начинаетъ выходить изъ моды; окрашенныя руки теперь встрѣчаются только по праздникамъ и то не вездѣ, побольшей части въ однихъ лишь городахъ. Духи, туземнаго приготовленія и далеко не пріятнаго запаха, въ очень небольшомъ употребленіи.

Главнѣйшими украшеніями сартовской женщины послѣ накрашенныхъ бровей и рѣсницъ служатъ кольца, серьги, браслеты, бусы, кораллы, серебряныя амулеты и другія привѣсивъ мѣстнаго надѣлія. За послѣднее время у женщинъ, носящихъ рубахи съ татарскими воротами, начинаютъ входить въ моду большія европейскія заповки. Все эти украшенія, за исключеніемъ колець и простыхъ не дорогихъ серегъ, дома никогда почти не носятъ.

Мелкій жемчугъ, идущій на глазки къ кольцамъ и привѣски къ серьгамъ, мелкіе же, плохого достоинства кораллы, драгоценныя камни—привозные изъ Индіи, Бухары и частью изъ Россіи.

Бирюза въ большинствѣ случаевъ поддѣльная, а камни замѣняются простыми цвѣтными стеклами. Въ наибольшемъ употребленіи серебряныя кольца съ поддѣльной бирюзой, кораллами, цвѣтными стеклами, мелкимъ жемчугомъ и иногда янтаремъ, который здѣсь очень большая рѣдкость. Стоимость такихъ колецъ колеблется отъ 30 к. до 5 р. с. Золотыя кольца, браслеты и серги довольно рѣдки и встрѣчаются лишь у наиболѣе богатыхъ жевцинь. Серги обыкновенно имѣютъ видъ большихъ, тонкихъ колецъ, сдѣланныхъ изъ серебрянной проволоки и слегка разгибающихся безъ шарнира. Къ нимъ придѣляются привѣски изъ мелкаго жемчуга, коралловъ, бусъ или мелкихъ позолоченныхъ серебрянныхъ же побрякушекъ. Длина такихъ побрякушекъ доходить иногда до $\frac{1}{2}$ аршина, а о вѣсѣ ихъ свидѣлствуетъ масса прорваныхъ женскихъ ушей.

Въ случаѣ особенно тяжелыхъ серегъ, женщина прицѣпляетъ ихъ не къ мочкѣ уха, а къ волосамъ позади послѣдняго, или къ переднему краю платка на высотѣ уха. Стоимость обыкновенныхъ серебрянныхъ серегъ колеблется отъ 40 к. до 4 р. сер. Серебряныя же браслеты, цѣпою отъ 2 р. до 8 р. сер. дѣлаются съ чернью, позолотой или мелкой бирюзой, по большей части поддѣльной. Изъ ожерелий наиболѣе употребительны коралловыя. Золотныя послѣднихъ (обыкновенно мелкіе и очень плохого качества) продается отъ 30 к. до 1 р. 40 к.

Коралловому ожерелью очень часто придается видъ сѣтки, низъ которой спускается до пояса; иногда между коралловъ помѣщаютъ крупныя шлифованныя бусы изъ серебра. Большіе и малыя, подъ червью или позолоченныя амулеты — *тумаръ*, имѣющіе обыкновенно форму треугольника, привѣшиваютъ или къ плечу, или сзади падъ лопаткой. Къ косамъ на длинныхъ шнуркахъ нѣрѣдко привѣшиваютъ такъ называемыя *чичъ-панукъ* — кисти изъ крученого чернаго шелка, головки которыхъ обдѣлываютъ въ серебро, а иногда кромѣ того украшаютъ еще бусами и другими побрякушками. Въ кишлакахъ такіе *чичъ-панукъ* нѣрѣдко замѣняются или крупными стеклянными бусами, или же просто просверленнымъ по срединѣ небольшимъ камешкомъ. Такой камешекъ служитъ, конечно, не какъ украшеніе; онъ привязывается къ косѣ для того, чтобы она меньше болталась.

Носеніе небольшой серьги въ носу, распространенное между женщнами и дѣвушками и въ некоторыхъ другихъ частяхъ Средней Азии, въ Ферганѣ совсемъ не принято. Здѣсь носеніе такихъ серегъ встрѣчается иногда лишь между мѣстными, очень немногочисленными еврейками.

Наиболѣе дешевымъ и вѣстѣ съ тѣмъ любимымъ украшеніемъ сартапки, какъ женщины такъ и дѣвочки являются цвѣты въ особенности розы, но къ сожалѣнію онѣ украшаются ими крайне не изящно. Цвѣтокъ затыкается обыкновенно за лѣвое ухо; рѣже два цвѣтка съ длинными черепками укрѣпляются концами послѣднихъ въ волосахъ у висковъ и болтаются по обѣ стороны лица.

Весною чуть не у каждаго сарта можно видѣть цвѣтокъ, заткнутый черепкомъ подъ тюбетейку, около уха или виска. Дѣвочки весною же вплетаютъ въ косы тонкія полоски кори съ молодыми листьями и сережками, осторожно сдираемые съ тонкихъ же вѣтвей тала.

ЗАНЯТІЯ И ПИЩА.

Одною изъ лучшихъ добродѣтелей женщны исламъ признаетъ домохозяйство и трудолюбіе. Набожнаго и трудолюбиваго мужчину сартъ называетъ *суфи* (чистый, благочестивый), а домовитую хозяйку *мастурд* (домосѣдка), поэтотъ эпитетъ въ средѣ молодыхъ женщинъ присущъ лишь очень и очень немногимъ⁽¹⁾. Наблюдая въ теченіи вѣсколькихъ лѣтъ и мужчинъ и женщинъ, мы пришли къ тому заключенію, что при относительной одинаковости возраста между тѣми и другими существуетъ громадная разниця. Женщина до 25 — 30 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ никакого вкуса ни къ хозяйству, ни къ какому либо другому труду. Если ее не заставляютъ трудиться бѣдность или попуканія мужа, она не ударитъ палецъ о палецъ, цѣлыми днями будетъ носиться по гостямъ, бряцать

(1) «Постоянно будьте въ своихъ домахъ; не хвастайтесь передъ другими своими парадомъ;..... Коранъ. Гл. 33, ст. 33.

на *дундрь*, колотить въ бубенъ и сплетничать; самое большое, что сама сошьетъ себѣ обновку. Мужчины, наоборотъ; до 30—35 лѣтъ они въ высшей степени работящъ, дѣловитъ и подвиженъ; во многихъ семьяхъ они принимаютъ самое дѣятельное участіе и въ земледѣліи, и въ промыслахъ, и въ торговлѣ, начиная съ 10—12 лѣтняго возраста, когда большинство дѣвушекъ—чуть не невѣсты.—почти ничего еще не умѣютъ дѣлать. Но за этимъ рубежомъ зрѣлости роли средняго мужчины и средней женщины мѣняются. Они становятся въ большинствѣ случаевъ вялы, малоподвижны, а первѣво просто лѣнивы; она, наоборотъ, не теряетъ энергіи и подвижности до самаго поздняго возраста и, за рѣдкими лишь исключеніями, становится въ высшей степени дѣятельной, домовитой и трудолюбивой. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ сѣдыхъ старухъ, которыя цѣлый день на погахъ, цѣлый день не покладая рукъ, то пекутъ хлѣбъ, то шьютъ, то прядутъ, то варятъ пищу—*можи дыкэ крубты*—сплываютъ какъ твандкій челнокъ.

Мы не беремся давать объясненій этого, фізіологическаго въ сущности, факта, но думаемъ, что кромѣ климатическихъ, пищевыхъ и другихъ аргументовъ данной функціи несомнѣнно громадное значеніе должны имѣть и образъ жизни какъ того, такъ и другой или, вѣрнѣе, ихъ способы расходования энергіи въ періодѣ до наступленія вышеуказаннаго нами возраста.

Исключенія въ сторону трудолюбія есть, разумеется, въ особенности между кышлячпымъ, земледѣльческимъ населеніемъ, но, немногочисленная въ средѣ зажиточнаго люда, и тамъ, въ кышлякѣ, они обуславливаются главнымъ образомъ неотступной необходимостью и неизбежностью труда, а никакъ не личными къ нему симпатіями. Въ общемъ кышлячвая женщина несравненно болѣе дѣятельна чѣмъ городская, а лучшими, наиболее домовитыми хозяйками выходятъ тѣ жены, которыя берутся сартами у киргизъ и другихъ родовъ кочеваго населенія, на женщинахъ и дѣвушкахъ котораго лежатъ все домашнія работы, не исключая ухода за скотомъ, разстановки кибитокъ и проч.

Однакоже, несмотря на явную практическую выгоду такихъ браковъ, они сравнительно рѣдки, такъ какъ по издавна установившемуся у киргизъ обычаю *калынг*, пла-

тимъ за ихъ дѣвушекъ гораздо больше, чѣмъ колѣмъ за сартянку, почему лишь немногіе могутъ жениться на киргизкахъ; это во первыхъ, а во вторыхъ, у большинства сартовъ не принято брать невѣсты изъ далека. И сарты, и сартянки искони привыкли жить и умирать тамъ, гдѣ они родились. Съ понятіемъ о *мусафиръ* (стравникъ, чужеземецъ, человекъ живущій не на родинѣ) въ умахъ обоихъ связывается крайне мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто дѣтское представленіе объ отсутствіи родственниковъ, а потому и полной якобы беспомощности. Это пугаетъ и невѣсту, и ее родителей, почему и согласіе на отдаленные по разстоянію браки дается въ большинствѣ случаевъ крайне неохотно.

Въ домашнемъ быту сартовская женщина является хозяйкой и работницей лишь по столыку, по скольву это касается съ основными, касающимися ее положеніями религіи, признающими мужа главою семьи и предлагающими ей, женщине избѣгать взгляда постороннихъ людей. Мужъ долженъ добыть деньги или продукты; жена обязана приготовить изъ нихъ пищу и одежду (').

Въ зависимости отъ этихъ положеній на обязанности женщины лежатъ главнымъ образомъ тѣ лишь работы, которыя могутъ быть производимы ею внутри *ишарй*. Такимъ образомъ главнѣйшими обычными ее занятіями являются: приготовленіе пищи, доеніе скота, метеніе внутренняго двора, пражь, шитье и кормленіе шелковичныхъ червей листьями, доставляемыми ей мужчиной вмѣстѣ съ водой, дровами, а также и кормомъ тому дойному скоту, который содержится въ хлѣвѣ внутренняго двора.

Такія дѣла какъ торговля, купля и продажа и пр., всегда лежатъ на мужчинѣ, ибо для женщины считается неприличнымъ ходить на базаръ. Она, правда, ходитъ туда, но сравнительно рѣдко и въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда замѣпить ей некому. Личныя торговныя операціи женщины ведутся ею всегда черезъ какихъ либо посредниковъ, по большей части черезъ мужа или другихъ родственниковъ.

(') Это послѣднее освящено лишь обычаемъ. Согласно же постановленію *ишарйта* для жены обязательно: кормить грудью своихъ дѣтей, варить пищу, мыть бѣлье, печь хлѣбъ и мести жилище.

Мы знали одну очень богатую женщину, которая овдовѣвъ, вышла замужъ за одного изъ своихъ работниковъ, очень расторопнаго и смѣливаго малаго, къ которому она имѣла большое довѣріе; въ его руки она передала веденіе всѣхъ ея торговыхъ и другихъ дѣлъ.

Случаи, когда грамотная жена помогаетъ мужу въ веденіи торговыхъ счетовъ и другихъ письменныхъ работахъ, сравнительно очень рѣдки, такъ какъ женщины хорошо знающія грамоту и счетъ очень и очень немноги.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ мужъ и жена живутъ согласно, на всѣ вообще предпріятія мужъ рѣшается не иначе, какъ посоветовавшись съ женой или, по крайней мѣрѣ, сообщивъ ей свое рѣшеніе⁽¹⁾. Если же въ нѣскольکو, то мужъ консультируется по большей части съ одной лишь старшей, первой женой.

Къ намъ много разъ обращались или съ просьбою дать денегъ взаймы, или съ предложеніемъ вступить въ компанію потому или другому торговому или земледѣльческому предпріятію. Если со стороны мужа слѣдовало соглашеніе, то его спрашивали согласна ли и жена; если слѣдовало отказъ, то просили не торопиться съ нимъ, а предварительно посоветоваться съ женой, ибо она можетъ пайти это возможнымъ или выгоднымъ.

Слѣдуетъ однако же замѣтить, что такое правило соблюдается главнымъ образомъ лишь въ средѣ земледѣльческаго населенія, нравственный міръ котораго во всѣхъ вообще отношеніяхъ смѣло можетъ быть названъ наиболѣе симпатичнымъ въ сравненіи съ другими классами или слоями туземнаго общества.

Далѣе, говоря о занятіяхъ и работахъ женщины, мы будемъ имѣть въ виду лишь кншлѣчное земледѣльческое населеніе и классъ небогатыхъ горожанъ, такъ какъ въ средѣ богатыхъ купеческихъ семей и состоятельнаго бывшаго ханскаго служилаго люда женщина не запята ничѣмъ почти, кромѣ шитья и вышиванья.

(1) « — советуясь съ ними, дѣлайте, что почитаете лучшимъ ». Коранъ. Глава 65, ст. 6.

Въ этой средѣ для исполненія черныхъ домашнихъ работъ имѣются или служанки *акъ-чаъ*, или рабыни—*джури*. Въ служанки идутъ почти исключительно однѣ лишь бездомныя вдовы, достигшія такого возраста, когда на выходъ замужъ не остается болѣе никакихъ надеждъ. Живутъ онѣ по большей части за пищу и одежду, а деньги если иногда и получаютъ, то въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, обыкновенно не болѣе 10 р. въ годъ. (*Акъ-чаъ* значитъ бѣлые волосы).

До прихода русскихъ въ Фергану во всѣхъ почти богатыхъ семьяхъ были и рабы (*кулъ*) и рабыни (*джури*). Какъ тѣ такъ и другія—исключительно дунгане—привозились сюда въ дѣтскомъ возрастѣ изъ Кульджи и Кашгара, гдѣ приобретались здѣшними торговцами, имѣвшими дѣла съ названными городами, или увозомъ, или покупкою у родителей. Въ Ферганѣ мальчикъ—рабъ продавался отъ 70 до 100 р., а дѣвочка—рабыня отъ 50 до 80 р. серебромъ.

Съ приходомъ русскихъ рабство было объявлено болѣе не существующимъ. Большинство рабовъ покинуло своихъ прежнихъ хозяевъ, а рабыни всѣ почти остались на мѣстахъ, такъ какъ онѣ или были замужемъ за работниками и служителями своихъ прежнихъ хозяевъ, или слишкомъ молоды для того, чтобы начать самостоятельную жизнь. Нѣкоторыя же просто не имѣли надобности уходить куда-либо, такъ какъ жилось сравнительно сносно. За такими дунганками и по сіе время осталось названіе *джури*.

Въ тѣхъ зажиточныхъ семьяхъ, гдѣ жены взяты изъ бѣднаго класса, очень не рѣдки случаи, когда обязанности ихъ прислужницъ—*акъ-чаъ*, исполняютъ матери этихъ женъ или другія ихъ родственницы, положеніе которыхъ равно ничѣмъ не отличается отъ положенія обыкновенныхъ служанокъ.

Дочь помыкаетъ и командуетъ такою прислужницей матерью, совершенно игнорируя существованіе какихъ либо другихъ соотношеній, кромѣ соотношеній госпожи и служанки. Намъ не разъ случалось слышать разговоры матери, выдающей свою дочь за богатаго человѣка. Она проситъ невѣсту забыть, что иногда била и ругала её и всегда высказываетъ опасеніе того, что разбогатѣвшая дочь не пуститъ её даже и на порогъ своего дома. Мы знали такой случай,

когда дочь, вышедшая замужъ за состоятельнаго человѣка и взявъ свою мать въ служанки, не только помыкала ею самымъ беспощаднымъ образомъ, поминутно пила за плохую службу, но иногда и била её.

О пиящѣ и ея приготовленіи мы будемъ говорить ниже самостоятельно и съ возможной подробностью, а потому теперь опишемъ другія женскія работы, изъ которыхъ главнѣйшее мѣсто занимаютъ пряденіе нитокъ и очистка ваты отъ зеренъ и коробочекъ.

Коробочки туземнаго хлопчатника растрескиваются очень слабо, а потому при уборкѣ урожая онѣ срываются съ кустовъ цѣликомъ и въ этомъ видѣ поступаютъ въ продажу на базаръ.

При очисткѣ данного количества хлопчатника, ваты по вѣсу получается только $\frac{1}{3}$; половина общаго вѣса приходится на сѣмена—*чиитъ* и четверть на коробочки. *Чиитъ* идетъ въ примѣсь къ львиному сѣмени при говкѣ изъ него масла, а коробочки при большемъ ихъ количествѣ сжигаются въ очагѣ подъ котломъ. Очистка хлопка отъ коробочекъ производится руками, а отъ *чиита* при посредствѣ особаго деревяннаго аппарата *чирикъ* или *чаирикъ*, главную суть котораго составляютъ два вращающіеся на встрѣчу другъ другу валика со спиральными парѣзками. Вата проходитъ между валиками, а сѣмена отрываются и падаютъ внизъ. Прежде чѣмъ очищать хлопокъ отъ сѣмянъ, его тщательно просушиваютъ на солнцѣ. Въ теченіи недѣли или, вѣрнѣе, шести дней женщина очищаетъ въ среднемъ не болѣе $\frac{1}{2}$ *чирика* (2 пуда 25 фунтовъ) коробочекъ. Изъ этого количества получается 2 *чаксы* (26 ф.) ваты и 4 *чаксы чиита*. Въ настоящее время напримѣръ $\frac{1}{2}$ *чирика* неочищеннаго коробочекъ хлопчатника (*гула*) продается около 2 р. 40 к.; двѣ *чаксы* ваты стоятъ 3 р. 60 к., а 4 *чаксы чиита* около 40 к. Средній недѣльный заработокъ женщины, занимающейся исключительно очисткою хлопка можетъ быть принятъ около 1 р. 50 к., по этой цифрѣ заработокъ достигаетъ тогда только, когда у женщины есть помощники дѣти, на которыхъ лежитъ очистка хлопка отъ коробочекъ и кромѣ того рѣдная женщина можетъ работать по долгу безъ отдыха, такъ какъ рука и плечо сильно влѣбуютъ при вращеніи рукоятки *чаирика*. (Такой очищенный хлопокъ

частью идетъ на мѣстные потребности: одѣяла, халаты и пр., а главнымъ образомъ скупается торговцами по мелочамъ на базарѣ и увозится въ Россію).

На прядеіе нитокъ идетъ лучший по цвѣту, наиболѣе бѣлый, хлопокъ. Предназначенная для переработки въ пряжу вата предварительно тщательно перебивается тонкими тростипками, при чемъ ей придаютъ форму пластовъ около пальца толщиной, $\frac{1}{2}$ аршина шириной и нѣсколькихъ аршинъ длиною. Затѣмъ каждый такой пластъ по его длинѣ свертывается въ клубокъ. Самое прядеіе нитки производится на веретено, приводящееся въ движеніе посредствомъ маленькой деревянной ручной прялки—*чартъ*. Нитка отсучивается отъ маленькихъ цилиндриковъ ваты, скатываемыхъ руками. Цилиндрики эти, около $\frac{1}{2}$ аршина длиною и въ палецъ толщиной, скатываются изъ кусковъ, отрываемыхъ отъ заранее приготовленныхъ клубковъ перебитой ваты.

Нитки, необходимыя для шитья бѣлья и одежды, прядутся обыкновенно дома, а потому вся та пряжа, которая выдѣлывается для продажи, идетъ главнымъ образомъ на тканье бѣлыхъ и цвѣтныхъ матерій мѣстнаго производства. (Последнимъ здѣсь заняты исключительно мужчины; въ нѣкоторыхъ каракалиакскихъ и другихъ полукочевыхъ семьяхъ женщина ткеть однѣ только грубыя шерстяныя матеріи). Пряжею женщина зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 до 80 к. сер., при чемъ въ большинствѣ случаевъ выдѣланныя за недѣлю, или за 6 дней⁽¹⁾, нитки продаются непосредственно въ слѣдующій же базаръ, такъ какъ вырученныя на нихъ деньги, особенно въ городахъ, гдѣ у бѣднаго населенія иногда почти никакихъ запасовъ не имѣется, необходимы на покупку провизіи и опять таки въ базарный же день, ибо въ противномъ случаѣ провизію эту придется покупать у мелочныхъ торговцевъ по дорогой, сравнительно, цѣнѣ.

Въ холодныя зимы такія женскія работы, какъ очистка ваты, а главнымъ образомъ прядеіе нитокъ, прекращаются, потому что, во первыхъ, вѣгдѣ сушить хлопка, во вторыхъ, большинство помѣщеній настолько холодно, что работать въ

(¹) Прясть по пятицамъ считается грѣхомъ. Другія же работы производятся.

нихъ подолгу становится совершенно невозможнымъ и, въ третьихъ, на базарахъ пѣтъ сирота на витки вследствие поголовной почти забастовки ткачей, мастерскіи которыхъ холоды такъ-же, какъ и большинство другихъ помѣщій. Цѣны на витки падаютъ такъ сильно и быстро, что въ началѣ такой холодной зимы далеко не рѣдки случаи, когда женщина, вынесшая свои витки на базаръ, продаетъ ихъ за ту же цѣну, за которую она, недѣлю тому назадъ, купила неочищенный хлопокъ. Есть женщины, живущіи исключительно однимъ только этимъ трудомъ. Мы знали одну такую старуху. Она прядла витки, а мужъ ея, 60-лѣтній старикъ, продавалъ на улицѣ *халау*, которую онъ бралъ на комиссію и зарабатывалъ этимъ около 10 к. въ день. Судите о положеніи этихъ людей во время забастовки ткацкихъ работъ, въ холодную зиму, когда нужды дрова и горячая пища, и когда все безусловно продукты сильно дорожаютъ. Знали и еще одну семью. Это была старуха лѣтъ за 50. У ней была дочь лѣтъ 12 и крошечный дворничко въ одномъ изъ наиболѣе людныхъ кварталовъ Намангана. Жили очисткой ваты и пряденьемъ витокъ, разумѣется всегда въ проголодь. Старуха стала дряхлѣть. Видитъ дѣло плохо. Отдала дочь за бездомнаго поленщика и взяла его къ себѣ; зарабатывалъ онъ въ среднемъ около 20 к. въ день и то не всегда; оказался большимъ грижей и полундѣотомъ. Наступила холодная, весьма памятная здѣсь, зима 18^{1/2} года, когда морозы доходили до—20° ц. Все безъ работы. Дочери было уже 14 лѣтъ. Голодъ и холодъ допали. Невинность дѣвушки была продана за *четыре рубля серебромъ*. Потомъ дѣла ихъ поправились; идиотъ умеръ, а бывшая номинальная жена его сдѣлалась тайной проституткой.

Мы знали еще и другихъ, подобныхъ этимъ же, но боимся, что такъ можно, пожалуй, и надоѣсть читателю во первыхъ, а во вторыхъ, если начнемъ пересчитывать всѣхъ извѣстныхъ, то рискуешь копытить очень не скоро, а обетательства заставляютъ насъ торопиться со своей работой.

Излюбленнымъ дѣломъ, не только женщинъ всѣхъ возрастовъ, но даже дѣвушекъ, не смотря на то, что оно въ сущности очень хлопотно, слѣдуетъ назвать разведеніе и кормленіе шелковичныхъ червей. Привлекаетъ же оно къ

себѣ потому, что, въ случаѣ удачи, дѣло это выгоднѣе всѣхъ другихъ жепскихъ работъ.

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца изъ нарочно отложенныхъ для этого коконовъ, хранящихся гдѣ-нибудь въ углу комнаты, на влажномъ, земляномъ полу, выходятъ бабочки. Ихъ спариваютъ, сажая по одному самцу и одной самкѣ въ небольшой матерчатой мѣшечекъ, который подвѣшивается гдѣ-нибудь въ комнатѣ же на колышкѣ. Здѣсь самка кладетъ яички, послѣ чего бабочекъ выбрасываютъ. До весны яички сохраняются такъ, чтобы они не могли промерзнуть. Нѣкоторые зарываютъ ихъ въ серединѣ зямы глубоко въ снѣгъ и оставляютъ здѣсь на одни сутки, полагая, что такая операція можетъ предохранить будущихъ червей отъ заболѣванія. Въ мартѣ, какъ только появятся первая почка на тутовыхъ деревьяхъ, женщины приступаютъ къ искусственному высиживанію яичекъ, для чего послѣднія, завязавшія въ маленькія мѣшечки, подвѣшиваются подъ мышку, подъ груди, или къ опояскѣ штановъ и выводятся здѣсь въ теченіи 15—20 дней теплотою тѣла.

Въ это же время на базарѣ *найса* (около 6 золотниковъ) яичекъ продается отъ 20 до 40 к. Какъ только изъ всѣхъ яичекъ, заключающихся въ мѣшечкѣ, появятся черви, ихъ выкладываютъ въ небольшую, плоскую корзинку, внутренность которой выстилается какой-нибудь травицей; сверху корзинка закрывается или сложеннымъ въ пѣсколько разъ полотномъ, или тонкимъ ватынымъ одеяломъ. Прикрывать корзинку необходимо, дабы защитить молодыхъ червей отъ свѣта, колебаній температуры и такихъ враговъ, какъ, напримеръ, муравьи и воробы. Корзинка съ червями держатся или въ комнатѣ, или подъ навѣсомъ. Къ этому же времени на тутовыхъ деревьяхъ появляются черныя листки; ихъ обрываютъ, мелко рубятъ и въ такомъ видѣ посыпаютъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, поверхъ червей. (Какъ только послѣдніе выведутся, на базарахъ появляются лукошки съ продажными червями). Черезъ 8—10 дней послѣ появленія на свѣтъ, черви засыпаютъ и спятъ 2 дня. Такихъ засыпавшій, приблизительно черезъ 10 дней, четыре. По мѣрѣ роста червей, ихъ переводятъ изъ малыхъ корзинокъ въ большія, а листья рубятся все крупнѣй и крупнѣй, пока, послѣ 2-го сна, не станутъ давать ихъ цѣликомъ. Послѣ

третьяго сна, когда длина червей достигаетъ около 2 $\frac{1}{2}$ дюймовъ, ихъ переподать изъ корзины на вары; вары устраиваются изъ палокъ и хвороста въ темной комнатѣ. Въ это время въ пищу червямъ даются цѣлыя вѣтви туты, разбрасываемыя поверхъ варъ. Послѣ четвертаго сна вокругъ варъ, или вдоль стѣны комнаты, разставляются пучки крупныхъ, сорныхъ травъ; черви сползаютъ на нихъ и начинаютъ здѣсь завивать коконы. Послѣдніе появляются приблизительно черезъ 50 дней послѣ выхода червей изъ яичекъ. Въ первой половинѣ мая базары буквально заваливаются коконами. Со всѣхъ сторонъ везутся и возятся большія корзины и узлы. Каждый спѣшитъ продать свои коконы возможно скорѣе, пока они еще не успѣли высохнуть и потерять часть своего вѣса.

Въ это время чакса ихъ (13 ф.) стоитъ на базарѣ отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 80 к. Цвѣтъ коконовъ различенъ, отъ бѣлаго до ярко-оранжеваго, но на базарахъ коконы сортируются не по цвѣту, а по ихъ прочности. Хорошій коконъ, сжимаемый въ рукѣ, не долженъ легко поддаваться давленію. Скупщики немедленно же раскладываютъ ихъ (коконы) на солнцѣ, дабы предотвратить этимъ выходъ бабочекъ, а слѣдовательно и разрывъ коконовъ, ибо въ размотку идутъ одни лишь цѣлыя. Коконны, оставленные для своихъ домашнихъ потребностей, такъ же, какъ и поступившіе въ продажу, разматываются всегда особыми мастерами, составляющими въ городахъ особый же цѣхъ.

Изъ одной *найсѣ* (6 золотниковъ) яичекъ, стоящихъ на базарѣ отъ 20 до 40 к. сер., получается 30—50 фунтовъ коконовъ, цѣна которыхъ колеблется отъ 3 р. до 11 р. 20 к., а чистый доходъ, при условіи даровыхъ листьевъ, отъ 2 р. 60 к. до 11 р. сер. Въ одной семьѣ выводится отъ $\frac{1}{3}$ до 20 *найсѣ*. Такъ какъ не многіе лишь могутъ обходиться листьями своихъ собственныхъ тутовыхъ деревьевъ, то поэтому во все время кормленія червей повсемѣстно устанавливается очень бойкая торговля тутовыми листьями, цѣна на которая доходить иногда до громадныхъ размѣровъ, дѣлающихъ занятіе не только не выгоднымъ, но даже и убыточнымъ для тѣхъ, разумѣется, кто долженъ кормить червей покупнымъ листомъ. Очень часто составляются компаніи. Обладатель большаго числа тутовыхъ деревьевъ даетъ листья

и половину всего количества яичекъ, другая сторона—другую половину яичекъ и ухаживать за червями. Коконы дѣлятся по ровну.

Вотъ примѣръ. Одна небогатая намапганская семья, состоявшая изъ мужа, жены и сына лѣтъ 11, отправилась въ Чартакъ, селеніе, лежащее верстахъ въ 12 отъ города, гдѣ и вступила въ такую компанію, при чемъ общее количество яичекъ равнялось 20 *найсѣ*; когда черви подросли, отецъ и сынъ съ трудомъ успѣвали доставлять вѣтви. Коконовъ было получено 10 $\frac{1}{2}$ пудовъ. Каждая сторона получила по 38 р. сер. Заработокъ былъ признанъ болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ. (Работа трехъ человѣкъ продолжалась въ теченіи 2 мѣсяцевъ). Кормленіе червей, въ томъ случаѣ, если оно производится не своими, а покупными листьями, также какъ и праздничныя обрядки, служатъ однимъ изъ безчисленныхъ поводовъ къ ссорамъ между мужьями и женами. Жена требуетъ листьевъ и гонитъ мужа за ними или на базаръ, или на окраины города, въ сады. Мужъ ругается за то, что его отрываютъ отъ дома и заставляютъ раскошелиться на какихъ-то червей, отъ которыхъ будетъ ли толкъ, ильъ ли, еще неизвѣстно. „Умри, ты, не приносящій листьевъ, ругается жена, умри! Что я буду дѣлать безъ нихъ; черви перелохнутъ; труды мои пропадутъ; все изъ за тебя. Иди, а-ты, иди!“

„Ну тебя, съ твоими червями; зря это все; только дельгамъ переводъ; ничего изъ этого не выйдетъ“. — „Не пойдешь, халать твой заложу; сама пойду за листьями“. — „Ахъ ты!... прежде, чѣмъ ты халать то мой заложу, я тебѣ всѣхъ твоихъ червей передавлю“. Дѣло доходитъ чуть не до драки, пока, вдоволь наругавшись, мужъ не заброситъ халать и не отправится за листьями или, точнѣе, за пучками тутовыхъ вѣтвей. Сарты рассказываютъ, что лѣтъ 13—15 тому назадъ былъ годъ, когда тутовые вѣтви, вслѣдствіе какихъ то причинъ, вздоржали до небывалой степени. Увѣряютъ, что никогда, ни послѣ, ни прежде, не было такого числа разновидъ, какъ въ это памятное всѣмъ и злополучное лѣто.

Шьютъ туземныя женщины очень плохо и крайне небрежно. Большинство шьетъ все вообще швы впередъ-иголку; запошивки и строчка (*балгья*) встрѣчаются только на однихъ лишь шелковыхъ рубахахъ. Низы жепскихъ рубахъ, особенно

въ кишлалахъ, не подрубляются, а только обметываются. За шитье халата, или одъяла, на заказъ въ среднемъ берется около 20 к.

Женщины, специально занимающіяся шитьемъ халатовъ и одъялъ, продаваемыхъ на базарахъ, сшиваютъ въ день не болѣе одного халата, или одного же одъяла.

Вышиваніе шелками тибетскъ, головныхъ платковъ и кушаковъ, гораздо и прочвѣй, и изящвѣй всякаго другаго шитья. Часто встрѣчаются тибетейки сплошь вышитыя очень мелкимъ и изящнымъ узоромъ. По большей части это цвѣтви и листики самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и формъ. Такая тибетейка продается обыкновенно не дороже 1 р. 50 к., а за вышиваніемъ ей женщина сидитъ не менѣе 4—5 дней. Приготовленіе тибетеекъ никогда почти не является здѣсь специальностью; имъ занимаются между другимъ дѣломъ. Такъ напримѣръ, прясть нитки по пятницамъ считается грѣхомъ, а потому многія женщины, по этимъ днямъ, вышиваютъ тибетейки.

Что-же касается до вышиванія платковъ и кушаковъ, то есть женщины, занятія этимъ дѣломъ специально. Въ недѣлю онѣ зарабатываютъ обыкновенно не болѣе 80 к. сер. (Около 40 к. стоитъ кисей на платокъ и шелкъ, а вышитая дурія продается не дороже 1 р. 20 к.).

Участіе женщины въ земледѣльческихъ работахъ крайне незначительно. Вместе съ дѣтьми, подростками, она принимаетъ участіе лишь въ сборѣ дынь и коробочекъ хлопчатника, а въ бѣдныхъ семьяхъ еще и *башака*, колосцевъ, остающихся на полѣ послѣ жнитва. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины-же собираютъ чечевицу—*машъ* и *лемикъ* (послѣдній сортъ — плоская, красная чечевица). Никогда не приходилось видѣть женщины съ серпомъ, или за плугомъ, и разъ только былъ встрѣченъ случай, когда жена выносила вместе съ мужемъ на носилкахъ навозъ со двора въ *хайма* (огородъ), бывшій при домѣ; случай этотъ былъ встрѣченъ въ Нанакъ, гдѣ большинство женщинъ, на половину киргизки, не прячутся отъ своихъ односельчанъ.

Работая въ полѣ и заидя проходящаго или проезжающаго посторонняго человека, сартанка или набрасываетъ на голову платокъ такъ, чтобы не было видно ея лица, или же, недовольствуясь этимъ, присаживается на землю и отворачивается лицомъ въ сторону.

У сартовъ не принято заставлять женщину производить какія бы то ни было тяжелыя, черныя работы, а потому такіе случаи, какъ помощь мужу при кладкѣ глинобитныхъ стѣнъ и пр., можно встрѣтить очень и очень рѣдко, среди наибѣднѣйшаго кишлячяго люда, гдѣ женщина привычнѣй къ работѣ, чѣмъ въ городахъ, и то все иначе, какъ на внутреннемъ дворѣ. Въ пѣкоторыхъ кишлякахъ Наманганскаго уѣзда, ближайшихъ къ горамъ (Напай, Кукъ-яръ, Кызыль-аязъ, Ахтамъ), гдѣ, за отдаленностью базара, *мануры* для печенія хлѣба дѣлаются на дому, въ бѣлыхъ семьяхъ женщины иногда пособляютъ мужьямъ и въ этой работѣ. Устанавливаются же *мануры*, всегда почти, самими мужчинами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина принимаетъ участіе въ одной изъ подобныхъ работъ, она дѣлаетъ это всегда по своей доброй волѣ. Никогда не приходилось не только видѣть, но даже и слышать, чтобы мужъ приневоливалъ жену къ такой работѣ, которая не входитъ въ кругъ ея исконно-обычныхъ занятій. Можно думать, что основной причиной этого служитъ дошедшая до максимимальныхъ размѣровъ привычка согласовать свою жизнь съ обычаемъ — *рдсмомъ*, въ основѣ котораго, какъ извѣстно уже читателю, лежитъ тотъ же исламъ.

Выше мы сказали уже, что не только всѣ состоятельныя женщины, но даже и большинство тѣхъ бѣдныхъ, которыя имѣютъ мужей и достаточно взрослыхъ сыновей (спыше 10—12 лѣтъ), избѣгаютъ сами ходить на базаръ, посѣщеніе котораго считается для нихъ не приличнымъ. Тѣмъ не менѣе въ базарный день женщинъ здѣсь не мало.

Въ переулочкѣ, пустынномъ въ обыкновенные дни и биткомъ набитомъ въ базарные, и коннымъ и пѣшимъ людомъ, стоитъ нѣсколько десятковъ женщинъ въ сѣрыхъ и синихъ, затасканныхъ и отрешанныхъ *паранджидъ*, съ мотками пряжи въ рукахъ. На углу, прижавшись къ стѣнѣ и присѣвъ на корточки, въ такомъ же отрешанномъ *паранджидѣ* сидитъ маленькая, сгорбленная старушенка; на колѣняхъ у ней широкая, илреская картина съ лепешками, поверхъ которыхъ наброшено красный, затасканный и засаленный *дастархандъ*; и томъ, что она старуха, вы узнаете по морщинистымъ, сухимъ рукамъ со скрюченными пальцами. Мимо нея проходитъ молодой паревъ съ такой же корзиной на

головѣ и во всю глотку ореть: „иссыкъ“ (горячія), привлекая этимъ возгласомъ покупателей. Старушенка сидитъ молча, ибо ей не только кричать, но даже и говорить громко на улицѣ и грѣшно, и зазорно; она женщина, *зайфъ-кий*, *зайфъ* (что, по арабски, значитъ—слабый, безпомощный). Идете вы мимо нея и невольно думаете, не для нея ли, именно для этой сѣдой, сгорбленной старушенки былъ приготовленъ сей многозначительный терминъ; поистинѣ она *зайфа*. Очень возможно, что она просидитъ молча здѣсь, въ уличной грязи, и лишь въ вечеру успеетъ продать свои 20 лепешекъ, выручивъ на нихъ какихъ-нибудь 10—15, много 20, копѣекъ чистаго барыша.

Будь у ней подростокъ сынъ, она послала бы его на базаръ, а сама осталась бы дома, но послать ей положительно некого. Дочь была замужья, умерла; сынъ былъ, ушелъ работать поденщикомъ въ Ташкентъ и пропалъ безъ вѣсти; былъ мужъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ ей крошечный дворикъ, въ которомъ живетъ она изо дня въ день, ваѣдаясь досыта лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ, случаяхъ, да и то не дома, а гдѣ-нибудь въ гостяхъ, на поминкахъ, на праздникахъ, гдѣ ее угощаютъ въ качествѣ нищей. Какъ не умираетъ она съ голоду, извѣстно одному Аллаху. По истинѣ, Аллахъ великъ и чудны дѣла Его. Онъ *акбаръ* (великій); Онъ *рахманъ* (милостивый); Онъ *хй* (сущій); Онъ далъ ей силу пріучить свой организмъ питаться въ теченіи сутокъ одной лепешкой и нѣсколькими чашками того, что она называетъ чаемъ, и что въ сущности есть отваръ ей лишь одной извѣстныхъ травъ. Судите сами, что было бы съ ней безъ Аллаха.

Но пойдите, читатель, дальше по базару; не стоять же намъ здѣсь, передъ этой старушенкой

Толкотня страшная. Вотъ рядъ съ тюбетейками. Лавки малевскія; передніе фаса, какъ и у всѣхъ, вообще здѣшнихъ лавокъ, открыты; поверхъ конемъ, постланныхъ на полу, разложены ряды разноцвѣтныхъ, черныхъ, красныхъ, синихъ и лиловыхъ тюбетеекъ, расшитыхъ цвѣтами. Продавцы чинные, опрятные; около каждой лавочки народъ; мальчишки ковыряютъ въ носу и смотрятъ на красныя тюбетейки; дальше чай, сахаръ, подносы и фарфоровые чайники. А вотъ и красныя ряды. На перекресткѣ, вдоль лавокъ, разѣлось

Нѣсколько женщинъ съ вышитыми платками и кушаками. Вотъ хорошо одѣтая сартявка, дробной, планной походкой, плыветъ мимо лавокъ съ ситцами и робко оглядывается по сторонамъ. Она совсѣмъ молоденькая. Съ годъ тому назадъ ее отдали замужъ. Сегодня, отпросившись къ матери, она улизнула на базаръ; больше всего ей хотѣлось взглянуть на ситцы и лавочки *иттаровъ*, продающихъ пуговицы, тесьмы, зеркальца, запонки и другія блестящія мелочи. Если бы вы знали, какъ стучитъ у ней сердце отъ страха встрѣтиться съ отцомъ, или мужемъ, которые наѣрно узнаютъ её и по колошамъ, купленнымъ еще такъ недавно, и по *пиранджй*. Она хотѣла надѣть чей либо чужой, но взять его было не у кого, и потому пустилась на удачу. Повернемъ за ней направо, мимо ситцевъ, разноцвѣтныхъ платковъ, канаусовъ, атласовъ и другихъ матерій, къ *иттарамъ*. Продащица перешла на другую сторону и разсматриваетъ бусы, а мы остановимся вотъ у этой лавочки. У передняго ея фаса, между бусами, нитками коралловъ, пуговицами, пузырьками, ящичками съ сѣрой, квасцами и кусочками какихъ то корней, сидитъ молодой, красивый сартъ. Онъ сосредоточенно смотритъ куда то въ сторону, стараясь не глядѣть на старуху, которая долго стояла передъ нимъ, но, уставъ стоять, присѣла на корточки. „Такъ чтожь, возьмете что ли?“ слышится изъ подъ порывавшаго отъ времени и сильно извѣкшагося полуснаго *чимбѣти*. Сартъ молчитъ и смотритъ въ сторону. „Бѣ-Богу, я въ прошломъ году сама купила по 40 к. за залотники. Дайте по 30 к.“ — „По 20 к. больше не дамъ.“ — „Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать! хоть по 25 к. дайте.“ — „Ну, ступай, сказалъ больше не дамъ — чего торгуешься.“ — „Возмите, возьмите, коли не хотите прибавить“ и рука съ кораллами протягивается къ сарту.

Разказывать ли вамъ, читатель, что такое происходитъ здѣсь? Говорить ли о томъ, какъ сегодня утромъ эти кораллы были сняты съ дочери; какъ плакала дѣвочка, расставаясь со своимъ единственнымъ украшеніемъ, которое годъ тому назадъ покойный отецъ подарилъ ей къ празднику? Нужно ли говорить, зачѣмъ все это было сдѣлано? Конечно нѣтъ. Скучно все это. Уйдемте отсюда. Возьмъ на углу *чай-хана*. Нѣсколько разфранченныхъ *бай-баней* (молодыхъ купчиковъ) сидятъ на коярь. Передъ ними подносъ съ лепешками, фис-

ташками и изюмомъ. Хорошенькій *батид* паливаетъ изъ мѣднаго *чайдута* въ чашку чай и подноситъ каждому по очереди. *Батид* кокетничаетъ и строитъ глазки. Отъ него берутъ чашку, заставляя его пригубить. Одинъ изъ присутствующихъ нематривается въ толпу, прищуриваетъ глаза и медленно, какъ будто оправляя на себѣ халатъ, прикладываетъ правую руку къ лѣвой груди. Онъ успалъ въ толпѣ одну изъ знакомыхъ ему кокотокъ и дѣлаетъ ей *путьидтъ*: она быстро проходитъ въ своемъ нарядномъ, блестящемъ на солнцѣ, свѣтло-сѣромъ *паранджѣ* и осторожно оглядывается въ сторону *чай-даны*. А вотъ въ толпѣ идетъ худой, угрюмый сартъ и въ полголоса разговариваетъ самъ съ собой. Остановился, не обращая вниманія на то, что его толкаютъ со всѣхъ сторонъ, выложилъ изъ кожаннаго мѣшочка, болтающагося на кушакѣ у лѣваго бедра, нѣсколько мѣшихъ и серебряныхъ монетъ на ладонь лѣвой руки, осмотрѣлъ ихъ, сосчиталъ, потыкалъ каждую указательнымъ пальцемъ правой руки, осмотрѣлся зычкѣ-то по сторонамъ, сложить деньги опять въ мѣшечекъ и пошелъ дальше. Онъ ткачъ; онъ только что продалъ вытканную имъ за недѣлю матерію, получилъ 1 рубль чистаго барыша и идетъ теперь въ *кайдан*—(хлѣбный базаръ). На этотъ рубль онъ долженъ купить кусочекъ мяса, кусочекъ сала, нѣсколько фунтовъ риса, чечевичы и муки, моркови, лукъ и дровъ, а жена его должна будетъ позаботиться о томъ, чтобы всего этого хватило имъ съ двумя дѣтьми на цѣлую недѣлю.

Сколь хороша и поучительна этотъ базаръ! Въ немъ жизнь или, по крайней мѣрѣ, драма жизни, та живая, правдивая драма, которой не увидишь ни на какихъ подмосткахъ, ибо на нихъ наука драматическаго искусства не пускаетъ тѣ тины, которые во всей жизненной наготѣ мы видимъ здѣсь.

Здѣсь все, и куски ярко-блестящаго атласа и отренны стараго, вѣтаскаваго *паранджѣ*, и кунцы, ворочащіе десятками и сотнями тысячъ, и ткачи, зарабатывающіе одинъ рубль въ недѣлю, и разфранченая приказница, убѣжденная изъ дому посмотрѣть на базаръ, и старуха, продающая лепешки, и чего, чего тутъ нѣтъ!

Еще за полверсты—за версту слышится базарный гулъ, базарный шумъ. Пойдите ближе. Вы начнете различать какіе-то пестрые звуки; войдите на самый базаръ, смѣ-

пайтесь съ толпой, откройте ваши глаза и уши, и вы услышите цѣлую оперу; вы услышите и мягкій, плавный смѣхъ развѣвавшегося кучицы, и натреснутый, слабый вопль старухи, придавленной нищетою, и поединокъ двухъ бѣдняковъ, азартно торгующихся другъ съ другомъ за три гроша, которыхъ ни одинъ изъ нихъ не хочетъ уступить другому, ибо эти три гроша—полторы денешки, на которыхъ въ крайности можно прожить цѣлый, длинный для голоднаго человека, день.

Здѣшній базаръ—это огромный анатомическій театръ, въ которомъ на глазахъ всѣхъ зрячихъ людей неуклонная рука жизни демонстрируетъ всѣ язвы и пелуги мѣстнаго человечества.

Такимъ образомъ непосредственное участіе въ добываніи средствъ жизни женщина принимаетъ только въ наиболѣе бѣдныхъ классахъ, а исключительно сеѣ трудомъ, семья живетъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда въ домѣ нѣтъ мужчины, причиною чего обыкновенно бываетъ или вдовство женщины, или временная отлучка мужа, которая продолжается, впрочемъ, иногда и очень долго, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Мы знали на примѣръ женщину, отъ которой мужъ сбѣжалъ, оставивъ ее съ тремя малолѣтними дѣтьми. Женщина эта, жившая въ кишлакѣ, принуждена была содержать и себя, и дѣтей, личнымъ своимъ трудомъ.

Въ томъ случаѣ, если мужъ уходитъ на работу, или уѣзжаетъ по торговымъ дѣламъ на долго, и если онъ маломальски порядочный человекъ, онъ оставляетъ семью запасъ зерна, муки и небольшое, обыкновенно, количество денегъ. Мы знали состоятельныя купеческія семьи, обороты которыхъ простирались отъ 20.000 до 40.000 р., въ которыхъ мужья, уѣзжая за барамаи въ Семирѣчье, или въ Западную Сибирь, оставляли семействамъ, сверхъ запасовъ сала, муки, риса и пр., не болѣе 15—20 р. сер. Иногда даже и этихъ денегъ не оставлялось въ пачиности, а предлагалось получить ихъ съ одного изъ должниковъ.

Бываютъ и такіе случаи. Мужъ живетъ въ работникахъ. Жена его, обрѣтающаяся въ томъ же кишлакѣ, или городѣ, долго не получая отъ мужа никакого вспоможенія, идетъ къ казію. Казій присуждаетъ мужа къ еженедѣльной уплатѣ ей, жевѣ, 40 к сер., цифры, искони установленной на-

роднымъ обычаемъ, при чемъ совершенно игнорируется то обстоятельство, что когда обычай этотъ установился, пудъ шеницы стоить отъ 10 до 15 к., а теперь этотъ же пудъ стоить отъ 50 до 80 к. сер.

Дабы дать возможно-полное представление о питаніи туземцевъ, мы позволяемъ себѣ перечислить главнѣйшія и наиболѣе употребительныя здѣсь кушанья.

Любимымъ, национальнымъ кушаньемъ туземца слѣдуетъ назвать *налау*, которое считается лучшимъ и даже, до вѣкоторой степени, аристократическимъ блюдомъ: блюдо *налау* очень часто является подаркомъ, которымъ обмѣниваются родственники и знакомые, какъ напримеръ, вечеромъ наканунѣ праздниковъ Рамазана и Курбана. Вместе съ тѣмъ кушанье это одно изъ наиболѣе дорогихъ, а потому бѣдный классъ можетъ пользоваться имъ не часто.

Въ средѣ малосостоятельнаго городского населенія принято готовить его разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ.

Приготавливается *налау* различными способами; здѣсь мы скажемъ лишь объ одномъ, наиболѣе распространенномъ. Прежде всего въ котлѣ варится супъ изъ баранины. Сварившійся супъ выливается изъ котла въ чашку; въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ сала поджаривается морковь, лукъ и мясо, вынутое изъ супа. Загвѣтъ все, не исключая и супа, смѣшанное съ рисомъ, варится въ котлѣ до тѣхъ поръ, пока получится крутая каша; тогда котелъ накрывается на вѣсколько минутъ большой глиняной чашкой, опрокинутой вверхъ дномъ, и *налау* готовъ.

Его выкладываютъ на блюдо горкой, поверхъ которой помѣщаютъ неразрѣзанные куски мяса. Мясо это крошится, при помощи рукъ и ножа, однимъ изъ сотрапезниковъ во время ѣды.

Шама—жидкое *налау* или, вѣрнѣе, рисовая размазня на салѣ съ морковью, лукомъ и мелкими кусочками баранины.

Шурба—супъ изъ баранины, или другаго мяса съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой, или тыквой, а иногда *камыкомъ*.

Кульчати—похлебка изъ мелко-крошеннаго мяса и тѣста.

Мастава—похлебка изъ мелко-рубленнаго мяса, риса, лука и кислаго молока.

Чичоард или *чичпард* — пельмени. Начинка состоит обыкновенно изъ лука и очень незначительнаго количества мяса.

Такия мясныя кушанья, какъ *каурма*, кусочки баранины, поджаренные въ салѣ, *Хисыиз*, колбасы изъ баранины, печенки и риса и *каза*, конскія колбасы, приготовляются только въ наиболѣе состоятельныхъ домахъ.

Ширь-Гурдунджь — молочная рисовая каша. *Куча* или *куджа*, — жидкая кашница изъ джугары (сорго), или пшеиа (рѣже изъ кукурузы, или ячменя), съ примѣсью *катыка* — являетъ собою, въ особенности въ кишлакахъ, исключительную почти пищу, не только малосостоятельнаго и бѣднаго населенія, но даже семей зажиточныхъ. Мы знали семейство восточныхъ управителей, въ которыхъ чуть не изо дня въ день варилаь *куча*, при чемъ пища эта лишь изрѣдка разнообразилась *маставадй*, *шавадд*, пирожками съ тыквой или съ листиками люцерны и т. и.

Унъ-ашиг (кушанье изъ муки) лапша, сваренная въ водѣ безъ мяса, съ примѣсью *катыка*.

Гурди — жидкая кашница изъ риса на водѣ съ *катыкомъ*.

Машъ-гурдунджь — жидкая кашница на водѣ изъ риса (*гурдунджь*) и чеченицы (*машъ*) съ рѣпой, морковью, лукомъ, перцемъ и *катыкомъ* (или мясомъ).

Аталя — болтушка изъ муки, имѣющая видъ жидкаго киселя. Мука поджаривается съ саломъ, и затѣмъ разводится водой.

Ширь-кадуй (молоко и тыква) — похлебка на молоко съ тыквой и рисомъ.

Перечисливъ все главнѣйша, наиболѣе употребительныя, кушанья, нельзя обойти молчаніемъ еще одного, такъ называемаго *сумалѣкъ*, ибчто въ родѣ жидкаго киселя, приготовляемаго изъ солода. Здѣсь приготовленіе *сумалѣка*, такъ же какъ и русскихъ блиновъ, имѣетъ чисто обрядовый характеръ. Варятъ его, всегда раяней весной, изъ муки и солода, для приготовленія котораго некуственно проращиваютъ пшеницу.

На *сумалѣкъ* приглашаются обыкновенно одѣвъ лишь жепципы и дѣвушки; большинство приноситъ съ собой по пемпогу солода и муки. Собираются онѣ вечеромъ. Старухи впродолженіи всей почти ночи варятъ *сумалѣкъ*, произ-

нося надъ котломъ разныя молитвы, а молодежь, бабы и дѣвушки, угощаются пловомъ, изюмомъ, орѣхами и пр. Въ случаѣ прихода посторонняго мужчины, женщины и дѣвушки, собравшіяся на *сумалыкъ*, не прячутся.

На утро, поѣвъ *сумалыкъ* и забравъ часть его въ чашки, компанія расходится. Очень часто на этихъ сборищахъ высматриваются невѣсты и сходятся любовники.

Пронхожденіе этого обычая мы объясняемъ себѣ такъ. На зиму запасы зерноваго хлѣба въ большинствѣ случаевъ зарываются здѣсь въ землю, въ ямы, носящія названіе — *уря*. Если весной не отроютъ зерно во время, то оно проростаетъ. Вѣроятно, прежде случаи такого проростанія были не рѣдки до тѣхъ поръ, пока хорошенько не прижились къ этому способу сохраненія (это случается впрочемъ и теперь). Отрываютъ ищеницу — проросла. Попробовали сдѣлать изъ нея муку, получилось что-то сладковатое. Сварили болтушку, повправилось. Тогда позвали на нее соседей; тѣмъ тоже повправилось, тѣмъ болѣе, что здѣсь весна, когда запасы хлѣба уже истощаются, самое голодное время года. А затѣмъ такой *сумалыкъ* мало по малу вошелъ и въ обычай.

Изъ напитковъ наиболѣе употребителенъ чай, приготовляемый двумя способами: или кипяченіемъ на водѣ въ чайникахъ, т. е. такъ же почти, какъ это дѣлается и у насъ, или же кипяченіемъ ея въ котлѣ съ примѣсью молока, масла, соли и перцу. Въ послѣднемъ случаѣ онъ носитъ названіе *шйръ-чая*. Такіе напитки, какъ водка, виноградное вино и *бузъ* — родъ пива или браги, приготовляемой здѣсь изъ пророса, — преслѣдуются религіей, но тѣмъ не менѣе явное, открытое потребленіе ихъ туземцами съ каждымъ годомъ дѣлается все больше и больше, что дало нѣкоторымъ поводъ утверждать, будто-бы пьянство, не извѣстное прежде между сартами, было принято къ нимъ русскими.

Насамомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Во первыхъ, *бузъ* — напитокъ чисто мѣстный и никто изъ туземцевъ не думаетъ отрицать прежняго значительнаго потребленія его, въ особенности кочевымъ населеніемъ. Во вторыхъ, не только туземцамъ, но даже и многимъ русскимъ, извѣстно, что еще до прихода сюда, въ Ферганду, послѣднихъ, тайное приготовленіе фруктовой водки и винограднаго вина было очень

распространено между мѣстными евреями, и что русской администраціи во многихъ городахъ Ферганы стоило не много труда, если не совѣтъ, то хотя-бы отчасти, остановить это производство. А если было производство, то, очевидно, была и спросъ, были и потребители. Въ третьихъ, извѣстно также, что *Айма-ханъ* и *Мадали-ханъ* были горькими пьяницами, о чемъ повѣствуется въ туземныхъ сочиненіяхъ по исторіи Кокандскаго ханства.

Наконецъ, въ четвертыхъ, обращаясь къ запискамъ Султана—Бабұра, написаннымъ около 400 лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ ихъ мы чуть не на каждой страницѣ читаемъ описанія того, какъ знаменитый Султанъ кутилъ со своими приближенными. Очевидно, что пьянство тайное, скрывавшееся отъ налоговъ и плетей *кази-райса*, существовало здѣсь уже не одно столѣтіе. Очевидно также, что если русскіе и виноваты въ расширеніи круга открыто пьянствующихъ сартовъ, то виновность эта заключается въ томъ только, что они не бьютъ палками тѣхъ, кто попадется на ихъ глаза въ пьяномъ видѣ.

Лѣтомъ, не только у большинства горожанъ, но даже и въ мѣстныхъ кишлакахъ, основными элементами пищи являются: хлѣбъ, фрукты и кислое молоко; содержаніе мяса въ пищѣ нѣсколько увеличивается въ тѣхъ только кишлакахъ, гдѣ заправки значительны, и гдѣ со времени поспѣванія хлѣба и до осени послѣдній обмѣнивается у мясниковъ на мясо и сало.

Зимой во многихъ малосостоятельныхъ семьяхъ питаніе женщинъ и дѣтей, по мимо другихъ причинъ, ухудшается еще и по слѣдующему поводу. Въ средѣ мало-состоятельнаго, какъ городского, такъ равно и кишлачнаго, населенія на зиму мужчины образуютъ изъ себя артели, *джурь*, по 10—15 человекъ; каждый вноситъ по 3—7 рублей. Выбирается артельщикъ, *джурбаши*; по большей части въ его же домѣ происходятъ и ежедневныя собранія.

На артельныя деньги готовится мясо, рисъ, овощи и топливо. Если средства *джурь* достаточны, то занимается на всю зиму *пласунъ-баша*, закупается чай, изюмъ и фисташки. (Иногда въ *джурь* участвуютъ и состоятельные молодые люди). Поварь избирается или на всю зиму, или же готовить поочередно.

Собираются вечеромъ. Варится *намау*, въ ожиданіи котораго идетъ *чѣкс-чѣкс*, болтовня, прибаутки; поютъ пѣсни; пляшетъ *батчи*. Сидятъ иногда далеко за полночь. Женатые расходятся по домамъ, а холостые тутъ же и почуютъ. Въ этихъ случаяхъ мужъ и отецъ становится мало заинтересованнымъ въ качествѣ и количествѣ домашней трапезы, въ которой онъ не участвуетъ, а потому и питаніе семьи значительно ухудшается. Чтобы понять значеніе *джурѣ*, слѣдуетъ имѣть въ виду, что сартъ—человѣкъ улицы и общественной жизни. Нельзя сказать, чтобы онъ совсемъ не любилъ семью; вѣтъ, на той же улицѣ мы встречаемъ мужчинъ, не занятыхъ работой и вынужденныхъ съ дѣтьми. До известной степени онъ любитъ семью; онъ очень любитъ дѣтей и при возможности всегда балуетъ ихъ, но это не мѣшаетъ и тяготѣнню къ улицѣ. Улица—клубъ; на ней народъ; на ней жизнь, разговоры, новости. Но зимой на ней или грязно, или холодно, а общество всетаки нужно; вотъ онъ и идетъ въ *джуру*. Дома сидитъ или благочестивый—*суфи*, или человѣкъ богатый, часто, почти непрестанно, посѣщаемый гостями, домъ котораго въ сущности та-же *джурѣ*.

Нѣсколько улучшается или, вѣрнѣе, разнообразится пища только по праздникамъ. Курбанъ и Рамазанъ и во время поста *рузы*, такъ какъ религія ограничиваетъ лишь время ѣды, но отнюдь не разнообразіе тѣхъ продуктовъ, которые потребляются въ пищу (*).

Ежедневное вечернее разговѣнье, *ифтаръ*, происходитъ вскорѣ послѣ солнечнаго заката, послѣдъ за намазомъ *ашамъ*. У туземцевъ принято прежде всего съѣсть маленькую щепотку соли, вапится *айрину*, (*катыкс*, смѣшанный съ водой), а затѣмъ уже ѣсть хлѣбъ и фрукты, послѣ которыхъ подается одно изъ перечисленныхъ выше блюдъ.

(*) Сѣйте, сейте до тога, покуда вамъ нельзя будетъ различать бѣлую нить отъ черной нити.

Отъ зари же и до ночи исполняйте поста; не сообщайтесь съ ними (женами), предаваясь благочестивымъ думамъ въ мечетяхъ. Коранъ глава 2 ст. 183.

За первыя же двѣ недѣли поста, продолжающагося цѣлый мѣсяць, организмы людей, строго исполняющихъ постановленіе религіи, до того ослабѣваютъ, что къ концу *пулы* желудокъ дѣлается совершенно неспособнымъ принимать сколько нибудь значительное количество пищи. Однакоже такими ревнителями являются далеко не все. Жена бѣтъ потихоньку отъ мужа и дѣтей, а мужъ потихоньку отъ жены и дѣтей; сосѣдь потихоньку отъ сосѣда и такъ далѣе. Постятся и дѣлаютъ постныя лица *roug faire les aragences*. Религія освобождаетъ отъ поста, между прочимъ, больныхъ и путешествующихъ, и мы знали случаи, когда сартъ отиравается куда либо нарочито во время поста. Женщина можетъ не поститься во время кормления грудью. Она не должна поститься въ теченіи шести недѣль, слѣдующихъ за родами и во время менструаций (1).

Въ городахъ утрамъ пьютъ чай съ хлѣбомъ, причемъ въ средѣ бѣднаго населенія чай очень часто замѣняется травами, упоминать о которыхъ намъ не приходится, за невозможностью для насъ ихъ опредѣленія (опредѣленія ихъ научныхъ названій); въ кишлакахъ по утрамъ готовится какая-нибудь жидкая кашка; иногда это разогрѣтые остатки вчерашней пищи.

Днемъ, около полудни, хлѣбъ или остатки утренней пищи; въ городахъ въ это время дня, особенно зимою, перѣдко варится *турди*, *минг-турунджэ* или другая кашка.

Вечеромъ къ солнечному закату, а зимой нѣсколько позже, при возможности готовится *тавни* или другая кашка съ мясомъ или кабовець, *палау*.

У бѣднаго же населенія и вечеромъ неизмѣнная *куча*, *атали* или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Днемъ *палау* варится только для гостей. *Палау* семья бѣтъ всегда почти вмѣстѣ или, вѣрнѣе, одновременно, такъ какъ дѣтямъ даютъ бѣтъ обыкновенно въ отдѣльной посудѣ. Другую же пищу члены семьи ѣдятъ каждый въ отдѣльной чашкѣ и перѣдко разновременно. Если вся семья въ сборѣ, то хозяйка наливаетъ себѣ постѣ всехъ, а первая чашка подносится ея или мужу, или старшему въ семьѣ.

(1) Это у нихъ время поста. Борая. Глава 2. стр. 222.

Говоря о всемъ вообще осѣдломъ населеніи Ферганы, врядь ли возможно было бы сказать что-либо вѣрное о среднемъ аппетитѣ средняго же туземнаго человѣка, а потому, вѣроятно лучше всего будетъ перечислить тѣ факты этого рода, которые намъ удалось подмѣтить. Въ общемъ у мужчинъ аппетитъ проявляется гораздо энергичнѣе, чѣмъ у женщинъ. (Киргизки, наоборотъ, гораздо прожорливѣе мужчинъ и всегда готовы ѣсть все, что угодно, лишь бы это не было *таримъ* — поганое). Между мужчинами наибольшее количество пиши способны принимать: 1) тѣ воички, *арбакети*, которые ходятъ цѣлыми обозами и, составляя на это время артели, привыкли питаться сравнительно очень хорошо, по крайней мѣрѣ гораздо лучше того, какъ они питаются дома; 2) состоятельные купцы, ведущіе такую торговлю, которая вызываетъ частыя поѣздки и 3) весь вообще чернорабочій людъ. Наименьшій аппетитъ замѣчается у тѣхъ мужчинъ, которые долго пробыли въ *медресѣ* (высшей школѣ) и обладали въ это время скудными средствами существованія.

У женщинъ кишлачныхъ аппетитъ лучше чѣмъ у городскихъ; у состоятельныхъ лучше чѣмъ у очень бѣдныхъ, желудки которыхъ привыкли къ крайне ограниченному употребленію пиши.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у всѣхъ вообще мало мальски *лон'-тонныхъ* молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ принятіе пиши въ очень ограниченныхъ количествахъ служитъ однимъ изъ орудій кокетства. Про такую говорятъ, что она ѣсть *чимчилинъ* — щипочками, по воробьиному.

Здѣсь же замѣтимъ, что сарты никогда почти не относятся къ запору, какъ къ патологическому состоянію организма, что твердая консистенція экскрементовъ считается нормальной и что къ разжиженію послѣднихъ туземецъ относится всегда съ большою боязнью.

Не менѣе интересны, конечно, и количества пиши, ежедневно потребляемой туземцами, но и тутъ намъ придется обратиться опять-таки къ частнымъ фактамъ, оговорившись предварительно въ томъ смыслѣ, что мы будемъ имѣть въ виду одно лишь малосостоятельное населеніе, такъ какъ состоятельный и богатый людъ, потребляющій *пилау* не одинъ, а нѣсколько разъ въ недѣлю, имѣющій въ своемъ распоряженіи значительныя количества мяса, сала, риса, муки, чай

и даже сушеныхъ фруктовъ, представляетъ для насъ наименьшій интересъ въ силу хотя бы своей наименьшей же численности.

Въ средней по достатку вишлачной семьѣ, состоящей изъ 5—7, душъ ежедневно расходуется: хлѣба не болѣе двухъ много трехъ лепешекъ (около 1—1½ фунта) на душу; большее число лепешекъ съѣдаетъ лишь мужчина, находящійся въ полѣ или на другой тяжелой работѣ. Утромъ на приготовленіе *унъ-ашъ* или *кучи* идетъ или 3—4 фунта муки + 6—7 стакановъ *катыка*, или 6—7 фунтовъ *джугары* + 6—7 стакановъ *катыка*. Вечеромъ или опять *кучи* изъ того же количества припасовъ или *машъ-турюнджъ*, на который идетъ рису около 3—4 фунтовъ, чечевичы около 1—2 фунтовъ и нѣсколько стакановъ *катыка* (или 1—2 фунта мелко искрошеннаго мяса). Въ такой же семьѣ въ приготовленіе *палау* расходуется: около 7—8 фунтовъ риса, отъ 1½ до 3 фунтовъ сала и столько же мяса.

По официальнымъ свѣдѣніямъ намавганскаго уѣзда, здѣсь ежегодно собирается:

Пшеницы	около 1,666,400 пудовъ.
Рису (неободрапнаго)	— 662,400 —
Джугары (Сорго) и проса	— 1,333,560 —

Предположимъ, что все это съѣдается на мѣстѣ. Полагая въ намавганскомъ уѣздѣ около 100,000 душъ получимъ на каждую въ годъ:

Пшеницы	— 16,6 пуда.
Рису	— 6,6 —
Джугары и др.	— 13,3 —

Принимая же во вниманіе, что здѣсь, также какъ и повсюду, распредѣленіе жизненныхъ продуктовъ наравнѣ съ другимъ имуществомъ далеко не равномерное, мы необходимо должны придти къ заключенію о существованіи такихъ бѣднѣжковъ, скудное питаніе которыхъ несомнѣнно ниже только что приведенныхъ нами нормъ. Мы ихъ дѣйствительно и находимъ. Такъ, напримѣръ въ кишлакѣ: *Машъ-Курганъ* (намавганскаго уѣзда) мы знали сарта, который цѣлую зиму, три мѣсяца, прожилъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ на 5—6 пудахъ пшеницы, питаясь пздня въ день *атамедъ*.

Примѣровъ этого рода можно было бы привести очень много, но это совершенно лишнее, ибо читатель самъ, и съ достаточной точностью, можетъ составить себѣ представленіе о питаніи того люда, который зарабатываетъ въ недѣлю отъ 40 к. до 1 р 20 к. включительно.

Въ качествѣ иллюстраціи ко всему сказанному о туземномъ питаніи могутъ служить нѣсколько словъ о питаніи дворовыхъ собакъ, которыя въ этомъ отношеніи не имѣютъ ничего общаго съ собаками не только Россіи но даже, можетъ быть и цѣлаго свѣта. Остатки нищи, куски хлѣба и пр. собаки получаютъ здѣсь въ очень рѣдкихъ, почти исключительныхъ случаяхъ, а потому прѣпуждевы сами спешивать себѣ дневное пропитаніе. Если сартъ и бросаетъ собакамъ кость, то онъ предварительно и очень тщательно ее только обглаживаетъ съ спаружи, но даже разбиваетъ и высасываетъ содержащейся въ ней жиръ. Только въ такомъ тщательно очищенномъ видѣ косточка попадетъ къ собакамъ. Надо ли говорить о томъ, что она бросается на нее съ жадностью, но что она выжимаетъ изъ этой косточки, намъ положительно неизвѣстно; мы знаемъ только, что мелкія кости она дробитъ своими зубами и глотаетъ.

Однажды сартъ, видѣвшій какъ мы кормили собаку молокомъ, былъ положительно возмущенъ нашимъ поступкомъ. Во первыхъ говорилъ онъ, такого дорогого продукта какъ молоко давать собакамъ не слѣдуетъ, грѣшно, а во вторыхъ, у собаки отъ молока глаза лопнуть и вытекутъ. Сартъ не даетъ собакамъ нищи частью по исконной привычкѣ, а частью потому, что ему и давать-то ей нечего; но онъ такимъ объясненіемъ недоволяется; онъ хочетъ окончательно выгородить себя, и говорить, что отъ молока у собаки глаза лопнуть и вытекутъ. Откуда онъ это взялъ, кто его знаетъ, но дѣло въ томъ, что взялъ откуда то и трактуетъ; трактуетъ въ теченіи многихъ лѣтъ и въ тогѣ столь поучительномъ, что самъ наконецъ увѣровалъ и другихъ вещей увѣрилъ. Такъ пьетъ собакъ молока и не даетъ.

На подобіе того, какъ обглаживается кость, блюдо или чашка отъ *namu* или другого кушанья тщательно вытираются лѣвымъ краемъ скрюченного указательнаго пальца правой руки, а иногда даже и просто вылизываются языкомъ.

Такимъ образомъ сартовская собака всегда живетъ голодомъ; но голодъ, какъ известно, не тетка, научить пироги ѣсть. Сартовскую собаку пироги ѣсть онъ не научилъ. но за то въ совершенствѣ приспособилъ её къ поѣданію фруктовъ, початковъ кукурузы и даже человѣческихъ экскрементовъ. Здѣсь не только не рѣдкость поѣданіе собаками опавшаго съ деревьевъ урюка, но даже наблюдались случаи, когда собака вскарабкивается на тутовое дерево и ѣсть ягоды. Мы боимся, что намъ не повѣрять, но мы можемъ указать даже и на кишлаки, гдѣ эти случаи повторяются наиболѣе часто: это горные или, вѣрнѣе, предгорные кишлаки чустскаго уѣзда, въ которыхъ тутовья деревья разводятся главнымъ образомъ для сбора съ нихъ ягодъ, идущихъ на приготовленіе патоки—*ширма* (или *шиммы*) и *тутъ-таакана*, въ что продѣ тутоваго толокна.

На поляхъ, удаленныхъ отъ селеній, кукурузу приходится окарауливать отъ дикихъ свиней, а въ кишлакахъ не знаютъ что дѣлать съ собаками, многочисленными и постребляющими молодые початки кукурузы, разводимой на огородахъ.

Въ киргизскихъ аулахъ, гдѣ никакихъ отхожихъ мѣсть не имѣется, поражаетъ полное отсутствіе человѣческихъ экскрементовъ, пожираемыхъ собаками.

ЖЕНЩИНА, ЕЯ ХАРАКТЕРЪ, ПРИВЫЧКИ, ЗНАНІЯ И ПОВЕДЕНІЕ ВЪ ОТНОШЕНІИ ОКРУЖАЮЩИХЪ.

Въ общемъ характеръ туземной женщины слѣдуетъ назвать живымъ и въ высшей степени веселымъ; горе, тоска постигаютъ, конечно, время отъ времени и её, но она никогда не поддается имъ по долгу. Даже при самыхъ крутыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ обстоятельствахъ жизни, она никогда не прочь поболтать, посмѣяться, спѣть пѣсню, которую, особенно въ молодые годы, она напѣваетъ

и мурлычить чуть не постоянно. Правда, что иногда она напускает на себя слезливость, но слезливость эта, всегда напускная, дѣланная, проявляется ею въ тѣхъ только случаяхъ, когда можетъ такъ или иначе служить орудіемъ достиженія той или другой цѣли.

Всѣ движенія ея быстры, иногда даже порывисты, но никогда почти они не бывають угловаты. Съ самаго ранняго возраста дѣвочка слѣдитъ уже за своими движеніями, стараясь придать имъ отбѣнокъ условной, мѣстной комилфотности. Оттого большая часть не только движеній, но даже и всего поведенія женщины далеко не просты и не естественны. Она любитъ, напримѣръ, ходить скоро, но прилпче, зиждущееся на основахъ религін, запрещаеть ей сильно выдвигать при ходьбѣ ноги, размахивать руками и пр. (Коранъ. Глава 24. Ст. 31). Оттого и самая походка ея приняла совершенно особый, ей только свойственный характеръ. Она быстро перебѣраеть ногами, дѣлая маленькіе шаги, при чемъ не только руки, но даже голова и плечи остаются почти совсѣмъ относительно неподвижными. Отпечатокъ такой же сдержанности легъ на многія проявленія и ея нравственнаго я. Не только женщина, но даже и дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, получивъ, напримѣръ, подарокъ, приводящій ее въ дѣйствительности въ полный восторгъ, никогда и ничѣмъ это не выскажетъ; очень часто она даже и не поблагодаритъ за него. Послѣднее она сдѣлаеть тогда только, когда подарокъ этотъ играетъ роль милостыни или матеріальной помощи. Если это платье, обувь или украшеніе, то самое большее что она позволяетъ себѣ сдѣлать, это надѣть ихъ сейчасъ же, чѣмъ даетъ понять, что подарокъ ей праштен. (Тоже принято и у мужчинъ). Если подаренную вещь надѣть нельзя, то она ограничивается тѣмъ, что показываетъ ее окружающимъ, при чемъ верѣдко сопровождаетъ это такимъ жестомъ руки и такой улыбкой, умѣнною состроить которую позавидовала бы, можетъ быть, не одна изъ нашихъ наизвѣятѣйшихъ кокетокъ. По этому поводу замѣтимъ, что у многихъ сартовскихъ женщинъ и дѣвушекъ умѣнье выражать свои впечатлѣнія движеніями губъ и бровей доводится иногда до высокой степени совершенства. Желая, напримѣръ, сдѣлать вопросъ, она, молча, чуть-чуть приподнимаетъ брови къверху и дѣлаеть это такъ ловко, что дѣйствительно все-

нѣй другой вопросъ съ ея стороны становится вполне лишнимъ, такъ какъ лицо ея само по себѣ въ совершенствѣ изображаетъ знакъ вопросительный.

Также почти, какъ къ радости, она относится и къ горю; послѣднее способно ошарашить и одурить ее, но очень не надолго. Крайне рѣдки случаи, какъ между женщинами, такъ равно и между мужчинами, когда горе давитъ и изводитъ человѣка въ теченіи большого промежутка времени. Весьма возможно, что послѣ той или другой катастрофы женщина долго еще будетъ плаваться и причитать въ средѣ своихъ подругъ и знакомыхъ, но это будетъ причитанье съ вытѣмъ безъ слѣзъ, причитанье дѣланное, а не то горе, которое не даетъ человѣку думать ни о чемъ другомъ кромѣ его самого, этого горя неотступно идущаго за своимъ клиентомъ всюду и не дающаго ему подъ часъ даже и спать. Только въ одномъ случаѣ сартянка даетъ кажущуюся волю своимъ кажущимся чувствамъ—это при оплакиваніи покойника. Но и тутъ, даже пожалуй болѣе чѣмъ въ другихъ случаяхъ, и рванье на себѣ волосъ, и царапанье лица, и самый нещепотный, печеловѣческій вой не болѣе какъ обычная, бытовая комедія, не продолжатъ которую нельзя также, какъ нельзя не поголосить при выходѣ замужъ. Даже и здѣсь, при оплакиваніи покойника, никогда почти мы не увидимъ убитаго горемъ лица и тихихъ слѣзъ; это, впрочемъ, станетъ для читателя болѣе понятнымъ ниже, когда онъ увидитъ, что здѣсь родственныя узы, и нравственномъ значеніи этого слова, если неотсутствуютъ совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, очень слабы.

Крайне рѣдко приходилось и приходится видѣть туземную женщину плачущей. Прихлопнетъ ея какая-нибудь бѣда, придетъ она совѣтоваться или просить помощи, много-много, если нѣсколько слезинокъ навернется, за то голосить и выть будетъ съ утра до ночи. Не плачетъ она и въ томъ случаѣ, когда бьетъ ее мужъ; она или голоситъ безъ слѣзъ и причитаетъ, или ругается; даже самое причитанье и то скорѣй отзымается озлобленіемъ, досадою, чѣмъ слезами.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ, отличительныхъ чертъ туземной женщины является болтливость и крайняя общительность, тѣсно связанная со способностью быстро освоиваться во всякой обстановкѣ и съ привычкою называть все своими именами.

Что касается послѣдняго, то всё безъ исключенія какъ части тѣла, такъ равно и органическія отиравленія называются большинствомъ ихъ обычно-народными именами. Термины же смягченные и по большей части метафорическіе, употребляются лишь въ наиболѣе изысканномъ обществѣ, соприкасающемся такъ или иначе съ литературой.

Для сартанки просидѣть нѣсколько часовъ одной, молча, хотя бы и за работой—муки Таптата; это положительно въ ея силъ; поэтому, если её не окружаютъ дѣти подростки, съ которыми можно перебросить словечкомъ, она поджидаетъ сначала, не придетъ ли кто её повѣстить, и если никто не явится, то сама уходитъ изъ дому хоть на четверть часа, хоть на пять минутъ, проводить ближайшую собесѣдку, поболтать съ ней и посплетничать. Такимъ образомъ женщина очень рѣдко бываетъ одна; или у ней сидитъ кто-либо изъ знакомыхъ, или она сама уходитъ изъ дому. Если она отиравается на долго, то иногда забираетъ съ собою свою работу; гораздо чаще, прійдя къ одной изъ своихъ знакомыхъ, она помогаетъ тамъ шить, прятать нитки, очищать и перебивать вату и пр. Очень часто съ этой послѣдней цѣлью знакомыя созываются на посидѣлки или на помочь. Идутъ всегда очень охотно, такъ какъ, во первыхъ, такія приглашенія дѣлаются по большей части людьми сравнительно состоятельными, а потому всегда можно рассчитывать на угощеніе въ видѣ *т. м. иу.* ленешекъ и чая, а во вторыхъ можно до сита наговориться, послушаться всякой всячины, не исключая и сплетень новѣйшаго приготовленія, по пѣть пѣсенъ, поворожить изъ бубенъ и пр. Разъ только соберется нѣсколько женщинъ, говоръ почти не умолкаетъ; идутъ безконечныя разсказы о всѣхъ новѣйшихъ происшествіяхъ вроде свадьбъ, ссоръ съ мужьями, разводовъ, похожденій съ любовниками и пр. разговоръ идетъ изъ перемежку съ половицами, поговорками, прибаутками, а не рѣдко даже со сказками и анекдотами ириваго содержанія, до которыхъ всё безъ исключенія большія охотницы. Умѣнье найтись въ разговорѣ, удачно отвѣтить на вопросъ или замѣчаніе, заговорить свою собесѣдницу считается достоинствомъ; къ такой женщинѣ относятся съ нѣкоторой боязнью, тѣмъ болѣе, что она обыкновенно никогда не упускаетъ случая осмѣять и позлословить, особенно если та, на которую направлены эти насмѣшки не найдется отвѣтить тѣмъ же.

Не разъ намъ приходилось встрѣчать женщинъ, поразившихъ насъ умѣньемъ не только складно говорить, но и въ высшей степени искусно излагать свои мысли, въ смыслѣ умѣнья вѣсти рѣчь на столько же красиво, на сколько и последовательно. Въ большинствѣ случаевъ это были жены ханскихъ служилыхъ людей, многовидавшія на своемъ вѣку и сталкивавшіяся съ самыми различными сторонами и явленіями туземной жизни.

Благодаря крайней общительности и привычкѣ не видѣть въ явленіяхъ своей семейной жизни тайны, которую нужно скрывать, сора, котораго не слѣдуетъ выносить изъ избы, незнакомыя, въ первый разъ видяція другъ друга женщины въ самомъ непродолжительномъ времени, черезъ полтора—два часа, чувствуютъ себя давно знакомыми. При проявленіи взаимной симпатіи, одной такой встрѣчи совершенно достаточно для того, чтобы онѣ называли другъ друга *уртукъ*, пріятельница, товарка.

Помимо такихъ случаевъ и происшествій, какъ смерть, поминки, свадьбы, разводы и пр., наиболее излюбленными темами женскихъ разговоровъ являются: ссоры съ мужьями, сообщенія о беременности и числѣ дѣтей, о давности и характерѣ послѣднихъ менструацій и наконецъ даже о подробностяхъ сожителства съ мужьями.

Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно спрашиваютъ: „давно ли вы совершали омовеніе? Говорить *на шм* не принято даже и между самыми близкими знакомыми какъ въ высшихъ, такъ равно и въ низшихъ слояхъ общества.

Домашній соръ, тщательное припрятываніе котораго отъ постороннихъ взглядовъ регламентируется русскимъ домостроемъ, здѣсь, наоборотъ, выносятся на улицу и одинаково какъ женщиной, такъ и мужчиной. Оттого, не смотря на кажущуюся замкнутость женщины, на скрываніе ея отъ постороннихъ глазъ и хожденіе подъ *чимбетомъ* и *наранджой*, жизнь данной семьи не только никогда не является секретомъ для сосѣдей и знакомыхъ, но, наоборотъ, вполне известна имъ во всѣхъ не только матеріальныхъ, но даже и въ нравственныхъ подробностяхъ. Очень часто случается, что велѣдъ за оскорбленіемъ или побоями, нанесенными мужемъ, жена кричитъ: „*вай-ддда!* (карауль). Каждый, услышавшій этотъ крикъ, не только можетъ, но даже обя-

занъ войти во дворъ и сдѣлать возможное для примиренія. Роль примирителя считается священною; примиреніе враждующихъ—одно изъ тѣхъ душеспасительныхъ дѣлъ, за которыя воздается въ будущей жизни, а потому отъ роли этой никто никогда не отказывается (').

Привычка или, вѣрнѣе, практика такого оглашенія своей семейной жизни является для туземной женщины щитомъ, хранящимъ её отъ тирании мужа; не смотря на тѣ права, которыми снабжаютъ послѣдняго и религія, и обычное право, тираниа мужа здѣсь въ сущности гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ; здѣсь онъ можетъ проявлять её въ томъ только случаѣ, если матеріальныя условія лишаютъ женщину возможности воспользоваться при надобности ея правомъ на разводъ; ниже, ознакомясь съ послѣднимъ, читатель увидитъ, что, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отношеніяхъ, положеніе мусульманской женщины лучше, а кругъ ея личныхъ правъ не измѣримо ширѣ, чѣмъ у женщины европейскихъ народовъ. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ ниже, а теперь вернемся къ болтливости туземной женщины, свойственной ей столько же, сколько и любовь злословить, сплетничать и пикироваться, развитая въ ней, женщиной, несравненно болѣе, чѣмъ въ мужчиной.

Гостья, считающая себя по общественному положенію выше хозяйки, никогда не стѣсняется сдѣлать ей то или другое замѣчаніе относительно чистоты въ компаніи и пр.; въ большинствѣ случаевъ говорится это, конечно, намеками, но съ очевиднымъ желаніемъ кольнуть и кольнуть какъ можно больнѣе. Если въ обществѣ окажется деревенская баба и злоязычная горожанка, то первая обыкновенно бываетъ въ буквальномъ смыслѣ слова заклевана. При ней пачнутся разсказы о томъ, какъ грязно живутъ въ вишлакахъ, какъ рѣдко тамъ бьютъ *палу*, какъ неизящно выражаются и т. д.

Отсюда и вслѣдствіи врожденной туземной женщиной вспыльчивости, ссоры происходятъ на каждомъ шагу, а изрѣдка случается даже, что ссора, пачавшаяся пикировкой и препирательствомъ, кончается чуть не дракой. Что же касается до обѣщанія поколотить ту или другую изъ подав-

(') «Миръ есть доброе дѣло». Коранъ. Глава 1. Ст. 127).

нихъ пріятельницъ или прозвести въкоторыя измѣненія въ ея прическѣ, то это случается слышать даже болѣе чѣмъ часто.

На сколько сартапка любитъ пивироваться, злословить и сплетничать, на столько же, если не больше, она боится насмѣшекъ и пересудъ. Отнюдь не скрывая обстоятельствъ своей домашней жизни и своихъ отношеній какъ къ мужу, такъ равно и къ другимъ членамъ своей семьи, она всегда избѣгаетъ говорить о себѣ лично, боясь чѣмъ-либо себя скомпрометировать. Извѣстная любительница веселой жизни и всяческихъ походовъ, держащая себя съ мужчинами болѣе чѣмъ развязно, при женщинахъ корчитъ изъ себя такую святошу, заподорить которую рѣшится не всякій, даже и многоопытный человѣкъ. Передавая вамъ всевозможныя интимныя походы ея знакомыхъ и пріятельницъ, она ни за что не скажетъ о себѣ самой, ни за что не признается даже и подругѣ въ томъ, что имѣетъ любовника. И если вы захотите навести справки объ ея собственномъ поведеніи, вы необходимо должны будете обратиться къ одной изъ ея пріятельницъ.

Лгутъ, льстятъ и преувеличиваютъ такъ часто и по столь разнообразнымъ поводамъ, что мало по малу получаешь привычку никому не вѣрить на слово или, по крайней мѣрѣ, относиться ко всемъ сообщеніямъ съ крайней осторожностью.

Совершенно такими же наклонностями отличается и сиртъ. Прошлое приучило его говорить правду тогда только, когда онъ вполне увѣренъ, что правда эта ему будетъ выгодна; въ противномъ случаѣ, даже если бы это было сомнѣніе только, при которомъ далеко еще неизвѣстно, можетъ ли или не можетъ это быть выгоднымъ или хотя бы безразличнымъ, онъ или уклоняется отъ отвѣта, или вретъ и, конечно, не всегда удачно. Въ 1879 году администраціи понадобились зачѣмъ-то свѣдѣнія о числѣ визшихъ туземныхъ школъ и учащихся. Мы жили въ то время въ кишлакѣ, жили совсѣмъ по сартовски, а потому пользовались большимъ сравнительно довѣріемъ своихъ одесельчанъ. Получивъ приказъ о доставленіи сказанныхъ свѣдѣній, волостной управитель приходитъ къ намъ и убѣдительно проситъ насъ, какъ знакомыхъ съ русскими порядками, посоветовать, какъ ему

быть: показать ли въ своемъ рапортѣ число школъ и учащихся въ волости большимъ или меньшимъ дѣйствительнаго. Онъ не знаетъ, зачѣмъ требуются эти свѣдѣнія, и этого уже довольно для того, чтобы не допустить и мысли о доставленіи куда слѣдуетъ истинныхъ цифръ.

Приведемъ еще примѣръ. Разодрались два сарта; разодрались, конечно, не *à la russe*, т. е. безъ вышибанія зубовъ, безъ сворачиванія скулъ и другого членопредительства, а чинно, по сартовски. Драка эта происходила приблизительно такъ: сначала оба изъ-за чего-то поругались, при чемъ одинъ упомянулъ о матери; другой не спустилъ и къ матери присовокушилъ дочь; послѣ этого досталось всѣмъ, и отцу, и дѣду, и могилѣ прадѣда и опять матери, и наконецъ, чалмѣ и тюбетейкѣ; тогда, прійдя въ заправскій азартъ, они схватили другъ друга за ворота, стали кричать еще громче, порвали рубахи и мевѣ увертливый получилъ двѣ плюхи, на память о которыхъ остался сивякъ подъ глазомъ и царапина на лѣвой щекѣ. Поплатившись цѣлостью рубахи, получивъ сивякъ и царапину на щекѣ, сартъ считаетъ себя не только побѣжденнымъ, но даже и избитымъ. Онъ кричитъ „*оай-оай!*“ (караулъ). Около дерущихся собирается толпа; лишь очель не многіе подзадориваютъ; большинство стремится къ умиротворенію.

Освободившись отъ противника, успѣвшаго дать ему на прощанье еще и подзатыльникъ, побѣжденный начинаетъ выть, иногда совершенно по бабьи, и проситъ присутствующихъ быть свидѣтелями оказанной ему несправедливости. Учуввъ кровь, олъ размазываетъ её по лицу, иногда нарочно расковыриваетъ царапину, дабы добыть оттуда нѣсколько лишннихъ капель, необходимыхъ ему для надлежащаго татуированія, искусственно приводить свое одѣяніе въ возможно безобразный видъ и тогда только, найдя, что олъ вполне достаточно замаскировался, отирается къ начальству, искать правосудія. Черезъ полчаса на базарѣ рассказываютъ, что въ такой-то улицѣ происходила страшная драка — „*дженди урушъ буады!*“ (Считаемъ нужнымъ замѣтить, что драки, подобныя вышеописанной, въ обществѣ далеко не частыя, происходятъ только среди простонародья. Мало мальски благовоспитанный сартъ держать себя въ высшей степени чинно и ни на улицѣ, ни въ обществѣ никогда не компрометируетъ

себя даже такими поступками, как излишнее скорая ходьба или бѣда, излишнее громкій разговоръ, пѣвiе, свистъ и пр.).

Сидитъ нѣсколько прiятельницъ. Одна, наиболѣе бойкая начинаетъ повѣствовать, какъ ея па дпяхъ билъ мужъ. „Играй, говоритъ на *дугирь*“. А я говорю: „не стану“. „Играй!“ „Не стану“. „Играй, а то отлуню“. „Не стану“. Какъ началъ онъ меня лунить нагайкой; ужъ онъ билъ, билъ, а я все молчу; потомъ къ столбу привязать; опять бить началъ, а я опять молчу. Вся спина въ синякахъ—вотъ хоть посмотрите. Смотрите—никакихъ синяковъ тамъ нѣтъ. „Такъ вѣдь онъ меня билъ-то двѣ недѣли тому назадъ, теперь ужъ синяки прошли; а тогда страсть что такое было; вся спина синяя; сморгнуть страшно“!

Хвастаются разнообразными способами: и воображаемымъ стоицизмомъ въ отношенiи воображаемыхъ же побоевъ, и воображаемой близостью съ людьми, считающимися почему-либо влиятельными, и всевозможными искусствами, не исключая и кулинарнаго. Такъ напримѣръ, недавно, почти на дняхъ, одна сартянка хвасталась при пасѣ тѣмъ, что можетъ сварить три разныхъ кушанья, не снимая котла съ очага и мол его послѣ приговленiя каждаго кушанья тутъ же, на очагѣ, при помощи уполовника.

Хвастаются и нарядами, и благосостоянiемъ, и положенiемъ занимаемыхъ мужьями, и проч. Словомъ въ этомъ отношенiи никто не можетъ уцѣкнуть сартянку въ томъ, что ей далеко до другихъ женщинъ. Лѣта свои сартянка скрываетъ, также какъ и послѣднiя, очень тщательно. Часто случается, что черезъ пять—шесть лѣтъ послѣ выхода ея замужъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, ей оказывается шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

Попрошайничество и пороватость очень развиты въ низшихъ, бѣдныхъ классахъ туземнаго населенiя, при чемъ вторая распространена гораздо болѣе первой, ибо названiе попрошайки, *таддид*, считается зазорнымъ, а уличить въ воровствѣ не всегда легко. Попрошайничаютъ лишь у людей состоятельныхъ, а воруютъ болѣе или менѣе безразлично. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такое женское воровство по большей части мелкое и производится лишь па домахъ. На базарѣ вы очень часто можете видѣть открытую лавку съ разложенными товарами и безъ хозяина, отлучившагося ку-

да-либо по дѣлу. Изъ сартовъ никто ничего не тропеть. Это привычка, оставшаяся отъ ханскихъ временъ, когда ворами и поровками отрубали руку. Мелкія же воровства въ дому, гдѣ воровать гораздо удобнѣе, очень перѣдки. Часто воруютъ даже и у тѣхъ, кто охотно далъ бы украденное, если бы его попросили. Случаи этого рода происходили и съ нами не одинъ разъ.

Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна женщина, пользовавшаяся въ теченіи долгаго времени нашей помощью, приѣхала изъ кишлака, вѣроятно, за помощью же, но прежде чѣмъ обратиться съ просьбой, она воспользовалась нашимъ отсутствіемъ изъ комнаты и направилась къ письменному столу, изъ котораго не задолго передъ тѣмъ при ней же выпимали деньги. Случайно одинъ изъ насъ помѣшалъ ей, не подавъ, впрочемъ вида, что замѣтилъ ея намѣреніе. Она ничуть не сконфузилась, отправилась на кухню, выждала, когда въ ней никого не осталось, набрала въ мѣшокъ разной провизіи, но и тутъ была застигнута прислугой.

Когда мы жили въ кишлакѣ, у насъ очень часто пропадала мелкая посуда, сбура, хлѣбъ, лоскуты матерій и пр.

Нигдѣ, впрочемъ, воровство не развито между женщинами такъ, какъ у киргизъ. Осенью, во время приготовления кошмы (ихъ валяютъ здѣсь женщины) въ зажиточныхъ киргизскихъ семьяхъ принято сзывать всѣхъ аульныхъ бабъ и дѣлать кошмы помочью. Въ этомъ случаѣ два или три члена даяной семьи находятся неотлучно при женщинахъ, наблюдая за дѣлостью шерсти. Но и такое окаравливанье не всегда помогаетъ; каждая проворная баба успѣваетъ запрятать въ свои широкіе сверху штаны нѣсколько комковъ шерсти и увести ее въ штанахъ же домой.

Такого же рода отношенія наблюдаются у бѣдныхъ классовъ къ долгамъ и другимъ обязательствамъ. Въ то самое время, какъ большая часть туземной торговли совершается въ кредитъ, при чемъ никогда почти не приходится слышать о мошенничествѣ, грошевымъ сдѣлками и долгами, особенно городского населенія, не рѣдко бывають поводами не только къ ссорамъ и дракамъ вродѣ вышеизложенной, но даже и продолжительнымъ тяжбамъ, затягивающимся иногда очень по долгу, вслѣдствіе скрывательства должниковъ. Скрывательства эти, являющія собою прямое послѣдствіе былыхъ, хан-

скихъ времянь; когда каждое отдѣльное бекство было отдѣльнымъ же вассальнымъ государствомъ, соваться въ которое зри, безъ заступничества своего бека или надлежащаго повелова беку тамошнему, было далеко не безопасно, скрыватьства эти, говоримъ мы, иногда бывають въ высшей степени комичными.

Займодавецъ простолюдинъ, нескотно обращающійся къ посредству суда и администраціи, считаетъ своего должника совершенно неуловимымъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ скрывается отъ него гдѣ нибудь за 20—30 верстъ, съѣздить куда самъ онъ не имѣетъ времени. Онъ тогда только признаетъ должника попавшимся въ свои руки, когда встрѣтитъся съ нимъ лицомъ къ лицу. „Никогда не могу его встрѣтить“ жалуется онъ своимъ знакомымъ. Но вотъ, наконецъ, онъ случайно поймалъ его на базарѣ; онъ хватаетъ своего должника непремѣнно за полу халата; скрутивъ опую на подобіе того, какъ выжимають мокрое бѣлье и крѣпко ухвативъ обѣими руками, кредиторъ предлагаетъ или немедленно же уплатить долгъ, или отправиться къ начальству. Если должнику и удастся удрать, сбросивъ съ себя быстрымъ тѣлодвиженіемъ верхній, не подпоясанный халатъ, то послѣдній все-таки останется въ рукахъ кредитора; часть долга, какъ ни какъ, будетъ слѣдовательно уплочена, а окончательная ликвидація дѣла само собою откладывается до будущей подобной же встрѣчи.

Приходить къ намъ женщина изъ другого кишлака и просить дать ей четыре рубля; получаетъ деньги и уходитъ, обѣщая возвратить взятое или деньгами же, или масломъ черезъ шесть мѣсяцевъ; не является она цѣлый годъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день приходитъ и, конечно, съ пустыми руками. „Ас-селямъ алейкюмъ“! „Алейкюмъ ас-селямъ“! „Какъ живете можете? Здоровы ли? Дѣтки здоровы ли? Выросли ли“? „Славу Богу“. Гостыѣ подаются лепешки, чай. Долго идутъ разговоры объ урожаѣ, о погодѣ, о новостяхъ, о предстоящей у сосѣдей свадьбѣ, и пр. Собирается гостыя уходить. „А вѣдь деньги то ваши я не принесла, не раздобыла. Вы дайте мнѣ еще два рубля—на будущій годъ я вамъ ужъ все заразъ отдамъ“.

Выше, говоря о жилищѣ, мы упомянули уже о томъ, что какъ дворъ, такъ и комнаты, въ особенности наружныя,

содержатся у сартовъ опрятно. Однакоже опрятность эта, какъ и вездѣ, въ богатыхъ семьяхъ больше, чѣмъ въ бѣдныхъ, и въ городахъ больше, чѣмъ въ вишлакахъ. Тоже почти слѣдуетъ сказать и о содержаніи посуды, утвари и одѣяль. Посуда вымыта (до суха еѣ почти никогда не вытираютъ, оставляя сохвуть самое по себѣ) и разставлена въ нишахъ; котель накрытъ крышкой; одѣяла, хотя и вишвыя, тщательно свертуны и сложены поверхъ сундука. Полъ комнаты, также какъ и дворъ, ежедневно метется, а послѣдній лѣтомъ кроуѣ того еще и поливается водой. Нища, особенно въ городахъ, готовится тоже донально опрятно. Дотрогиваться до продуктовъ во время приготовления нищи, равно какъ и ѣсть послѣднюю пемытыми руками, считается грѣхомъ. Передъ приготовленіемъ кушанья вся нужная для этого посуда опять таки моется. Также тщательно промывается рисъ и другое зерно.

Въ вишлакахъ, впрочемъ, приходилось иногда видѣть, какъ раскатанныя, но не испеченныя еще лепешки за немѣлкимъ лишваго *дистархана* раскладывались на поспльномъ халатѣ, вывороченномъ наизнанку, чего въ городахъ встрѣчать не приходилось. Такимъ образомъ вишвыя, такъ сказать, опрятность сартявки, по крайней мѣрѣ городской, можетъ еще считаться до вѣкоторой степени удовлетворительной. Совсѣмъ свое приходится сказать о личной ея чистоплотности.

Въ баню, и то только въ городахъ, ходятъ одни лишь мужчины. Ходить туда женщинамъ считается неприличнымъ, а потому бани посѣщаются здѣсь изъ женщинъ или дамами легкаго поведенія, или же туземными еврейками, у которыхъ принято бывать здѣсь, кажется, по пятницамъ вечеромъ.

Однакоже и изъ мужчинъ въ бани ходятъ далеко не всѣ, а наибольшее число посѣтителей бываетъ на разсвѣтъ въ пятницу, т. е. послѣ обычныхъ здѣсь супружескихъ четверговъ.

Религія запрещаетъ мусульманину видѣть не только чужія, но по возможности даже и свои *ворѣтъ*, части тѣла между поясомъ и колѣнами.

Оттого въ баняхъ моются или въ штабахъ, или въ полотенцахъ, повязываемыхъ на ягодицы и бедра. Это же

постановленіе служить одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что туземные мужчины и женщины, даже и дѣтми, купаются очень рѣдко.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ то самое время, какъ *авратъ* тщательно скрываются и мужчиной и женщиной отъ всѣхъ вообще взоровъ, первый не стѣняясь работаетъ въ однихъ только штанахъ, а вторыя не считаютъ неприличнымъ кормить грудью ребенка при тѣхъ мужчинахъ, которымъ не запрещается входъ въ *ичаріи*.

Въ массѣ туземнаго населенія отношенія къ религіи ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ тѣхъ, которыя наблюдаются и у другихъ народовъ. Къ религіи прежде всего относятся, какъ къ обычаю, не исполненіе котораго преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, а страхъ послѣдняго очень развитъ въ сартѣ, по крайней мѣрѣ, гораздо больше, чѣмъ страхъ кары небесной.

Дѣла и поступки раздѣляются на дурные, грѣхи (*гунахъ*), подлежащіе расправѣ въ геенѣ огненной и добрые (*савабъ*), за которые будетъ вознагражденіе. Какъ тѣ, такъ и другіе, вписываются двумя ангелами въ книгу живота. Замѣчательно, что, не смотря на полную увѣренность въ существованіи и ангеловъ, и книги, — в сартѣ, и сартянка объ геенѣ помышляютъ сравнительно очень рѣдко. Гораздо чаще оба думаютъ о томъ, нельзя ли учинить какой-нибудь такой *савабъ*, совершеніе котораго было бы и не трудно, а главнымъ образомъ не дорого. Разсыпать зерно на землю грѣхъ; а подобрать его — *савабъ* и даже очень большой. Поэтому никто никогда не упуститъ случая совершить столь душеспасительное дѣло, да еще совершивши его, сотворить вратскую молитву, дабы дѣло было вѣрнѣй. Такихъ *савабовъ* много, такъ много, что и не перечтешь: голову мыть по пятницамъ — *савабъ*; подобрать съ земля крошки хлѣба — *савабъ*; припрятать ссорящихся — *савабъ*; нищему подать — тоже *савабъ* и такъ безъ конца. Очень возможно, что одво обиліе *савабовъ* и легкость ихъ выполненія уже сами по себѣ служатъ до нѣкоторой степени стимуломъ успокоенія сердца по части страха геены огненной. Иногда для совершенія возможнаго большаго *саваба* составляется компанія на акціяхъ.

Такъ, напримѣръ, однажды пожилой сартъ, вѣроятно нуждавшійся въ пополненіи нѣкоторыхъ пробѣловъ своей

книги живота, обратился къ намъ съ такимъ предложеніемъ: „давайте, говорить, сообща мечеть построимъ. Вы деньги пожертвуйте, а я работами буду распоряжаться; *савабъ тинкъ шерикъ бумамазъ*“ (въ *савабъ* будемъ имѣть равныя пай). Совершенно какъ бы коммерческое предпріятіе какое!

За подобными отношеніями къ религіи непосредственно слѣдуетъ между прочимъ, конечно, и суевѣріе, ибо последнее всегда и вслѣдъ было вѣрнымъ спутникомъ религіи при извѣстныхъ отношеніяхъ къ ней челоука.

Вѣрятъ почти во все то-же, во что вѣрять и русскій мужикъ. Кромѣ дьявола (*шайтанъ*), аптихриста (*даджиль*), добрыхъ и злыхъ духовъ (*пары* и *дьявъ*), вѣрятъ въ существованіе домового — *албасти*, котораго представляютъ себѣ въ видѣ растрепанной, косматой старухи, вѣрятъ и въ *аджини* — нѣчто среднее между домовымъ и вѣдьмой, которая рисуется воображенію сарта въ образѣ женщины громаднаго роста, съ косматыми желтыми волосами, портящей людей и паводящей на нихъ, между прочимъ, и падучую болѣзнь; увѣряютъ, что *аджини* можетъ измѣнять свой влѣшній видъ. Такъ наприимѣръ, одинъ сартъ говорилъ намъ, что видѣлъ *аджини* въ видѣ огонька, бѣжавшаго по улицѣ. Вѣрятъ въ существованіе *ялмангъ-камитырь* — нѣчто вроде нашей бабы-яги, по поводу которой имѣется сказка того же приблизительно содержанія, что и у насъ (*камитырь* — старуха). Этими же именемъ (*ялмангъ-камитырь*) называютъ и ворчуній — старухъ, а названіе *аджини*, или *албасти*, преподносятъ женщинамъ, не пригладившимъ подлежащимъ образомъ своихъ волосъ. Вѣрятъ въ то, что если качать пустой *битикъ* (колыбель), то ребенокъ, которому онъ принадлежитъ, умретъ. Калоши должны стоять непремѣнно около двери, а не то враги хозяина дома размножатся и одолятъ его.

Вѣрятъ въ дурной глазъ, а потому никому не показываютъ новорожденнаго ребенка. Вѣрятъ въ то, что неизбежно долженъ ослѣпить челоука, употребляющій въ извѣстныхъ случаяхъ не козочекъ глины, какъ это рекомендуетъ религія, а бумагу, тотъ священный предметъ, которому никогда не даютъ даже валяться на землѣ, ибо на ней, бумагѣ, пишется коранъ и другія священныя книги. Вѣровавій этихъ такъ много, что есть возможность допустить постоянную фабрикацію ихъ даже и до сего времени.

Попутно съ вѣрою въ духовъ и предназначенія вѣ-
рять также и въ колдовство, знахарство и гаданье. Боятся
жена, чтобы не разлюбилъ ее мужъ; идетъ она къ специа-
листу—*мулла* и за нѣкоторое вознагражденіе (иногда однако
же до 4 р.) получаетъ отъ него *тумиръ*, бумажку, испи-
санную приличествующей молитвой или стихомъ изъ корана.
Бумажка складывается трехугольничкомъ, обшивается въ
шелковую матерію и прицѣпляется въ нидѣ такого амулета
къ плечу рубахи или халата. У одного знакомаго намъ
сарта было двѣ жены. Вражда между ними была страшная.
Однажды младшая жена повѣствуетъ намъ такую исторію:
„*Кундиш*-то мой, подлая, чуть—чуть меня не извела!“—
„Какъ—такъ?“— „Да такъ. Стала я болѣть, стала чахнуть. Ра-
скопала я въ своей комнагѣ землю подъ очагомъ, анъ тамъ
чашка опрокинутая, а подъ ней лягушка, да сала перетоплен-
наго кусочекъ. Это она сдѣлала. Какъ только сало растаяло бы,
такъ бы и я кончилась, извелась бы. Такъ бы тоской и извелась“.

Кажется жевщицѣ, что мужъ къ ней охладѣлъ. Идетъ
она къ *мулла* и проситъ его сдѣлать наговоръ на хлѣбъ,
на урюкъ, на поду, или что-либо другое съѣдобное и даетъ
это съѣсть, или выпить мужу такъ, чтобы онъ не зналъ.
Такой наговоръ называется *исытма* (горячій, привора-
живающій); наговоръ обратнаго свойства *саутма* (охлаж-
дающій, отвораживающій).

Наговорами занимаются по большей части грамотные
мужчины; но кромѣ своихъ же, сартовскихъ, *мулла* не
меньшей славой пользуются евреи и цыгане. (Между про-
чимъ, сумасшествіе мужчины въ большинствѣ случаевъ при-
писывается тому, что жена, по злобѣ, накормила его ослѣ-
пнымъ мозгомъ. Повѣрье это одно изъ наиболѣе распро-
страненныхъ). Гадаютъ же, наоборотъ, почти исключительно
женщины. Ворожен подраздѣляются на два разряда: 1) *пал-
оумъ* или *палъбинъ*, простыхъ ворожей и 2) *пари-хонъ*—
предсказательницъ, вступившихъ въ общеніе съ духами
(*парі*). Титулъ *пари-амъ* такая ворожея получаетъ только,
когда она сподобится во очію увидѣть *аджини*.

Служить у насъ сартъ; скупъ былъ страшно, а потому
у него шли постоянныя прещирательства съ женою изъ за
выдачи ей содержанія. Однажды приходитъ онъ изъ дому
въ необыкновенно хорошемъ настроеніи. „Чему это ты ра-

дуешься“?— „Ахъ, таксырь, (господинъ) такой со мной случай произошелъ, такой случай....“ — „Что такое“?— „Жена-то вѣдь у меня *пари-хиз* стала! Я, надо намъ сказать, давно ужъ замѣчалъ, что съ ней что-то не такъ; спрашивалъ ея, молчитъ. Наконецъ-то сегодня открылась. *Пари-хиз*, говоритъ, я теперь стала: я *аджиню*, говоритъ, видѣла и другія, говоритъ, видѣнія мнѣ во снѣ представлялись. Я, говоритъ, теперь гадать буду. Что-же, говорю, гадай; сама себѣ хлѣбъ зарабатывать будешь и ссоръ у насъ съ тобой не будетъ. Такъ я этому радъ, такъ радъ“.....

Однако же вновь явленная *пари-хиз* оказалась, должно быть, несостоятельной, ибо въ самомъ непродолжительномъ времени возвратилась въ лоно простыхъ смертныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались и прежнія перебранки на счетъ содержанія.

Иногда ворожея занимается и леченіемъ. Имъ, впрочемъ, занимаются буквально все, кому только есть досугъ и кто склоненъ ко врачеванію недуговъ ближняго. А и врачуютъ же! Разъ около Навая взрослою дѣвушку, дочь одного богатаго купца, такъ уврачевали, что она на другой же день Богу душу отдала.

Врачевать ее взялась какая то женщина, не помнимъ уже отъ какого именно недуга. Дала она ей чего то, должно быть, очень сердитаго, ибо у несчастной немедленно же разѣло всю полость рта, а по всей вѣроятности и пищеводъ. Чего, чего только не принимаютъ. Забеременить женщина въ отсутствіи своего мужа. Хочется ей произвести искусственный *abortus*. Посовѣтуютъ ей принимать растворъ мѣднаго, или желѣзнаго купороса. Летитъ на базаръ, покупаетъ купоросъ и пьетъ. Черезъ нѣсколько дней другая пріятельница увѣритъ ея, что квасцы дѣйствительнѣе, — начиняетъ квасцы пить. Потомъ фуксинъ присовѣтуютъ и фуксина попробуетъ. Одной такой сказали кто-то, что пѣтъ лучше, какъ въ день по бутылкѣ русской водки выпивать. Чуть чуть бѣдняга не ошлась. Такое легкомысленное довѣреніе проявляютъ! И не думайте, что проявляютъ его однѣ лишь женщины. О, пѣтъ! Мужчины въ этомъ отношеніи ровно ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Безусловно вѣрно то, что, при желаніи, смѣло можно отравить всѣхъ сартовъ по одному; стоитъ только взяться за это дѣло съ умомъ.

Мы могли бы доказать это дѣльмъ рядомъ очень интересныхъ фактовъ, но къ сожалѣнію большинство ихъ, и какъ на грѣхъ пайболѣа яркіе, очень ужъ неудобны для напечатанія. Сообщимъ одинъ. Приходить сартъ къ доктору и ломаннымъ русскимъ языкомъ просить у него лекарства, именуемаго, по его словамъ, „*тамниискай-мигъ*“. Докторъ долго не пови-масть, что такое отъ него требуютъ. Наконецъ объясняется дѣло тѣмъ, что сартъ проситъ *тамниской мушки* для приема ея внутрь, такъ какъ жена его еще очень молода, а онъ уже не пользуется особеннымъ обиліемъ сплѣ. По разслѣдованія оказалось, что во время оно, въ томъ же городѣ былъ русскій фельдшеръ, промышлявшій тогда продажей этого медякаменга для тѣхъ же цѣлей и съ очень большимъ, повидямому, успѣхомъ.

Выше мы сказали, что масса туземнаго населенія отно-сится къ религіи, какъ къ обычаю, неисполненіе котораго пре-слѣдуется общественнымъ мнѣніемъ, и что страхъ послѣд-няго развитъ въ сартѣ въ громадной степени. Съ еще бдль-шимъ страхомъ сартъ относился прежде къ палкѣ *кази-ра-иса*, которая являлась тогда и хравительницей благочестія, и регуляторомъ общественнаго мнѣнія.

Разъ только полпобная палка упразднилась,—упраздни-лось и самое волшебство; въ общественномъ мнѣніи стало проявляться нѣчто вродѣ разпогласія, разногласія нѣмого, никѣмъ въ сущности не высказываемаго, но тѣмъ не менѣе вполне реально существующаго, ибо насколько мало гово-рилось объ всемъ этомъ въ средѣ народа, настолько же много стало дѣлаться имъ самимъ такого, о чемъ прежде онъ п думать не смѣлъ. Благочестіе поколебалось; въ первое время этихъ колебаній, амплитуды ихъ возрастали въ громадной степени, а затѣмъ мало по малу установились сами собою и въ настоящее время представляются уже движеніемъ болѣе или менѣе равномернымъ.

Въ четвергъ упразднилась палка, на другой же день, въ пятницу, пять трехъ жевъ сарта двѣ ушли въ домъ тер-пимости, предполагая, что тамъ время-препровожденіе ихъ будетъ много занимательнѣе. Онъ напился, но такъ однако же, что этого ни кто не видѣлъ.

Въ слѣдующую пятницу опъ былъ чѣмъ то занятъ и не пошелъ въ мечеть на соборній *джуми-намитъ*. На другой

день его устыдили. Двѣ пятницы онъ являлся въ мечеть, чувствуя не то угрызения совѣсти, не то боязнь преслѣдованій со стороны общественнаго мнѣнія. На третью пятницу опять не пошелъ. Стали было его попрекать въ нечестіи, но онъ былъ почему то въ сердцахъ и, набравшись храбрости, взялъ да самъ обьявлялъ всѣхъ пристаившихъ къ нему съ упоминаніемъ родителей, а въдобавокъ пообѣщавъ отлупить того, кто полезетъ къ нему съ наставленіями на предбудущее время. Приставать къ нему, разумѣется, больше не стали, а онъ и совсѣмъ пересталъ ходить въ мечеть. Примѣръ оказался заразительнымъ, и нѣкоторые изъ пристаивавшихъ къ нему еще такъ недавно, тоже рѣшили, что, при ихъ родѣ занятій, не всегда удобно бросать работу. Заслышавъ призывъ *азанчи*. Въ первый же праздникъ Рамазанъ онъ явился открыто и кого-то побилъ. Его заперли въ кутузку. Выйдя оттуда, онъ опять нашлся и началъ было, что называется, заливать, но такъ какъ онъ все-жъ таки сартъ, а потому наравлѣ со всѣми прочими изъ своихъ соотечественниковъ и скуповатъ, и въ высшей степени расчетливъ, то вскорѣ остепенился. Ужаснувшись своихъ беззаконовъ, а главнымъ образомъ числа прожитыхъ имъ рублей (10 р. 34 к.), онъ, забравъ съ собой блюдо *палау* и 40 к. денегъ, отправился къ *имаму*, выложивъ передъ нимъ свое приношеніе, покаялся и сдѣлался мюридомъ, по какой причинѣ въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ, пока ему это не надобно, въ свободное отъ занятій время склонялъ голову на лѣвый бокъ и въ полголоса произносилъ: „*Алла! Алла! Алла!*“ Иногда вмѣстѣ съ тяжелымъ вздохомъ у него вырывалось: „*И, худд!*“ (О, Боже!), или „*И, Керим!*“ (О, Милостивый). Тѣмъ временемъ одна изъ женъ вернулась; вернувшись сказала: „*тоуби кылдимъ* (каюсь), немного повила, долго причитала надъ тѣми притѣсненіями, которыя видѣла въ мѣстѣ алачномъ и привязавъ затѣмъ чинпо прять нитки, тоже, какъ и мужъ, вздыхая и произнося „*Я, худд! Я, палак!*“ (О Боже! О небо!)

Черезъ нѣсколько времени благочестіе опять надобно. Прежде всего перестали вздыхать и произносить восклицанія. Затѣмъ мужъ сталъ отлививать отъ мечети, а возвратившаяся бѣглинка завела себѣ любовника, въ чемъ ей помогла другая жена, ея *кундаши*, которая съ мужемъ жила

въ ладу и которой обстоятельство это, по весьма понятнымъ причинамъ, было на руку. И этихъ-то людей называютъ фанатиками! Ужь если имѣется необходимость въ чемъ-либо непременно обвинить ихъ, такъ обвиняли бы въ томъ, что всѣ тѣ явленія, о которыхъ обвинители знаютъ главнымъ образомъ по наслышкѣ, суть результаты не приверженности къ слову и догматамъ религiи, а тѣмъ непанiя, привычки жить такъ, какъ жили дѣды, неумѣнья считать даже и по пальцамъ и истскающей отсюду же привычки бояться всего новаго, могущаго разстроить дурное ли, хорошее ли, но имѣющееся и не дать въ замѣнъ его ничего путнаго.

Однако-же мы уклонились нѣсколько въ сторону. Уклопились мы съ того самаго мѣста, гдѣ сказали, что со времени упраздненiя палочной распри *кази-райса*, наблюдавшаго за точнымъ исполненiемъ обрядовъ религiи, въ массу населенiя все болѣе и болѣе сталъ проникать религiозный индеферентизмъ.

У мусульманъ женщина не посѣщаетъ мечети; моленiя она совершаетъ у себя на дому и всегда имѣеть много такихъ причинъ, пользуясь которыми смѣло можетъ уклоняться отъ исполненiя этого обряда. Такъ, напримѣръ, грѣхомъ считается молиться въ платьѣ или бѣльѣ, обмоченномъ ребекомъ, а также во время менструацiй. Оттого ея отношенiя къ религiи съ давнихъ поръ были очень шаткими. Наблюдать за всею всегда было гораздо труднѣе, чѣмъ за мужчиною, а потому съ давнихъ же поръ вошло въ обычай смотрѣть сквозь пальцы на то, что за исключенiемъ грамотныхъ, въ общемъ немногочисленныхъ, *намазъ* совершается одиными лишь старухами, да и то далеко не всѣми. По той же причинѣ и омовенiя, совершенiе которыхъ предписано религiей передъ молитвою, тоже, какъ и самыя моленiя, совершаются мужчиною чаще, чѣмъ женщиной, при чемъ нерѣдко приходится видѣть, какъ, въ торопяхъ, или не желая почему либо снимать обуви для уставнаго омовенiя ногъ до щиколотокъ, послѣднее замѣняется символическимъ обрызгиванiемъ ичигонъ, или саногонъ. Одна бѣдная сартавка разсуждала при насъ такимъ образомъ: „если бы, говоритъ, я была богатой, и бы ничего не дѣлала, молилась бы Богу, сидѣла бы, да прославляла имя Божiе. Теперь мнѣ молиться некогда: работы у меня много; да и что молиться, когда Богъ ничего мнѣ не даетъ!“

Надунавъ совершить *намазъ*, жепица предварительно моетъ лицо, руки до локтя и ноги до щиколотокъ. (Чаще другихъ совершаются *намазы*: утренній и предпослѣдній — *намазъ-ахъма*). Затѣмъ она надвигаетъ платокъ на лобъ такъ, чтобы не было видно волосъ, и концы платка распускаетъ спереди. (Мужчина молится въ чалмѣ, конецъ которой, около $\frac{1}{2}$ аршина, спускается на лѣвое плечо. Чалмы здѣсь преимущественно бѣлыя). Приведя платье въ порядокъ, дабы предстать предъ лицо Аллаха въ приличномъ видѣ, молящаяся разстилагетъ на полу, поверхъ кошемъ (или ковровъ), или чистый малевый коврикъ, или, специально для этой дѣли имѣющійся, *джай-намазъ* (1), коврикъ же изъ толстой бумажной матеріи свѣтло-желтаго цвѣта, или большой платокъ, или, наконецъ, халатъ и обращается лицомъ къ *кыблѣ* (св. мечети) и въ полъ-голоса произноситъ молитвы, сопровождая ихъ наклопеніями туловища, земными поклонами, поворотами головы и другими символическими движеніями.

Въ солидныхъ и пажобныхъ семьяхъ, въ то время какъ въ комнатѣ кто-либо изъ присутствующихъ совершаетъ *намазъ*, обыкновенно или водворяется молчаніе, или же всѣ говорятъ тихо, въ полъ-голоса. Но въ большинствѣ случаевъ совершеніе *намаза* одною изъ присутствующихъ отнюдь не мѣшаетъ прочимъ, не только громко разговаривать, но даже и хохотать. Говоръ этотъ умолкаетъ лишь въ послѣдній моментъ *намаза*, когда молящаяся (или молящійся), отеревъ лицо руками, обращается къ присутствующимъ съ привѣтствіемъ: *саламъ-алейкума*.

О постѣ мы говорили уже выше. Изъ другихъ обрядовъ религіи съ наибольшею охотой жепица исполняетъ: поѣздки на богомолье, хожденіе на могилы родственниковъ, оплакиваніе покойниковъ, празднованіе Курбана и Рамазана и пр., словомъ все то, что на столько же можетъ быть названо религіознымъ обрядомъ, на сколько и развлеченіемъ, которыя

(1) *Джай-Намазъ* дѣлается изъ особаго рода хлопка, такъ называемой *шалла-тузи*, волокно которой имѣетъ желтоватый цвѣтъ. Изъ этого же хлопка приготавливаются также матеріи для свѣтло-желтыхъ халатовъ, носимыхъ многими изъ наиболее пажобныхъ стариковъ.

здѣсь далеко не разнообразны и до которыхъ, какъ мы уже видѣли выше, сартянка, даже и пожилая, всегда очень большая охотница.

Мѣстами богомолій являются главнымъ образомъ *мазари*, могилы людей, считающихся почему либо святыми. Иногда подъ именемъ *мазара* разумѣется также мѣсто, освященное какимъ либо происшествіемъ. Въ этомъ случаѣ, имѣющіяся здѣсь деревья тоже считаются священными, не рубятся, а на сучья ихъ каждымъ посѣтителемъ такого *мазара* навѣшиваются доскуты, тряпки, нитки и пр. Въ Араванѣ, кишлакѣ Маргеланскаго уѣзда, есть мазаръ и иного свойства. На поверхности одной изъ граней небольшой скалы, находящейся по близости отъ кишлака, имѣется изображение, напоминающее собою фигуру всадника въ миниатюрѣ. Изъ подъ скалы бьетъ ключъ, а надъ нимъ на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ аршина въ той же скалѣ виднѣется небольшое, совершенно отшлифованное углубленіе, въ которое можно вложить часть человеческой головы. Сарты вѣрують, что изображение всадника есть тѣнь халифа Али, случайно упавшая на скалу, и что посѣщеніе этого *мазара* помогаетъ отъ головныхъ болей. Больные вкладываютъ свои головы въ углубленіе, имѣющееся въ скалѣ нѣсколько выше того мѣста, откуда бьетъ ключъ.

Мазаровъ очень много; большинство наиболѣе чтимыхъ находится въ горахъ, или предгорьяхъ Ферганы, почему для посѣщенія ихъ избираются обыкновенно Май, Іюнь, или Іюль мѣсяцы, когда въ горахъ наступаетъ лучшее время года, а подожный кормъ еще не совсѣмъ стравленъ.

Всѣ мазары обладаютъ болѣе или менѣе различными свойствами. Такъ напр., посѣщеніе Араванскаго мазара помогаетъ отъ головныхъ болей, а посѣщеніе мазара, находящагося въ Канибадамѣ и носящаго названіе *кюк-ютаъ-мазаръ*, считается наиболѣе вѣрнымъ средствомъ отъ чахотки и коклюша (*кюк-ютаъ* — коклюшь и чахотка). Въ Наманганскомъ уѣздѣ особенно чтимыхъ мазаровъ — два: *Иадид-ата* и *Бавид-ата*; оба они находятся въ горахъ и довольно высоко; наибольшее число богомольцевъ, пѣшихъ и конныхъ, тянующихся сюда цѣлыми караванами, приходитъ въ іюль мѣсяцѣ. Про оба эти мазара сарты говорятъ такъ: „хочешь молиться о богатствѣ, иди на мазаръ *Иадид-ата*;

хочешь молиться о рожденіи ребенка, иди на мазаръ *Лива-атъ*“.

Изъ мазаровъ, извѣстныхъ не только въ Ферганѣ, но и далеко за ея предѣлами, слѣдуетъ упомянуть о мазарѣ *Ташт-и-Сулейманъ* (троны Соломона), находящемся на вершинѣ горы того же имени, около города Оша.

Отправляясь на богомолье, мало-мальски состоятельные люди берутъ съ собою туда же жертвеннаго барана, или козла. Если дорога это позволяетъ, то женщины и дѣти ѣдутъ на арбахъ. Набожные идутъ часть пути пѣшкомъ, гоня передъ собою барана, или козла. Прийдя на мазаръ и совершивъ тамъ моленіе, рѣжутъ приведенное сюда жертвенное животное; шкура и часть мяса отдается *мѣдламъ* давнаго мазара, изъ рода въ родъ пользующимся правомъ полученія всѣхъ вообще приношеній, дѣлаемыхъ богомольцами, а другая часть съѣдается здѣсь же, на мазарѣ, самими послѣдними. (Такое жертвоприношеніе называется *худай* — божеское). Иногда, если предполагается посѣщеніе одного изъ ближайшихъ мазаровъ, вмѣсто закланія барана, или козла, ограничиваются однимъ лишь приготовленіемъ на мазарѣ какой-либо пищи, пріятіе которой здѣсь же считается душеспасительнымъ (*савйбъ*).

Нерѣдки случаи, когда на такіе, ближайшіе по разстоянію, мазары женщины ѣздятъ безъ мужей. Пять-шесть бабъ составляютъ компанію, забираютъ припасы, нанимаютъ сообща арбу и отправляются.

Говоря о мусульманской религіи и ея житейскомъ значеніи, мы свазали уже, между прочимъ, и о томъ уровнѣ, на которомъ стоитъ развитіе или, вѣрнѣе, сумма знаній, обладаемыхъ туземнымъ обществомъ. Потому здѣсь, говоря о знаніяхъ женщины, мы считаемъ возможнымъ ограничиться тѣмъ лишь замѣчаніемъ, что въ общемъ кругъ ея знаній гораздо уже, чѣмъ у мужчины. Грамотныхъ женщинъ, обыкновенно съ трудомъ разбирающихъ небольшое число книгъ, написанныхъ на тюркскомъ языкѣ, и съ трудомъ же могущихъ написать какое нибудь простенькое письмо, немного. Чрезвычайно рѣдкими исключеніями являются женщины, знакомыя съ богословіемъ и правомъ, къ которымъ въ атомъ случаѣ обращаются (обыкновенно женщины-же) съ вопросами и за совѣтами такъ-же, какъ обращаются съ этими къ

улемамъ — мужчинамъ, и относятся къ нимъ съ громаднымъ уваженіемъ. Ничто не возвышаетъ здѣсь человѣка въ глазахъ другихъ людей и даже цѣлаго общества такъ, какъ званіе, начитанность и богатство.

Благодаря безграмотству большинства женщинъ, не рѣдки случаи, когда письма замѣняются ими разными символическими предметами. Такъ напр., женщина, соскучившаяся объ мужѣ, посылаетъ ему бѣлье, въ которое завертываетъ немножко соломы и кусочекъ угля. Этими она говоритъ, что въ отсутствіи своего сожителя отъ тоски пожелтѣла, какъ солома и почернѣла, какъ уголь. Желая дать знать о покойникѣ, посылаютъ синюю нитку. (Синій цвѣтъ — цвѣтъ траура).

Особенно малыми знаніями отличается женщина деревенская, кишлачная. Тамъ не рѣдки случаи, когда она умѣетъ считать лишь до ста, и то не всегда правильно, говоря напр., вмѣсто сорока (*кыркъ*), — два раза двадцать (*икки-иштурма*) и пр. Большая часть кишлачныхъ женщинъ не знаетъ счета денегъ, не знаетъ сколько *теменъ* въ *тиляль*, *чекъ* въ *темиль*, или копѣекъ въ рублѣ и въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ никакого понятія объ седмицахъ вѣса и числѣ мѣсяцевъ въ году. Одна женщина въ Наваѣ при насъ говорила, что ея ребенку нѣтъ еще года, что ему всего только 17 мѣсяцевъ.

Всѣ-же, какъ городскія и кишлачныя женщины, такъ равно и большинство мужчинъ, имѣютъ крайне запутанныя представленія объ исчисленіи времени. У мусульманъ время-исчисленіе лунное, при чемъ большинство полъ и менемъ мѣсяца разумѣть не извѣстное число дней, а фактъ, такъ сказать, появленія луны. Пояснимъ примѣромъ. Родится ребенокъ въ концѣ луны. Нарождается и кончается вторая луна; затѣмъ нарождается третья; проходятъ со дня рожденія ребенка счетомъ, положимъ, 45 дней. По истеченіи ихъ мать и отецъ ребенка говорятъ, что ему три мѣсяца, ибо со дня его рожденія они видѣли три луны. Очень не рѣдко приходится слышать, что такая-то ходитъ беременной вотъ уже одиннадцать мѣсяцевъ. Такъ-же считаютъ и лѣта, при чемъ кромѣ вышешложевной путаницы, по достиженіи ребенкомъ, напр., пяти лѣтъ, не говорятъ, что ему пошелъ шестой годъ, а говорятъ: ему шесть лѣтъ.

Мы упоминали уже и о томъ, что нравственная сторона родственныхъ связей между туземцами въ общемъ очень слаба; при этомъ замѣчается, что въ большинствѣ случаевъ туземнаго общества родители любятъ своихъ дѣтей несравненно больше, чѣмъ дѣти родителей, а изъ равныхъ дѣтей большею любовью пользуются малолѣтнія. Особенно душевные отношенія къ дѣтямъ мы встрѣчаемъ въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ не рѣдко приходилось видѣть случаи такого баловства дѣтей, въ результатѣ котораго послѣднія окончательно, какъ говорится, отбиваются отъ рукъ. Замѣчательно, что наиболѣе рѣзкіе примѣры такого баловства и всевозможныхъ поблажекъ дѣтямъ всегда встрѣчались въ наиболѣе бѣдныхъ кишлачныхъ семьяхъ. Не рѣдко приходилось видѣть, какъ мать долго упрашиваетъ сына, или дочь, принести со двора дровъ, воды, или чего-нибудь подобнаго; тѣ, не только не соглашались, но даже дѣлаютъ видъ, что не слышатъ ея словъ. Тогда она бросается на нихъ съ кулаками, а они, ловко увернувшись отъ нея, выскакиваютъ на улицу и все-таки не исполняютъ ея просьбы, или требованія. Жившая у насъ дѣвочка лѣтъ 13-ти была очень дружна со своей матерью, женщиной лѣтъ 35; затѣмъ, когда дѣвочка стала подростать, мать вполне подпала подъ ея вліяніе, никогда ей ни въ чемъ не прекословила, обращалась съ дочерью такъ, какъ бы считала её выше себя и не рѣдко получала даже отъ послѣдней выговоры и наставленія. Все сказанное служитъ, между прочимъ, причиною того, что въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти, въ особенности дѣвочки, сравнительно очень поздно начинаютъ помогать родителямъ въ ихъ домашнихъ, полевыхъ и другихъ работахъ. Въ Навѣѣ мы знали очень бѣдную семью, гдѣ даже дѣвочка, лѣтъ 12, ровно ничего не дѣлала, а сынъ здоровый, краснощекій парень, до пельзы забалованный матерью, началъ помогать старику отцу только по достиженіи 17—18 лѣтняго возраста, да и то на каждомъ шагѣ отговаривался всевозможными воображаемыми болѣстями. По поводу баловства дѣтей бѣднымъ людямъ отъ самихъ же бѣдяковъ намъ не разъ приходилось слышать разсужденія такого рода. У богатыхъ людей, говорили намъ, есть земли, сады, лошади, бараны; они все это холить и любить не меньше своихъ семей, а бѣдяку остаются одни толь-

но дѣти, на которыхъ онъ и сосредоточиваетъ свои привязанности.

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ городахъ дѣти приучаются къ труду раньше, чѣмъ въ кншлагахъ, а у достаточнаго населенія раньше, чѣмъ у бѣднаго, при чемъ вездѣ дѣти съ матерью живутъ гораздо дружнее, чѣмъ съ отцомъ, а почтеніе къ родителямъ, всегда лишь наружное и встрѣчающееся лишь въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ и тѣхъ, гдѣ всѣ домашніе распорядки ведутся мужемъ, а не женой, ограничивается лишь тѣмъ временемъ, въ продолженіи котораго дѣти находятся подъ родительскимъ кровомъ. (Съ отцомъ дѣти всегда говорятъ на вы; съ матерью иногда говорятъ и на ты, но сравнительно рѣдко и то больше въ кншлагахъ).

Выйдя замужъ, женщина продолжаетъ видѣться только съ матерью; отца она видитъ или очень рѣдко, или даже и совсемъ прекращаетъ съ нимъ какія бы то ни было сношенія.

Родителямъ замужней женщины нѣкоторое наружное почтеніе отдается въ томъ только случаѣ, если они зажиточны. При обратномъ условіи, мать-вдова очень часто дѣлается работницей своей замужней дочери, живетъ у ней на правахъ прислуги, исполняетъ всѣ черныя, домашнія работы и въ вознагражденіе за труды получаетъ старое, поношенное платье и обувь своей дочери, вышедшей замужъ за зажиточнаго человѣка. Разъ мы видѣли такую сцену. Мать, жившая у замужней дочери, что называется, изъ милости, не угодила послѣдней, не ладно приготовивъ какое-то кушанье. Дочь позвала еѣ, при насъ же выругала старуху и заставила еѣ готовить снова. Не смотря на подобную обстановку, очень не рѣдки случаи, когда такая мать не оставляетъ своей дочери до самой смерти. Куда она пойдетъ, если у ней за смертью мужа нѣтъ своего угла? Гдѣ бы она не пристроилась, вездѣ къ ней будутъ относиться одинаково. Будь она богата, тогда, конечно, другое дѣло. Она или жила бы сама по себѣ, плавъ какую-нибудь бѣдную семью для исполненія полевыхъ работъ, или, если бы даже она и поселилась у дочери; то имѣла бы и отдѣльное помѣщеніе и всяческій почетъ.

Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ соблюдается этикетъ и приличія, при входѣ въ комнату старшаго мужчины, хозяйка дома,

встаютъ и не садятся до тѣхъ поръ, пока онъ не сядетъ, не только жена, дѣти и другія родственницы, но даже и его мать.

При постороннихъ людяхъ между мужемъ и женой отнюдь не принято выражать какія бы то ни было отношенія интимности; въ этихъ случаяхъ мужъ всегда говоритъ въ серьезномъ тонѣ, а жена выслушиваетъ его съ видомъ возможнаго смиренія. При постороннихъ же мужъ и жена всегда говорятъ на *вы* и никогда не называютъ другъ друга по имени, что считается въ высшей степени зазорнымъ. Въ глаза они называютъ другъ друга именемъ ихъ старшаго ребенка, а если такого нѣтъ, то именемъ брата мужа, или брата жены, или же говорятъ другъ съ другомъ въ третьемъ лицѣ. За глаза мужъ, говоря про свою жену, говоритъ: „*мое семейство*“, а жена, говоря про своего мужа, и тоже не называя его по имени, говоритъ: „*мой мужъ, мой хозяинъ, отецъ моей дочери* и пр.“.

Случаи особенно прочной нравственной связи между супругами, вслѣдствіе ничтожности числа браковъ, заключающихся по взаимному влеченію, очень рѣдки. Случается, впрочемъ, и не особенно рѣдко, что мужъ и жена, сосватанные очень часто за глаза, оказываются вполне подходящими другъ для друга, и тогда, съ теченіемъ времени, между ними устанавливаются отношенія привычки, прочности которыхъ бываетъ вполне достаточно для того, чтобы союзъ этотъ не разрушался до самой смерти одного изъ его членовъ. Однако-же и при подобныхъ соотношеніяхъ между мужемъ и женой, благодаря тому, что вторая всегда находится въ большей, или меньшей, матеріальной зависимости отъ перваго, никогда почти не замѣчается между супругами отношеній полной откровенности. Наоборотъ, гораздо чаще случается, что половина поступковъ жены навсегда остается тайной для мужа, а двери ея нравственнаго міра гораздо чаще открываются не только пріятельницѣ, но даже и просто знакомой женщинѣ, чѣмъ послѣднему.

Не смотря на то, что и религія, и обычное право, призываютъ мужа главою семьи, очень не рѣдко случается, что глава этотъ вполне подпадаетъ влиянію жены. Мы знали и такія семьи, гдѣ жены, не только держали мужей въ рукахъ, но даже и били ихъ. Одинъ изъ такихъ супруговъ былъ

волостнымъ управителемъ. Чрезвычайно расторопный и очень толковый въ дѣлахъ своей службы, крайне строгій и даже суровый съ подчиненными, онъ совершенно терялся каждый разъ, какъ только входилъ во внутренній дворъ. Разъ, когда онъ задумалъ было взять себѣ вторую жену, супруга надарила ему такихъ звонкихъ пощечинъ, что звукъ ихъ былъ слышенъ, вмѣстѣ съ ея крикомъ, даже и на улицѣ.

Въ прежнемъ намаганскомъ вилаѣтъ былъ и таковой курьезъ. Лѣтъ 25 тому назадъ здѣсь умерла женщина, ифъкая *Халь-биди*, известная въ народѣ подъ именемъ *Халь-мирабъ-башы*. Мужъ ея *Ходжъ-бекъ-мирабъ* былъ въ намаганскомъ вилаѣтѣ начальникомъ надъ *мирабами*, заведующими раздѣломъ армычвой воды. Еще и при жизни мужа, хорошо знакомая не только съ обычнымъ правомъ, но даже и съ подробностями мѣстной пригационной системы, энергичная, бойкая и никому не дававшая спуска, *Халь-биди* всегда принимала самое непосредственное участіе въ мужскихъ дѣлахъ, а послѣ смерти *Ходжъ-бека*, когда ей было уже подъ сорокъ лѣтъ, она одѣлась въ мужское платье, надѣла сапоги, чалму и кушакъ и, заставивъ Намаганцевъ признать ея своимъ *мирабъ-башы*, завала мѣсто своего мужа и отиравляла эти обязанности до самой смерти. Слышъ ея *Сарымсакъ-датха*, которому она сама проложила дорогу въ ханскій дворецъ, былъ впоследствии хакѣмомъ (губернаторомъ) Намагана.

Что же касается до посредственнаго, или косвеннаго, участія въ административныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ, то въ нихъ принимали участіе жены, не только хановъ, но даже и сравнительно мелкихъ чиновниковъ.

Если слаба нравственная сторона тѣхъ родственныхъ узъ, которыя существуютъ здѣсь между дѣтьми и родителями, то въ отношеніи другихъ родственниковъ такой связи и вовсе не существуетъ, не смотря на то, что о родственныхъ чувствахъ и отношеніяхъ толкуется очень много. Отношенія между родственниками, даже и такими, какъ братья и сестры, если нѣтъ никакихъ побочныхъ и главнымъ образомъ матеріальныхъ обстоятельствъ и причинъ, ровпо ничѣмъ не отличаются отъ отношеній между знакомыми людьми. Рѣдкіи случаи, когда родные помогаютъ другъ другу изъ своихъ собственныхъ средствъ. Этого рода проявленія родст-

венныхъ чувствъ и соотношеній наи чаще встрѣчаются въ средѣ служилого класса, гдѣ, отнюдь не трогая собственной своей мощи, имѣется нѣкоторая возможность поиграть на струнахъ родственности при помощи представленія того, или другого, доходнаго мѣстечка.

Такимъ образомъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что здѣсь ни для взрослога мужчины, ни для карслрой женщины, въ большинствѣ случаевъ и, за исключеніемъ лишь любви къ малолѣтнему ребенку, и то лишь въ возрастѣ его безпомощности, никакихъ другихъ родственныхъ чувствъ не существуетъ. Для русскаго человѣка въ этомъ отношеніи есть выходъ, ибо хотя онъ и знаетъ сущность 5-ой заповѣди, но ему также, и совершенно достоверно, извѣстно, какъ по наслышкѣ, такъ равно и по житейскому опыту, что „каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“. У сарта такой поговорки нѣтъ, а заповѣдь есть. Вотъ онъ и находится въ нѣсколько, какъ бы, безвыходномъ положеніи. Книжники и фарисеи отлично знаютъ, что вотъ этому сарту, имѣющему цѣлую ораву дѣтей, въ истинномъ значеніи этого слова ѣсть нечего. тѣмъ не менѣе его и стыдятъ и убѣждаютъ въ томъ, что долженъ онъ убогаго своего родителя призрѣть. „Призрѣть надо, дѣйствительно надо, только трудно мнѣ это, очень ужъ трудно. Грѣшники мы все передъ Богомъ, вотъ что я думаю, говоритъ онъ, и при этомъ вздыхаетъ“. Но вслушайтесь въ тонъ его голоса, всмотритесь въ выраженіе его лица и вы увидите, что онъ говоритъ далеко не то, что думаетъ. А думаетъ онъ приблизительно такъ: „призрѣть надо; не дать же умереть человѣку съ голоду; надо призрѣть, да только не мнѣ это сдѣлать, не съ моею оравой на плечахъ, не съ моими рублевыми заработкомъ въ недѣлю. Сила тутъ нужна, а не я“. Но что это за сила такая, онъ, сартъ, никогда вамъ не отвѣтитъ, ибо и самъ толкомъ не знаетъ, гдѣ и въ чемъ эта сила. А не знаетъ онъ этого по двумъ причинамъ. Во первыхъ, онъ, не звающій и до сихъ поръ въ практикѣ своей общественной жизни ни пріютовъ, ни богадѣленъ, ни другихъ учрежденій этого рода, предназначенныхъ для призрѣнія убогой и безпомощной части человѣчества, онъ, говоримъ мы, сартъ, никогда не останавливался на этомъ вопросѣ по долгу и никогда не дѣлалъ попытокъ къ его разрѣшенію. Во вто-

рыхъ, онъ плохо знаетъ исторію своей религіи. Если бы онъ зналъ хорошевько послѣднюю, онъ отвѣтилъ бы князьямъ такъ: „Пророкъ повелѣлъ каждому мусульманину кромѣ поземельной подати платить еще и закѣтъ въ размѣрѣ сороковой части капитала, стада и другого имущества. Пророкъ, повелѣлъ, чтобы закѣтъ употреблялся одинаково какъ на веденіе войны за *отру*, такъ и на *содержаніе бѣдныхъ и убогихъ*. Зачѣмъ наши ханы и эмиры присвоили закѣтъ себѣ? Зачѣмъ они стали употреблять его на свои только пужды? Зачѣмъ они нарушили завѣтъ Пророка? Зачѣмъ они ограбили бѣдныхъ и калѣкъ? Если бы они не сдѣлали этого, было бы чѣмъ призрѣть и моего отца“.

Переходя къ правиламъ вѣжливости и приличій, предписаннымъ туземной жепщицѣ, замѣтимъ, что правила эти извѣстны въ большей или меньшей степени во всѣхъ слояхъ туземнаго общества, но фактическое соблюденіе многихъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ въ городахъ и то лишь въ средѣ болѣе или менѣе состоятельнаго населенія, къ которому мы въ данномъ случаѣ и обратимся.

Мы уже сказали, что при входѣ въ комнату мужа, отца или другого родственника, старшаго ея лѣтами, женщина, особенно въ присутствіи постороннихъ, встаетъ; при этомъ она потупляетъ глаза и слегка надвигаетъ платокъ на лобъ, дабы скрыть волосы и имѣть возможно скромный и цѣломудренный видъ. Говоря на ты съ тѣми лишь, кто моложе ея, туземная женщина каждаго взрослого мужчяну называетъ *ака* (старшій братъ), а женщину старшую ея лѣтами — *ая* (тетка) или *биди* (сокращ. *бе*, что значитъ госпожа) (').

Гостья, стоящая по общественному положенію или состоянію ниже хозяйки, встаетъ съ мѣста каждый разъ, какъ тоже дѣлаетъ и послѣдняя. Приѣхавшая откуда либо женщина должна первая побывать у своихъ знакомыхъ. Желан-

(') Этими же именами зовутъ старшихъ сестеръ, а иногда и матерей. Кромѣ того женщинамаъ разнаго общественнаго положенія принято давать еще и др. эпитеты или титулы. Жены хановъ, бековъ и особенно богатыхъ людей называются — *айма*; жены хакимовъ — *байбачи*; жены *индиновъ* — *атуня*; жены прихлѣскихъ *имамовъ* — *магалма* и пр.

ющая съ кѣмъ либо познакомиться, идетъ туда, пся какой-нибудь подарокъ: кусокъ матеріи (на рубашку или на халатъ), блюдо *палау*, блюдо съ лепешками, фисташками и изюмомъ, или что либо въ этомъ родѣ. Если съ приходшею желаютъ быть знакомыми, то, передъ уходомъ послѣдней, её отдариваютъ такъ, чтобы цѣнность новвратнаго подарка была бы отнюдь не меньше цѣнности подарка, принесеннаго гостею. Въ противномъ случаѣ, если послѣднее условіе не соблюдено, гостя, едва успѣвъ выйти за дверь, начинаетъ сначала ворчать, а потомъ и совсѣмъ такъ ругаться за ничтожность оказаннаго ей почета.

Въ присутствіи гостей хозяйка оставляетъ работу.

Если ожидаютъ гостей равныхъ съ хозяйкою или стоящихъ выше ея по богатству и общественному положенію (о такомъ посѣщеніи обыкновенно предупредомяютъ заранее), то хозяйка, не имѣющая помощницъ, зоветъ одну изъ своихъ небогатыхъ сосѣдокъ помочь ей въ стряпнѣ. Въ ожиданіи гостей метутъ и убираютъ комнату, развѣшиваютъ въ одномъ изъ угловъ наиболѣе нарядныя рубахи и халаты, наскоро пекутъ лепешки, заранѣе приготавливаютъ рисъ для *палау* и пр. Поприбравшись немного, хозяйка одѣвается. Являются гости, обыкновенно со чады и домочадцы. Хозяйка встрѣчаетъ ихъ внѣ комнаты; кто-нибудь изъ домашнихъ, а не то такъ и она сама, снимаетъ съ наиболѣе уважаемыхъ *паранджи* и отбираетъ принесенные гостями подносы съ подарками; *паранджи* снимается всегда на дворѣ, надѣвать его въ комнату считается неприличнымъ также, какъ у насъ напр. сидѣть въ комнатѣ въ пальто, башмакъ и пр. Снявъ *паранджи*, гости здороваются съ хозяйкою, обнимаются, спрашиваютъ другъ друга о здоровьи и говорятъ разные пожеланія. Цѣловаться при встрѣчахъ, хотя бы и очень радостныхъ, ни между мужчинами ни между женщинами отнюдь не принято. Гости разсаживаются въ переднемъ углу комнаты на подостланныхъ имъ одѣялахъ; появляется *дастарханъ*: лепешки, фисташки, изюмъ, плохія конфеты, привозимыя сюда изъ Россіи, леденецъ, халва, лѣтомъ фрукты и всевремѣнно чай. Одною изъ присутствующихъ лепешки ломаются на кусочки и раскладываются на подносъ или на *дастарханъ*. Первой беретъ наиболѣе важная изъ гостей, за ней другія и ужъ послѣ всѣхъ хозяй-

на и то лишь по особому приглашенію самихъ же гостей. Желая сдѣлать удовольствіе хозяйкѣ, гости одѣляютъ лакомствами ея дѣтей, цѣлуютъ ихъ, спрашиваютъ учатся ли они и пр. Начинается болтовня; разсматриваютъ другъ у друга наряды; спрашиваютъ объ ихъ стоимости; сплетничаютъ; слегка пивируются; сообщаютъ другъ другу новости; грудные ребята, привыкшіе къ люлькѣ, режутъ благимъ матомъ; матери тщетно стараются уложить ихъ спать и, наконецъ, наскучивъ ихъ пискомъ, выпроваживаютъ куда нибудь съ дѣтьми—подростками.

Уходя изъ комнаты паблности за приготовленіемъ *налау* или другого кушанья, вродѣ пельменей, хозяйка проситъ гостей не скучать, заняться ѣдой и разговорами. Если дѣло происходитъ лѣтомъ, то, вдобавль наговорившись, гости выходятъ на дворъ, идутъ осматривать постройки, отправляются въ садъ, если онъ имѣется при домѣ, устраиваютъ качель, до которой большія охотницы не только молодыя женщины, но даже и достаточно пожившія, а не то забираются на крышу одной изъ построекъ, заглядываютъ на сосѣдніе дворы и смотрятъ, что тамъ дѣлается; увидѣвъ женщинъ, вступають съ ними въ разговоры, а натѣнувшись на мужчинъ, изображаютъ на своихъ лицахъ страхъ и смятеніе, кидаются назадъ съ пискомъ и восклицаніями вродѣ „*айй-улайй*“ (ой, уму) или „*айй джаймыма чикынъ китты*“ (ой, душенька выскочила) и чуть не кубаремъ летятъ внизъ съ крыши. Особенно интересными въ такіе моменты бывають старушки.

Побѣвши *налау* и вторично панившись чаю, гости расходятся, убѣдительно прося хозяйку не забывать и ихъ, а остатки лакомствъ тщательно собираются и прячутся подъ замокъ, въ малесый кованый сундучекъ.

Въ гости, особенно женщины, ходятъ всегда днемъ; религія совѣтуетъ и мусульманину и мусульманкѣ или возвращаться домой не позже послѣдняго вечерняго намаза-*хутанъ*, или же, если это почему либо не удастся, то почевать тамъ, гдѣ застанеть ночь. Правило это соблюдается, если и не всегда, то, по крайней мѣрѣ, по возможности. На улицахъ сартовскаго города послѣ намаза-*хутанъ* вы никогда почти никого не встрѣчаете. Исключеніе составляетъ

лишь мѣсяцъ поста, когда у большинства день обращается въ ночь и наоборотъ.

Преимущественными способами передвиженія туземной жевщины являются: на близкихъ разстоянїяхъ хожденіе пѣшкомъ, а на далекихъ ѣзда на арбѣ. Гораздо рѣже она ѣздитъ верхомъ на лошади. (Ѣздить на ишакахъ у жевщицъ не принято). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она никогда не отправляется одна. Въ сѣдло садится мужъ, сынъ подростокъ или кто-либо изъ другихъ родственниковъ, а она усаживается позади его, на крупѣ лошади, поверхъ сложеннаго одѣяла или другой подстилки. Въ одиночку верхомъ на лошади (на мужскомъ сѣдлѣ) ѣздитъ обыкновенно одиѣ лишь киргизки и цыганки.

Раньше мы упоминали уже о тѣхъ условїяхъ, при которыхъ жевщина появляется на базарѣ; вѣстѣ съ тѣмъ сказано было, также и о томъ, что какъ религія, такъ равно и приличіе требуютъ, чтобы жевщина выходя на улицу не только закрывала бы свое лицо, но еще заботилась бы и о томъ, чтобы изъ подъ *чимбета* и *параджі* не было бы видно ея всегда почти яркихъ нарядовъ. Это послѣднее правило соблюдается далеко не всегда. Замѣчая, что по близости вѣтъ мужчинъ, жевщина отбрасываетъ на голову *чимбетъ*, открываетъ лицо и часто на поворотахъ улицы не всегда успѣваетъ вновь закрыть его, встрѣтившись съ мужчиной. При встрѣчѣ на людныхъ улицахъ знакомыя женщины, узнавшія другъ друга по одеждѣ или по голосу, подходятъ другъ къ другу совсемъ близко, становятся лицомъ къ лицу, слегка приподнимаютъ *чимбетъ* и, поболтавъ немного, расходятся. Обниматься при встрѣчахъ на улицахъ, также какъ это дѣлается при встрѣчахъ на дому, не принято. (Давно не встрѣчавшіеся мужчины обнимаются и на улицахъ; иногда для этого и не слѣзаютъ даже съ лошадей).

Вступать въ разговоры на улицѣ съ незнакомыми, между жевщинами неприличнымъ не считается. Такъ напр. очень часто случалось, что къ одному изъ авторовъ, къ жевѣ, ходившей подъ такимъ же *чимбетомъ* и *параджі*, какъ и у сартянокъ, на улицѣ подходили совершенно незнакомыя жевщины, спрашивали почему брался кумачъ на рубашку или *идрясъ* на бешметъ, осматривали и то, и другое и затѣмъ отправлялись своей дорогой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приличіе требуетъ, чтобы женщина не разговаривала на улицѣ съ мужчиной, даже при условіи закрытаго лица. Если мужъ, напримѣръ, встрѣчаетъ свою жену на улицѣ и имѣетъ надобность сказать ей что-либо лично, то опъ дѣлаетъ это такъ, чтобы разговоръ не былъ замѣченъ прохожими; опъ говоритъ ей не громко и смотритъ при этомъ въ сторону.

Женщинами высшихъ классовъ туземнаго общества, а въ особенности въ князствахъ, всѣ выше перечисленныя приличія въ большей или меньшей мѣрѣ игнорируются, однако же только въ отношеніи своихъ единоплеменниковъ; завидѣвъ русскаго, сартянка по меньшей мѣрѣ сторонится и тщательно закрываетъ лицо, причемъ нерѣдко прислоняется къ стѣнѣ, уткнувшись въ нее послѣднимъ, или же опрометью бросается назадъ или въ сторону и скрывается въ первую встрѣчную калитку; часто случается, что сопровождающія ее дѣти не успеваютъ улепетнуть впередъ за ней и поднимаютъ тутъ же, на улицѣ, ревъ и вой. Рѣже, когда сартянка замѣчаетъ, что на улицѣ нѣтъ никого, кто могъ бы осудить ея поведеніе, она не только не бросается бѣжать отъ русскаго, но, на оборотъ, отбрасываетъ чимбѣтъ и разглядываетъ проходящаго съ замѣчательно добродушнымъ любознательствомъ.

Сартянка, тоже какъ и сартъ, очень большая охотница до всевозможныхъ зрѣлищъ и увеселеній, которыя она называетъ общимъ именемъ *тамаша* (развлеченіе), а еще больше любитъ она праздники и разнаго рода праздничныя сборища.

Наканунѣ праздника, въ день такъ называемой *миды*, сочельника, во всѣхъ домахъ моютъ бѣлье, пекутъ сдобныя лепешки и заканчиваютъ другія праздничныя приготовленія. Вечеромъ того же дня женщины варятъ *паду*, блюда и чаши съ которыми разпосылаются родственникамъ, знакомымъ и сосѣдямъ. Утромъ въ первый день праздника встаютъ обыкновенно очень рано, чтобы успѣть вовремя вымести комнату и дворъ, вымыть голову, причесаться и припарядиться. Утренній *намъ* въ этотъ день бываетъ не на разсвѣтъ, какъ въ обыкновенные дни, а часовъ около 8 или 9. Мужчины, нарядившись въ чистыя чалмы и новыя халаты, отправляются каждый въ свою мечеть; за ними туда же

устремляется и большинство женщинъ, посмотреть съ улицы или съ ближнихъ къ мечетямъ крыши на людской праздничный *намазъ*, по окончаніи котораго, въ городахъ вся эта толпа, частью устремляется на базаръ, гдѣ въ этотъ день большинство лавочекъ открыто, частью же разсыпается по городу. Если вы остановитесь у воротъ какого-нибудь большаго, зажиточнаго двора, вы увидите, какъ въ продолженіи всего дня сюда будутъ входить и выходить и мужчины и женщины; до самаго поздняго вечера идетъ, что называется, суголоба. На другой день около полудня своеобразные звуки длинныхъ сартовскихъ трубъ, *кардай* извѣщаютъ городъ о томъ, что на базарѣ или на другой площади города начинаются представленія *дароджа*, ходящаго по кавату, или фокусника и клоуна, или публичныя пляски *батчй*. Народъ, что называется, валомъ валитъ на площадь, и располагается здѣсь густыми толпами вокругъ мѣста представленія; мужчины, женщины съ грудными дѣтьми, дѣти-подростки, дѣвушки, все это перемѣшивается въ нестрой и шумной толпѣ; масса женщинъ виднѣется на ближайшихъ крышахъ и на арбахъ; говоръ, шумъ; всюду снуютъ разносчики съ пьюжомъ, фисташками, халвой и леденцами; трубы пенстова воютъ, сзывая сюда все большія и большія массы народа; мало по малу около арены начинается давка, и случайно затесавшіеся сюда конные не могутъ уже сдвинуть съ мѣста своихъ лошадей. Среди толпы,—часть которой, ближайшая къ аренѣ, сидитъ на землѣ или стоитъ на колынахъ, образуя такимъ образомъ нечто въ родѣ амфитеатра,—на большой сѣрой кошмѣ, подъ мѣриной гуль громаднаго бубна и рѣзкій визгъ туземнаго кларнета, то сладострастно поводи плечами и торсомъ, то издрагивая всею туловищемъ, то быстро кружась на одномъ мѣстѣ, пляшетъ хорошепкій, разодѣтый въ яркіе наряды *батчд*; притаивъ дыханіе, тысячами глазъ смотритъ на него нестрой какъ азіатскій коверъ толпа; вотъ опъ завертелся еще быстрѣй, стать на колына я, слегка издрагивая плечами, началъ медленно покачивать направо и влѣво своимъ гибкимъ туловищемъ, одѣтымъ въ яркій атласъ. Какъ бѣшеная, какъ изступленная извила толпа, привыкшая не аплодисментами а дикимъ крикомъ выражать въ этихъ случаяхъ свое одобреніе.....

Въ городахъ праздникъ продолжается обыкновенно шесть или семь дней, а въ кишлакахъ только три, при чемъ тамъ праздничное оживленіе за отсутствіемъ акробатовъ, публичной пляски *батчей* и проч. гораздо меньше. Всѣ тамошнія праздничныя развлечения ограничиваются однимъ лишь хожденіемъ по гостямъ. Въ нѣкоторыхъ кишлакахъ дѣвушки собравшись по нѣскольку человекъ ходятъ изъ дому въ домъ, пляшутъ на внутреннихъ дворахъ; разумѣется и получаютъ за это угощеніе.

Весной, въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы въ разное время — въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ, устраиваются такъ назыв. *сайли*, загородныя гулянья въ родѣ нашего 1-го мая. (Такие же *сайли* бывають и въ большихъ кишлакахъ).

Въ Наманганѣ, напр., они устраиваются три или четыре пятницы подъ рядъ въ мартѣ или начала апрѣля, смотря по веснѣ. Гдѣ-нибудь за городомъ разбиваются палатки, въ которыхъ продають готовый чай, хлѣбъ, изюмъ и фисташки; являются разносчики съ разными лакомствами, и мельничники на скорую руку здѣсь же устраивають свои печи. Въ назначенный день, съ раннего утра сюда тянутся вереницы арбъ и толпы коннаго и пѣшаго люда. Образуются сотни отдѣльныхъ группъ; женщины обыкновенно особо отъ мужчинъ. Пляшеть *батча*; иногда появляется и акробатъ; рѣже на скорую руку устраивается скачка. Подъ вечеръ вся эта нестрая, разноцвѣтная толпа длинной вереницей съ пѣснями и бубнами возвращается въ городъ.

ВЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ. ДѢВОЧКА.

Есть много причинъ тому, чтобы сартлика радовалась беремености, въ особенноти же беремености первымъ ребенкомъ. Во первыхъ, молодую женщину мужъ по давно установившемуся здѣсь обычаю почти совсѣмъ не отпускаетъ со двора до тѣхъ поръ, пока она не родитъ перваго ребенка. Во вторыхъ, и религія, и народный умъ видятъ въ потомствѣ одну изъ ближайшихъ наградъ за человѣческія добродѣтели ('). Но той же причинѣ женщина неплодная, не ро-

(') Вѣрующія и потомкая ихъ, последовавши имъ въ вѣрѣ. Мы даемъ видѣться съ потомствомъ ихъ. (Коранъ глава 52. стр. 21).

дящая дѣтей, на каждомъ шагѣ слышитъ наръканія и сѣтованія мужа на отсутствіе потомства. Названіе неплодной чуть не равносильно названію поганой. Оттого верѣдки случаются, когда не желая признаться въ неплодія, женщина увѣряетъ, что она была беременна, но плодъ приросъ къ ея внутренностямъ, отчего вторично забеременѣть она уже не можетъ. Такіе рассказы о воображаемомъ првроставіи плода здѣсь далеко не рѣдкость. Не одинъ разъ къ намъ обращались за совѣтомъ о томъ, какъ быть съ этимъ приросшимъ плодомъ и что надо сдѣлать для того, чтобы отъ него избавиться. вмѣстѣ съ тѣмъ очень рѣдко приходилось слышать сѣтованіи на многочисленность дѣтей и трудность ихъ содержанія. Сарты говорятъ такъ: есть дѣти—въ домѣ базаръ (оживленіе); нѣтъ дѣтей—въ домѣ махиръ (увисіе). Одинъ только разъ пришлось слышать о случаѣ дѣтоубійства, и то оно сопровождалось совершенно исключительными обстоятельствами. Калѣба мать, отъ рожденія немѣвшая ногъ, родила дѣвочку. Не имѣя возможности ни сама двигаться, ни поручить кому-либо уходъ за новорожденной, она въ отчаяніи задушила своего ребенка. Случаи значительной плодовитости женщины очень не рѣдки. Намъ не разъ приходилось встрѣчать старухъ, родившихъ въ продолженіи своего замужества по 15—17 дѣтей.

Замѣчательна также и продолжительность того періода, въ теченіи котораго туземныя женщины, а еще болѣе мужчины сохраняютъ способность къ половой воспроизводительности. Мы знали семьи, гдѣ мужьямъ было около 55—60, а женамъ около 40—45 лѣтъ, и дѣти продолжали еще рождаться. Въ среднимъ же менструаціи прекращаются около 45 лѣтняго возраста.

Гигіеническая обстановка беременной, не исключая и ея пищи, ничѣмъ не отличается отъ обстановки не беременной женщины; исправляя всѣ обычныя для нея работы, она не прекращаетъ и своихъ половыхъ отправленій до самыхъ послѣднихъ дней беременности. По этому поводу существуетъ даже и не совсѣмъ приличная поговорка, въ которой беременная женщина сравнивается съ жеребой кобылой (*).

(* У здѣшнихъ киргизъ въ силу чисто хозяйственныхъ соображеній, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, принято ранней

Искусственное удержание заберемениванія, а также производство выкидыша предпринимается (конечно, далеко не всегда съ успѣхомъ) обыкновенно тогда только, когда женщина обзаводится любовникомъ во время продолжительнаго отсутствія своего мужа. Въ первомъ случаѣ по большей части обращаются къ клочку ваты, который накладывается на рыльце матки. Иногда въ эту вату заворачивается щепотка золы, полученной отъ сжженія стараго рѣшета, при чемъ всѣ надежды полагаются именно на эту золу, какъ на лекарство, имѣющій по мнѣнію туземцевъ свойства совершенно неотразимыя.

Итакъ въ общемъ сартинка радуется своей беременностью. Забеременѣвъ, она горюетъ въ томъ только случаѣ, если зачатіе произошло въ теченіи тяжелаго мѣсяца *Сафаръ*; зачатый въ теченіи этого мѣсяца ребенокъ еще въ утробѣ матери говоритъ: „или я умру, или отецъ умретъ, или мать умретъ“. Беременная со страхомъ ждетъ себѣ всякихъ несчастій. Но это, конечно, опять таки исключительный случай. Предположимъ, что зачатіе совершилось по благовременіи. Прежде всего начинаются разнаго рода наблюденія, путемъ которыхъ и сама беременная и окружающіе ея стараются узнать, кого она родитъ, мальчика или дѣвочку. Если около праваго соска женщины замѣчаются крупныя волоски, то родится несомнѣнно мальчикъ, ибо объ этомъ сказано даже и въ некоторыхъ медицинскихъ книгахъ. Чаше, впрочемъ, наблюдаютъ за тѣмъ, какой пищѣ отдаетъ предпочтеніе беременная женщина — горячей или холодной. Если ей больше правится горячая пища, то родится мальчикъ, если же холодная — дѣвочка (1).

всеной, до появленія жеребятъ. Ездить исключительно на жеребыхъ кобылахъ.

(1) Пища (равно какъ лекарства и болѣзни) подраздѣляется на горячую и холодную. Къ первой принадлежатъ: баранье мясо, сахаръ, масло, сало, чай черный (оамитый), патока, *маллу*, супъ, молочная рисовая каша, а также и хлѣбъ въ зимнее время; лѣтомъ же онъ становится холоднымъ.

Ко второй относятся: хлѣбъ въ лѣтнее время, говяжье мясо, молоко, *катики*, всѣ кушанья безъ мяса, но съ *катиномъ* (иногда молоко), кокиръ, который употребляется исключительно въ видѣ лекарства.

Здѣсь также какъ и у васъ, предпочтеніе всегда отдается мальчику передъ дѣвочкой. Особеннымъ благополучіемъ считается рожденіе сына первенца. По случаю его появленія на свѣтъ въ богатыхъ семьяхъ устраиваются цѣлыя торжества; рѣжутся бараны, изводится нѣсколько десятковъ пудовъ рису на ладу и муки на лепешки, а наиболѣе почетнымъ гостямъ раздариваются халаты (').

Туземная женщина родить всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ: мать, старшія замужнія сестры или другія какъ ей, такъ и мужнины родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, во дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дому на время родовъ. Цовитухи, специально этимъ занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родятъ сартянки всегда или стоя на козляхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочитается всѣмъ другимъ, такъ какъ по мнѣнію туземныхъ женщинъ оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бывають относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтитъ начало потугъ. Если роды затягиваются, то обычно-

Такого рода празднества, называемые здѣсь общимъ именемъ *мелемъ* устраиваются: въ большихъ размѣрахъ по случаю обрѣзанія сына, а также сорокового дня или годовщины по покойникѣ, и въ малыхъ по случаю свадьбы, рожденія всякаго вообще ребенка, по случаю перваго положенія его въ люльку на 6 или 7 день послѣ рожденія и по случаю истеченія шести недѣль послѣ родовъ. Эти, *мелемъ*, за исключеніемъ обрѣзанія и поминковъ, дѣлаются обыкновенно только состоятельными людьми, при чемъ со времени прихода въ Фергану русскихъ замѣчается какъ изъ года въ годъ даже и въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ эти обрядовыя празднества принимаютъ все болѣе и болѣе скромный характеръ вмѣстѣ съ упадкомъ всего вообще вѣстнаго, мусульманскаго благочестія.

всено перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чемъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистическаго характера. Такъ напр., въ той же комнатѣ, гдѣ происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго копыта или даютъ роженницѣ нить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какаянибудь молитва. (Насъ увѣряли, что перѣдки будто-бы случаются, когда мужъ, присутствующій при трудныхъ родахъ жены, плачетъ, не будучи въ состояніи выносить вида страданій родильницы. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться тому стоицизму, съ которымъ очень многіе изъ сартовъ выносятъ самую нестерпимую физическую боль и очень тяжелыя операціи) Появившагося на свѣтъ ребенка беретъ, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы. Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (виткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженца.

Вслѣдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрнѣе, не всеми соблюдается. По окончаніи родовъ, вслѣдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается, и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужія *аврты*, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея же, съ правой ея стороны кладутъ и новорожденнаго. Лежитъ роженца обыкновенно 6—7 дней; рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это же время ница родильницы состоитъ по преимуществу изъ разпаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ *латьхомъ* (холодная ница). а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни послѣ родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну изъ боязни, чтобы еѣ вмѣстѣ съ ребенкомъ не задушила та желтоволосая *аджини*, о которой мы упоминали уже выше.

Не рѣдко случается, что, не желая огорчить отца извѣстіемъ о рожденіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два-три дня, постепенно подготовивъ, совѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельнаго человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшіи при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ бы былъ быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всемъ знакомымъ полетѣли говны съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ *налау* и другихъ угощепій, гостямъ будутъ раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости — мужчины застали очень скромное угощеніе в очель огорченнаго хозяина отца, объявившаго имъ, что произошла ошибка, что вмѣсто сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Въѣсть съ тѣмъ въ тотъ же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила бы сына.

На благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ же и наиболее близкимъ знакомымъ съ *сунки* (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждаго изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ разнѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ея мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходившая женщина приноситъ *налау*, лепешки или пирожки и рубашку новорожденной. Все эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаниями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, причемъ никогда не имѣется въ виду, того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо таки вреднымъ.

Мы сказали уже, что при рожденіи сына, въ особенности первенца, въ богатыхъ домахъ устраиваются цѣлыми торжества. Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большее, что рѣжется баранинъ и на *налау* приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знако-

ныхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ *мазарѣ*, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нередко издержки по такому угощенію беретъ на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которыми онъ наиболѣе друженъ.

По прошествіи 6—7 дней, обыкновенно одновременно съ тѣмъ какъ родильница встаетъ съ постели, мать ея кладетъ новорожденную въ *бишійку*, люльку, гдѣ ребенокъ, привязанный двумя широкими бинтами, лежитъ неподвижно, дабы моча и экскременты черезъ отверстие, имѣющееся въ днѣ *бишійки*, могли бы попадать въ горшечекъ, прикрѣпляемый ко дну люльки съ нижней ея стороны.

Бишійка всегда ставится на полъ, а не подвѣшивается; для того же, чтобы онъ могъ качаться, основаніе его дѣлается слегка овальнымъ. Первое привязываніе новорожденного въ *бишійку*, когда между прочимъ на него въ первый же разъ надѣвается и рубашка, тоже сопровождается въ некоторомъ семейномъ торжествѣ. Въ этотъ день родильница съзываетъ родственницъ и знакомыхъ и угощаетъ ихъ лепешками, чаемъ и плодомъ, а дѣдъ или отецъ даютъ ребенку имя. Тщательно избѣгаютъ называть новорожденного именемъ одного изъ его старшихъ родственниковъ или родственницъ: дѣлается это потому, что впоследствии, когда ребенокъ подрастетъ и начнетъ шалить, ругая и бравя его, косвеннымъ образомъ можно оскорбить того изъ старшихъ родственниковъ или родственницъ, чье имя онъ носитъ. Тѣ, у кого дѣти не живутъ, при рожденіи новаго ребенка, желая, чтобы онъ остался въ живыхъ, не умеръ по примѣру дѣтей предшествовавшихъ, даютъ одно изъ такихъ именъ, какъ *Турджунъ* (пусть онъ останется), *Тохтаи* (положи, стой), *Маткамъ* (крѣпкій) и др. при чемъ къ этимъ символическимъ именамъ обыкновенно прибавляется еще и одно изъ обычныхъ мусульманскихъ именъ. Такимъ образомъ получаютъ имена: *Турджунъ-Матометъ*, *Тохтаи-джанъ*, *Маткамъ-бай* и пр. Часто, впрочемъ однимъ нареченіемъ такого имени не ограничиваются, а желая окончательно избавить новорожденного отъ участи умершихъ братьевъ и сестеръ, его отдають на нѣсколько времени какой-либо посторонней жепципѣ, имѣющей молоко, которая кормитъ его своею грудью въ теченіи 5—6 дней. По истеченіи этого срока родители ре-

бенка идутъ ко временной матери съ выкупомъ. Выкупивъ такимъ образомъ ребенка, ему даютъ имя *Ситубз-алди* (купилъ) если онъ мальчикъ, или *Саткинз* (проданная), если это дѣвочка. Послѣ такой операціи родители уже вполне успокаиваются, твердо вѣруя въ то, что ребенокъ не умретъ. При рожденіи двойней мальчиковъ ихъ называютъ *Хусидиз* и *Хасанз*, а дѣвочекъ *Зури* и *Фатъид*; если же двойни мальчикъ и дѣвочка, то имена даются безразлично.

При ханахъ существовало правило или обычай, въ случаѣ рожденія тройней одного изъ дѣтей воспитывать на казенный счетъ и кромѣ того отцу и матери давать еще нѣкоторое личное вознагражденіе.

Вмѣстѣ съ наречіемъ ребенку имени запоминается и названіе того года, въ которомъ онъ родился.

Въ этомъ отношеніи время дѣлится на циклы, изъ коихъ каждый состоитъ изъ двѣнадцати лѣтъ, при чемъ каждый годъ такого цикла носитъ свое особое названіе; а именно: мышъ, быкъ, тигръ, заяцъ, драконъ, змѣя, лошадь, баранъ, обезьяна, курица, собака, свинья.

Такъ напр., вышшій 1886 годъ носитъ названіе *собаки*. Оттого здѣсь очень часто вмѣсто вопроса, который вамъ годъ? спрашиваютъ: какой вашъ годъ? т. е. какъ назывался тотъ годъ, въ которомъ вы родились.

За домашнія работы родильница принимается тотчасъ же, какъ только встанетъ съ постели, но изъ дому или, вѣрнѣе, со двора, почти совсѣмъ не выходитъ въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль. Мы сказали уже, что ребенка обмываютъ вслѣдъ за его появленіемъ на свѣтъ; затѣмъ онъ остается вемытымъ до двадцатаго дня, когда его купаютъ во второй разъ и надѣваютъ на него вторую рубашку, а если время года холодное, то и ватный халатикъ, по возможности изъ шелковой матеріи.

Первая рубашка надѣтая на новорожденного на 6-й или 7-ой день оставляется для послѣдующаго ребенка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ таджикскихъ селеніяхъ вокандскаго уѣзда, мальчика моютъ на 18-ый день послѣ рожденія, т. е. двумя днями раньше обычнаго срока съ тѣмъ, чтобы за его невѣсту взяли поменьше *калина*, а дѣвочку на 22-ой т. е. двумя днями позже, чтобы вполнѣдствіи за неѣ дали большой *калинз*.

Далѣе ребенка купаютъ еще рѣже, такъ какъ по мнѣ-
нію туземцевъ частое купаніе мѣшаетъ ему расти и помять;
передъ купаньемъ лицо и голова намазываются каткомъ
(кислымъ молокомъ); послѣдній плохо отмывается; на теменн
образуется вѣчто вроде коросты изъ перхоти и грязи, а
благодаря общей недостаточности въ чистомъ содержаніи, у
массы сартовскихъ дѣтей мы встрѣчаемъ глазныя болѣзни,
разнаго рода сыпи, лишай и др. накожныя болячки.

При отсутствіи молока у матери, кормилица пригла-
шается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ; обыкновенно та-
кого ребенка поятъ сначала коровьимъ молокомъ, а по дости-
женіи имъ возраста 4—5 мѣсяцевъ начинаютъ кормить му-
ч.ной болтушкой съ саломъ. (При сильной отрыжкѣ и др.
болѣзняхъ, считающихся холодными, всѣмъ вообще груднымъ
дѣтямъ даютъ кусочки бараньяго сала, принадлежащаго, какъ
известно уже читателю, къ горячей пищѣ.)

Случаи подкидышей здѣсь очень рѣдки. по крайней мѣрѣ
гораздо рѣже случаевъ отдачи дѣтей подросткомъ на воспи-
таніе. Желая подкинуть ребенка, его несутъ на разсвѣтѣ,
незадолго передъ утреннимъ намазомъ, въ мечеть: *азанчи*,
придя сюда первымъ, для того чтобы прокричать *аминъ*, при-
зывъ на молитву, находятъ ребенка и сейчасъ же извѣща-
ютъ объ этомъ весь приходъ, одинъ изъ членовъ кото-
раго, пожеланію, беретъ подкидыша на воспитаніе. (Воспи-
тательныхъ домовъ нѣтъ).

Подкидышаніе дѣтей у бѣднаго туземнаго населенія за-
мѣняется обыкновенно отдачею ихъ состоятельнымъ людямъ
на правахъ усыновленія, при чемъ у мѣстнаго казы состав-
ляется документъ (*васика*), въ которомъ значится, что та-
кой-то (или такая-то) отдалъ своего сына (или дочь) на пра-
вахъ усыновленія такому-то (или такой то) и навсегда от-
казывается отъ родительскихъ правъ на названнаго ребенка.

По прошествіи шести недѣль городская женщина от-
правляется вмѣстѣ съ ребенкомъ къ своей матери, которая
по обычаю обязана сдѣлать ей угощеніе и подарить: дочери
головной платокъ, а внуку или внучкѣ тибетейку, халатъ и
рубашку. Этими празднества, совершаемая по случаю рожде-
нія ребенка, заканчиваются.

Обрѣваніе мальчиковъ производится обыкновенно въ
возрастѣ между 4 и 12 годами. Обрядъ этотъ, особенно въ

богатыхъ семьяхъ. сопровождается большимъ празднествомъ, продолжающимся около 3 дней.

Приготовленія, въ видѣ приканливанія подарковъ и пр., продолжаются иногда очень по долгу, а самые *туй* осѣдлаго населенія дѣлаются осенью или зимой. Если *туй* происходитъ въ кишлакъ, то прїѣзжіе гости — мужчины въ числѣ иногда нѣсколькихъ сотъ человекъ располагаются на вышнихъ дворахъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ хозяина.

Каждый вновь прїѣхавшій гость направляется въ *мих-манъ* — *хану* хозяина передать ему свой подарокъ и поздравить съ предстоящимъ торжествомъ, а затѣмъ уже отправляется на отведенный ему дворъ, гдѣ такихъ гостей помѣщается обыкновенно по нѣскольку. Гость и его лошади содержатся здѣсь на счетъ хозяина. Въ первый день гости лишь съѣзжаются и, собравшись компаніями по квартирамъ, забавляются разговорами, пѣснями, пляской батчей и пр.

Кто —нибудь изъ важныхъ гостей получаетъ названіе *туй-баши*; онъ распоряжается церемоніаломъ праздника и раздачею призовъ на скачкахъ.

Со всѣхъ сторонъ, слышавъ о предстоящемъ *туй*, знакомые и незнакомые хозяину шлютъ сюда своихъ скакуновъ въ расчетѣ на призъ.

На утро гдѣ либо за кишлакомъ устраивается *уляка*, скачка съ козломъ, котораго одинъ всадникъ вырываетъ изъ рукъ другого. Послѣ *уляки* въ разныхъ домахъ опять *батчи* и другія увеселенія. На третій день скачка на большое разстояніе (20 — 30 верстъ) съ призами, смотря по состоянію хозяина.

Не рѣдко въ призъ получается заморенная за зимнюю безкормицу корова, которую получившему ее не удается даже довести до дому, такъ какъ она околѣваетъ отъ изнуренія еще въ дорогѣ, не будучи въ состояніи пройти 10 — 15 верстъ.

Послѣ скачки гости получаютъ *намау* и подарки (халаты и лошади) и разъѣзжаются, послѣ чего односельчанамъ или покрайней мѣрѣ домовладѣльцамъ одного прихода раздаются *намау* и по 9 лепешекъ на домъ.

Самое обрѣзаніе совершается послѣ разъѣзда гостей-мужчинъ, а одновременно съ этимъ на внутреннемъ дворѣ устраивается угощеніе для жѣнщинъ.

Въ первые годы жизни ребенка. пока ему не надѣнутъ штаны, что для дѣвочекъ происходитъ обыкновенно на 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ году, одежда его состоитъ изъ рубашки съ горизонтальнымъ воротомъ (*муллача*) и халатка. На голову или надѣвается тибетейка, или повязывается платокъ, безразлично, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ; наиболѣе же употребительна тибетейка. Низъ, какъ халата, такъ и рубашки, никогда не подрубляется; есть примѣта, что въ противномъ случаѣ послѣдующій ребенокъ не будетъ жить.

Первые четыре—пять мѣсяцевъ ребенокъ почти постоянно лежитъ въ *бишйкѣ*. Затѣмъ *бишйкѣ* ему мало по малу надоѣдаетъ; ребенокъ начинаетъ ницать и этого совершенно довольно для того, чтобы началось безконечное, продолжающееся иногда до трехъ, до четырехъ лѣтъ, няньченье, весьма вредное прямо въ ущербъ здоровью, такъ какъ забавливый, постоянно сидящій на рукахъ, ребенокъ крайне медленно выучивается ходить.

Помимо того, что все вообще сарты и сартянки очень чадолюбивы, быть причиною плача ребенка считается большимъ грѣхомъ, а потому стоитъ только ему пискнуть, какъ его сейчасъ же или начинаютъ качать въ *бишйкѣ*, или же берутъ на руки и убаживаютъ всяческими способами. Няньчать его безусловно все члены семьи, могущіе его поднять и свободныя въ данный моментъ отъ работы. Особенно не любятъ его няньчить мальчики-подростки, за что имъ весьма рѣдко попадаетъ и въ видѣ ругани, и въ видѣ ципковъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ у матери работы много, а нянька—подростковъ нѣтъ, желая увидѣть грудного ребенка, не дающаго днемъ работать, а ночью отдыхать отъ этой работы, сартянка прибѣгаетъ къ разнаго рода, но безвреднымъ конечно, усыпительнымъ средствамъ.

Зубы у сартовскихъ дѣтей прорѣзываются въ среднемъ около десяти-мѣсячнаго возраста; если прорѣзываніе зубовъ сопровождается какими-либо болѣзненными проявленіями, то обычными способами леченія ребенка въ этомъ случаѣ являются: отчитываніе, посыпаніе мукой, или кушачье его въ въ теплой еще крови-только что зарѣзаннаго, чистаго (употребляемаго въ пищу) животнаго.

По достиженіи ребенкомъ годичнаго возраста, ему въ первый разъ стригутъ волосы.

Стрижетъ дѣдъ, отецъ, или кто-либо изъ старшихъ мужчинъ въ семьѣ; иногда стрижка эта производится на дому; иногда-же ребенка относятъ для этого на одинъ изъ ближайшихъ мазаровъ, гдѣ обрядъ этотъ сопровождается приготовленіемъ *палау*.

Стригутъ голову обыкновенно не сплошь, а оставляя два пучка волосъ на вискахъ, надъ ухомъ; когда пучки эти подрастутъ, ихъ заплетаютъ въ маленькія коски, къ концамъ которыхъ у дѣвочекъ привязываются кораллы, бусы, или амулеты. Дѣвочекъ стригутъ вышеописаннымъ способомъ лѣтъ до 7—8, послѣ чего волосы отпускаются.

Ходить туземный ребенокъ въ среднемъ начинаетъ около годовичнаго возраста, но случаи запаздыванія очень не рѣдки; приходилось видѣть здоровыхъ, сравнительно, на видъ дѣтей 2-хъ и 3-хъ лѣтняго возраста, которые съ трудомъ могли дѣлать нѣсколько шаговъ; принести это можно тому только, что, балуя ребенка и желая ублажить чѣмъ бы то ни было, его носятъ на рукахъ въ такомъ возрастѣ и при такихъ условіяхъ, когда это смѣло можно было бы считать совершенно лишнимъ. Въ томъ случаѣ, если полутора, или двухъ-лѣтній, ребенокъ особенно сильно раскапризничается, и нѣтъ возможности его чѣмъ бы то ни было ублажить, мать начинаетъ страшать его разными пугалами, изъ коихъ наиболѣе дѣйствительными считаются: *буджю* (бука), *бурѣ* (волкъ) и *урусъ* (русскій).

Кормленіе грудью продолжается обыкновенно очень долго, лѣтъ до 2—3; раньше оно прекращается только въ томъ случаѣ, если у матери пропадетъ молоко, или наступитъ вторичная беременность; въ *бишккѣ* ребенокъ спитъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не приучится просыпаться на дворъ, что происходитъ въ періодъ между полутора и трехъ-лѣтнимъ возрастомъ.

Первыя слова, которыя выучивается говорить туземный ребенокъ, это названія матери, отца и материнской-же груди. Отца и мать въ разныхъ мѣстностяхъ Ферганы дѣти зовутъ различно: или по персидски, называя отца *деда*, а мать *ача*, или *бѣоѣ* (сокращ. *бѣ*, отъ персидскаго *биби*), или по тюркски: отца—*ата*, или *ака*, а мать—*ина* или *ана*, (*ата*—отецъ; *ака*—старшій братъ; *ина*—мать; *ана* старшая сестра). При употребленіи тюркскихъ названій отца и матери, въ очень

многихъ мѣстностяхъ соблюдается слѣдующее правило, оставшееся въ послѣдіе отъ прежней кочевой, общинной жизни. Отецъ и мать называются словами *ата* и *ица* въ томъ только случаѣ, если въ домѣ не живутъ *дядь*, или *бабка*. Въ случаѣ же ихъ соимѣстнаго жительства, дѣдъ носитъ имя *ата* (отецъ), бабка называется *ица* (мать), отецъ—*ака* (старшій братъ), а мать—*ана* (старшая сестра).

Разговаривая съ малолѣтнимъ ребенкомъ и приучая, такимъ образомъ, самого его говорить, и мать и отецъ очень часто, вмѣсто правильныхъ словъ, употребляютъ такіа, но большей части не созвучныя имъ, которыя, по простотѣ звуковъ, наиболѣе легко усваиваются и произносятся ребенкомъ; такъ напр., вмѣсто *иссыкъ* (горячій), ребенокъ причаетъ говорить *иа-на*; вмѣсто *имчакъ* (грудь)—*мама*, вмѣсто *чирайликъ* (красивый)—*аяй* и т. п. Также, какъ и у насъ, очень часто говорятъ съ дѣтьми нарочно картави (особенно женщины), но тѣмъ не менѣе картавыя дѣти встрѣчаются очень рѣдко. Гораздо чаще искусственно картавятъ дѣвочки лѣтъ 8-12, при чемъ у нихъ это является не болѣе, какъ своеобразнымъ кокетствомъ и модничаньемъ.

Красивыя, милостивыя дѣти, съ полными, румяными и здоровыми лицами, встрѣчаются на каждомъ шагу, но въ то-же самое время полныя, мускулистыя руки и ноги, пропорціальные животы, замѣчаются обыкновенно лишь до двухъ, или трехъ-лѣтняго возраста. Позднѣе руки и ноги становятся худы и топки, а животы до 5-6 лѣтняго возраста не соразмѣрно велики. На шестомъ, или седьмомъ году, у большинства дѣтей полнота, если и остается, то только въ лицѣ, что, можетъ быть, зависитъ главнымъ образомъ отъ его скудности. Все вышеназложенное уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о недостаточности питанія средняго туземнаго ребенка, а вмѣстѣ съ убожествомъ гигиенической его обстановки, конечно, не можетъ не вліять на число смертныхъ случаевъ и заболѣваній. Зимой въ городѣ свирѣпствуетъ оспа, а масса дѣтей блѣдаетъ по уличной грязи, или по снѣгу, въ коротенькихъ, неподходящихъ халатникахъ, или босикомъ, или въ калошахъ на босу ногу и очень часто безъ шапокъ; какъ не мрутъ они тысячами, уму не постижимо.

Какъ только ребенокъ ставеть на ноги, мать въ значительной мѣрѣ прекращаетъ заботы о немъ и болѣе уже никогда почти его не купаетъ. Купается онъ самъ, по своей инициативѣ, и то лишь лѣтомъ, въ какомъ нибудь мутномъ арыкѣ, гдѣ по цѣлымъ днямъ барахтается въ сообществѣ своихъ сверстниковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ.

Кромѣ чрезвычайно распространенныхъ кожныхъ болѣзней, являющихся прямымъ послѣдствіемъ грязи, въ которой живетъ ребенокъ, другими, вѣдчаще встрѣчающимися дѣтскими болѣзнями слѣдуетъ познать: разстройство желудка, оспу, корь, скарлатину, коклюшъ, гриппъ и водянку. О леченіи мы уже говорили.

Умершаго ребенка, также какъ и взрослыхъ, хоронятъ, по возможности, немедленно же, т. е. или въ день смерти, или утромъ на другой день. Первое время послѣ похороны, мать умершаго избѣгаетъ выходить со двора, соблюдая трауръ, а самъ умершій ребенокъ считается ангеломъ, замаливающимъ на себѣ грѣхи родителей.

Въ случаѣ смерти родителей, дѣти-сироты воспитываются своими родственниками, а завѣдываніе оставшимся имуществомъ поручается опекупу. Опекуны бываютъ трехъ родовъ: 1) естественные, какъ папир, дѣдъ, дядя и другіе родственники—мужчины, или мать, если она знакома съ послѣдственнымъ правомъ; 2) назначаемые въ завѣщаніи и 3) назначаемые правительствомъ въ томъ случаѣ, если нѣтъ первыхъ двухъ.

Религія указываетъ на опекуство и на воспитаніе сиротъ, какъ на способы проявленія благочестія, по въ большивствѣ случаевъ житейской практики, положеніе сиротъ, въ особенности малосостоятельныхъ, очень и очень незавидное. Дѣти, у которыхъ осталось какое нибудь наследство отъ отца, по выходѣ матери за другого мужа, часто не получаютъ отъ отчима никакого другого содержанія, кромѣ пищи и одѣваются на свои собственные средства.

Замѣтимъ здѣсь же, что въ среднихъ, по состоянію, классахъ семейное положеніе всѣхъ вообще дѣтей, и главнымъ образомъ мальчиковъ, ничѣмъ въ сущности не отличается отъ положенія работниковъ и другой прислуги. Одѣты они всегда хуже отца и лишь нѣсколько лучше работниковъ, паравнѣ съ которыми встають при входѣ хозяина дома,

держатъ лошадь подъ узды, когда послѣдній садится на псе, или съ нея слѣзаетъ, метутъ дворъ, ходятъ за плугомъ и пр. Оттого очень не рѣдки случаи, когда сыновья живутъ нерравненно дружнѣе съ работниками, чѣмъ съ отцомъ. (Все это гораздо рѣже замѣчается въ наиболее богатыхъ семьяхъ, гдѣ положеніе дѣтей вѣсколько иное).

Достигнувъ трехъ, четырехъ лѣтняго возраста, ребенокъ, что называется, отходитъ отъ руки; на мѣсто его въ большинствѣ случаевъ является другой; мать, сосредоточивая всѣ заботы на новорожденномъ, предоставляетъ подросткаго ребенка или заботамъ старшихъ дѣтей, всегда отъ заботъ этихъ отлынивающихъ, или же самому себѣ.

Въ это же время, не только въ бѣдняхъ, но даже и въ среднихъ, по состоянію семьяхъ, ребенокъ впервые получаетъ обувь, въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ сапоговъ, или калошъ на босу ногу и то зимою только; лѣтомъ онъ долго еще ходитъ босикомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ богатыхъ и зажиточныхъ семьяхъ дѣвочку начинаютъ уже мало по малу приучать къ нарядамъ. Подѣвая на псе при гостяхъ, или идя въ гости, шелковые рубашки и халатки, кораллы и пр.

Если дѣтей въ семьѣ вѣсколько, то одинъ изъ нихъ, по большей части одинъ изъ числа младшихъ, дѣлается любимцемъ, *ирка*, котораго особенно балуютъ, наряжаютъ и въ большинствѣ случаевъ портятъ самымъ безразсуднымъ образомъ.

Какъ только ребенокъ начнетъ понимать рѣчь, онъ дѣлается, если не активнымъ, то, по крайней мѣрѣ, пассивнымъ участникомъ разговоровъ, ведущихся старшими. При немъ говорятъ обо всемъ и обо всѣхъ, все и вся называя обычными ихъ именами. Выслушаютъ ребенка въ томъ только случаѣ, если опасаются, что онъ можетъ разболтать слышанное и тѣмъ причинить говорящимъ какой-либо вредъ. Такимъ образомъ въ 6—7 лѣтнемъ возрастѣ сартовскія дѣти вполне постигаютъ уже то, большинство чего остается сокровенной тайной для многихъ изъ 15—17 лѣтнихъ нашихъ барышень и, не смотря на все это, отнюдь не замѣчается такихъ явленій, которыя указывали бы на особенный вредъ, происходящій отъ подобнаго рода отношенія родителей къ дѣтямъ.

Единственно, что мы можем засвидѣтельствовать по этому поводу, это громадную толковость и солидность, съ которыми говоритъ большая часть сартонскихъ дѣтей; при этомъ слѣдуетъ прибавить, что въ общемъ дѣти бѣдныхъ и среднихъ классовъ разсудительнѣе, нежели богатыхъ, такъ же какъ городскія бойчѣе вишлачныхъ, и что дѣти бѣдныхъ городскихъ классовъ, пожалуй, даже пересояли въ дѣлѣ своей опытности и разсудительности, ибо, достигнувъ 9—11 лѣтнего возраста, они прекрасно знаютъ не только гдѣ, что и какъ слѣдуетъ купить, или продать такъ, чтобы это было выгодно, но даже и гдѣ, что и какъ можно стянуть.

Одновременно съ тѣмъ, какъ ребенокъ начнетъ болѣе или менѣе свободно говорить, родители по немногу, постепенно преподають ему главнѣйшіе догматы религіи и нѣкоторыя изъ наиболѣе употребительныхъ молитвъ, а также и правила вѣжливости по столько, по сколько все это извѣстно имъ самимъ. Въ мало-мальски порядочныхъ и состоятельныхъ семьяхъ ребенокъ лѣтъ 6—7 начинаетъ уже привѣтствовать гостя *саламомъ*, говорить съ нимъ на *ты* и не допрашивается до того угощенія, которое поставлено передъ послѣднимъ и пр. Въ это же самое время въ бѣдныхъ семьяхъ дѣти выучиваются отъ матерей выпрашивать, кланяться и попрошайничать. Однако же такое попрошайничество практикуется ими въ отношеніи однихъ только постороннихъ лицъ. Дома, не только въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ не всегда издается въ запасѣ лишній кусокъ лепешки, или чашка какой-нибудь кашицы, но даже и въ состоятельныхъ, особенно среди городского населенія, дѣти до того вымуштрованы, что лишь очень рѣдко сами просятъ ѣсть.

Взятая нами на воспитаніе дѣвочка—сартянка, въ первое время жизни у насъ, пока она не осмотрѣлась, не привыкла къ новымъ для нея порядкамъ и отношеніямъ, никогда ничего не просила, а только усиленно смотрѣла въ глаза, давая этимъ понять, что, если ей дадутъ, то она не прочь чего—нибудь поѣсть. Дома это вкоренили въ нее настолько сильно, что потомъ намъ стоило очень большого труда отлучить ее отъ этой привычки. Не рѣшаясь просить, она въ то-же время не разъ была замѣчена въ вороватости. Впослѣдствіи, когда она стала, не только просить, но даже и удовлетворять своему аппетиту вполне, по личному ея усмотрѣнію, воровскія наклонности совсѣмъ исчезли.

Какъ непонятливъ сартовскій ребенокъ, какъ ни доступно ему пониманіе разговоровъ, ведущихся при немъ старшими, все это однако-же интересуется и занимаетъ его очень мало; поэтому, если только онъ достаточно сытъ и если на дворѣ не особенно холодно, онъ непрестанно помышляетъ о томъ, какъ бы ему улизнуть на улицу. Жаръ его положительно не держитъ. Весь бронзовый, зачастую не только съ открытой головою, но даже и совсѣмъ такъ голый, онъ, будь то мальчикъ, или дѣвочка лѣтъ до 4—5, сидитъ по срединѣ улицы и воздвигаетъ здѣсь вмѣстѣ съ товарищами *куринъ*, крѣпость, сооружаемую изъ толстаго слоя уличной пыли.

Лѣтъ съ 5-ти, 6-ти, ребенокъ здѣсь же, на улицѣ, начинаетъ принимать участіе въ многочисленныхъ общественныхъ дѣтскихъ играхъ, дѣйствующими лицами которыхъ являются одинаково, какъ мальчики, такъ и дѣвочки лѣтъ до 8—9.

Играютъ въ мячъ, въ бабки, въ камешки и въ прятки. Изъ другихъ, болѣе шумныхъ, игръ назовемъ *акъ—терекъ*. Дѣти раздѣляются на двѣ равныхъ партій. Каждая партія беретъ за руки и образуетъ собою шеренгу; обѣ шеренги стоятъ лицомъ другъ къ другу. Изъ одной шеренги на разнѣвъ спрашиваютъ:

„Акъ терекъ ма? Кукъ—терекъ?”

„Вшъ—данъ сызга кимъ керекъ?”

(Бѣлый или сѣрый тополь?)

Кого изъ насъ вамъ нужно?*)

Отвѣчаютъ, такого-то или такую-то. Вызванный бросается на противостоящую шеренгу и старается еѣ прорвать; если это ему удастся, то онъ уводитъ одного изъ разорванной имъ шеренги въ свою; въ противномъ случаѣ самъ остается здѣсь, и игра продолжается.

Ранней весной, до наступленія жаровъ, большинство мальчиковъ, оставляя все другія игры, занято почти исключительно пусканіемъ змѣя, которому здѣсь придаютъ самыя разнообразныя формы, начиная отъ четырехъ-угольника и кончая формою птицы, или дракона. Въ это же время дѣвочки, которыхъ до этой забавы обыкновенно не допускаютъ, усиленно носятъ съ мячами.

Все вообще дѣтскія игры сопровождаются различнѣйшими припевами, пѣсенками и прибаутками.

На улицѣ играетъ въ мячъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ отъ 5 до 9 лѣтняго возраста. Проходитъ мимо караванъ верблюдовъ. Ребятишки бросаютъ игру, собираются въ кучу и, припрыгивая на одномъ мѣстѣ, начинаютъ нараспѣвъ выкрикивать:

„Лѣкъ, лѣкъ, тюляръ!
„Ачйвъ, ачйкъ тюляръ!“
(Верблюды, верблюды!
Горкіе верблюды!)

Идутъ киргизы, и толпа ребятъ съ такими же припрыгиваніями провожаетъ ихъ пѣсней:

„Кыргызъ, кыргызъ, кырылды;
„Биръ бурчакка тыкылды;
„Улай, улай, диганда,
„Кетменъ алыпъ югурды!“
(Киргизы, киргизы, передохли;
Всѣ сбились въ одинъ уголь,
А когда пришла голодная смерть,
Взяли заступы и разбѣжались.)

(Это насмѣшка надъ киргизами, у которыхъ теперь остались однѣ лишь горныя земли, и которые принимаются за хлѣбопашество только при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ.)

Кучка ребятъ играетъ по серединѣ улицы и видитъ приближающагося сарга, наружность котораго кажется озорникамъ почему-либо смѣшною. Слышатся остроты и сдержанный смѣхъ. Саргъ подъѣзжаетъ. Ребятишки, давая ему дорогу, отходятъ въ сторону, а одинъ изъ наиболее бойкихъ съ очень важнымъ видомъ раскланивается, прижимая ладони рукъ къ животу, и говоритъ: „ас—селямъ— алыйкымъ“; саргъ не менѣе важно отвѣтствуетъ: „алыйкымъ—ас—селямъ“ и проѣзжаетъ. Ребятишки перемигиваются и въ догонку проѣхавшему летитъ: „бака!“ (лягушка). Саргъ медленно оборачиваетъ голову, отпуская приличествующее поздравленіе, а пакостники и пакостницы съ гнѣвомъ и громкимъ смѣхомъ, какъ горохъ, разсыпаются по соседнимъ воротамъ и калиткамъ, спасаясь отъ воображаемаго преслѣдованія.

Таки-же шалости продѣлывались и продѣлываются, конечно, и съ русскими. Когда заняли Коканъ, гдѣ дѣти, какъ и вообще въ большихъ городахъ, особенно бойки и шалопливы, нашлись такіе высокоумные россияне, которые не замедлили усмотрѣть во всѣхъ этихъ дѣтскихъ шалостяхъ политическую подкладку и настоятельно изывали къ начальству о необходимости драть за подобное третированіе ихъ національной гордости, не только озорныхъ сартятъ, но, буде окажется возможность, также и ихъ родителей, внушая имъ тѣмъ самымъ уваженіе къ имени русскому.

Не менѣе пѣсенокъ и прищѣвовъ дѣти любятъ рѣшмы — акспромты и загадки.

Ранней весной чаще другихъ, дѣтскихъ пѣсенокъ можно слышать:

„Ляйлякъ вѣлды, въ булды;
„Пски чапанъ буз-варды“.
(„Прилѣтели аисты, лѣто настало.
„И изорвало старый халатъ“.)

Приведемъ нѣсколько загадокъ:

1) „Тапъ-тапъ итады
„Тагиданъ караванъ утады.
(Само издаетъ звукъ: тапъ-тапъ.
А внизу его проходить караванъ).

Сито, черезъ которое просѣиваютъ муку.

2) Съ одной стороны идетъ свѣгъ, съ другой
градъ.

(Очистка хлопка отъ сѣмянъ. На одну сторону чарыка падаетъ вата, а на другую сѣмяна шить).

3) Идетъ, идетъ, назадъ не оглядывается. (Вода).

4) „Каузынъ устыда булакъ;
„Булакынъ устыда чиракъ;
„Чиракынъ устыда калямъ;
„Калымынъ устыда чангаль;
„Чангальнынъ ичидъ допгузъ“.

(Надъ прудомъ родникъ; надъ родникомъ свѣтило; надъ свѣтиломъ камышъ; надъ камышемъ кустарникъ, а въ кустарникѣ сивья).

Ротъ, носъ, глаза, брови, волосы и насѣкомое.

Въ длинныя зимніе вечера любимымъ развлеченіемъ дѣтей являются сказки, въ общемъ очень сходныя съ нашими. (Золотая рыбка; баба-Яга; коверь-самолетъ). Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

✓ *Сказка первая.* Жилъ былъ сартъ. Жена у него умерла; остались отъ него мальчикъ и дѣвочка. Сартъ женился на другой женѣ. Черезъ нѣсколько времени она забеременила и стала привередничать. Однажды говоритъ мужу: „завѣжь своего сына, а его съѣмъ“. Жаль сарту сыпишку, да и женѣ то хочется угодить. Позвалъ онъ сына въ садъ, собирать хворостъ на топливо. Черезъ нѣсколько времени приходитъ назадъ одинъ, безъ сына и говоритъ женѣ: „ступай подъ навѣсъ, тамъ подъ снопомъ хвороста найдешь то, чего просла“. Пошла жена подъ навѣсъ, сварила тамъ пасынка и съѣла, а кости выбросила на дворъ. Увидѣла на другой день эти кости падчерица, узнала въ нихъ кости своего брата и заплакала слезами. Поплакала, заплакала, собрала все косточки до одной, сложила въ мѣшечекъ и повѣсила на тѣтъ. Кости обратились въ горлицу. Проходитъ мимо разносчикъ. „Спой, говоритъ, мнѣ горлица пѣсню“. — „Дай мнѣ иголку, спю“. Далъ разносчикъ горлицѣ иголку, съѣла. Разносчику поправилось. „Спой, говоритъ, еще“. — „Дай еще одну иголку, спю“. Далъ разносчикъ еще одну иголку, горлица еще съѣла. Пошелъ отецъ въ мечеть, видитъ—на тѣтъ сидитъ горлица и не поетъ. „Спой, говоритъ, мнѣ, горлица, пѣсню“. — „Закрой глаза и открой ротъ, тогда я спю“. Только что отецъ успѣлъ закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ него иголку. Иголка попала въ ротъ и прошла во внутренности. Отецъ тотчасъ же умеръ. Вышла мачиха на дворъ, хлѣбъ печь, и видитъ издали на тѣтъ горлицу. „Спой, говоритъ, мнѣ, горлица, пѣсню“. — „Закрой глаза и открой ротъ, спю“. Только она успѣла закрыть глаза и открыть ротъ, горлица бросила въ нее иголку; и мачиха тутъ же умерла. Тогда горлица спустилась на землю, перекувыркнулась и стала хорошевымъ мальчикомъ.

Сказка вторая. Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ былъ Султанъ и у него было сорокъ визирей. Одинъ изъ нихъ былъ любимцемъ султана; остальные визири завидовали ему и захотѣли его извести. Пришли они однажды къ Султану и говорятъ: „*таксиръ*, вамъ нужно бы украсить свой дворецъ

такой штукой: сдѣлать изъ скорлупы грѣцкаго орѣха два прудика, въ которыхъ вода сама переливалась бы изъ одного въ другой. Повелите это вашему любимцу, ояъ сдѣлаетъ". Призываетъ Султанъ своего любимаго визиря и велить ему сдѣлать сказанное въ теченіи сорока дней. Загоревалъ визирь и пошелъ въ степь, думать какъ ему быть, какъ избѣгнуть Султанскаго гнѣва. Тамъ къ нему явился св. Хызиръ, далъ ему скорлупки отъ грѣцкаго орѣха и велѣлъ идти и врыть ихъ въ землю во дворѣ султанской *урды*. Визирь пошелъ, врылъ скорлупки въ землю на Султанскомъ дворѣ: откуда ни взялась вода и стала переливаться изъ одной скорлупки въ другую. Видятъ завистники, что дѣло ихъ не выгорѣло и идутъ опять къ Султану. „Вамъ бы, говорятъ, *максуръ*, слѣдовало построить такой домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Прикажите вашему любимцу, ояъ это сдѣлаетъ.“ Призываетъ Султанъ своего любимца и говоритъ ему: „построй мнѣ черезъ сорокъ дней домъ, который не касался бы ни земли, ни неба. Ты долженъ найти только каменьщики, а матеріаль и другихъ рабочихъ я тебѣ найду.“ Закручинился визирь и пошелъ съ горя странствовать. Дорогой къ нему присталъ какой-то старикъ. Пошли вмѣстѣ. Пришли въ тотъ городъ, гдѣ жила спутница визиря. Старикъ звалъ его къ себѣ. У старика оказалась красавица дочь; влюбилась она въ визиря и вышла за него замужъ. Въ первый день свадьбы сидитъ визирь грустный и вздыхаетъ. Молодая жена спрашиваетъ его, что съ нимъ. Говоритъ ей визирь, что велѣлъ ему Султанъ выстроить такой то домъ. „Ступайте, говоритъ жена, въ поле и поймите молодого жаворонка“. Пошелъ визирь въ поле, поймалъ молодого жаворонка и привезъ къ женѣ. Та въ вѣсколько дней научила его кричать: „Лой! Гыштъ!“ (Этимъ словами туземные каменьщики поучаютъ рабочихъ, подающихъ имъ цементъ—*лой* и кирпичъ—*гыштъ*).

Отправились къ Султану. Визирь говоритъ: „у меня рабочіе готовы, велите начинать работу“. Приготовили кирпичи и цементъ; собрались поденщики. Визирь незаметно подбросилъ на верхъ жаворонка; тотъ взвился высоко и кричитъ оттуда: „Лой! Гыштъ!“ Рабочіе бросаютъ вверхъ кирпичи, но они падаютъ внизъ, очевидно, не достигая до видимыхъ никому каменьщиковъ. Тогда только Султанъ по-

нили, что работа эта не возможна, а впоследствии уразумѣлъ даже и то, что все это были козни завистливыхъ низирей.

Сказка третья. На берегу большой, глубокой, прозрачной рѣки былъ обширный тугай (заросль кустарниковъ, камыша и пр). Въ тугай жили и кабаны, и дикія козы, и зайцы, и лисы, и всякіе звѣри. Жили мирно и дружно, такъ какъ всемъ было и сытно, и просторно. Житье было бы чудесное, если бы однажды въ томъ же тугай не поселился тигръ. Началъ онъ хватать и ѣсть и козъ, и кабановъ, и зайцевъ, и лисъ. Собрались звѣри на совѣтъ. Судили, рязли, но ни до чего не додумались. Тогда лиса дала такой совѣтъ: „Чѣмъ всемъ намъ жить въ постоянномъ страхѣ, распорядимся, говорить, лучше такъ: будемъ добровольно ходить къ тигру на закуску по очереди; я сама пойду къ нему шести объ этомъ переговоры, а вы за это избавите все мое потомство отъ очереди“. Звѣри согласились. Пошла лиса къ тигру и говорить: „*Таксыръ*, чѣмъ вамъ бѣгать за нами по тугаю и беспокоиться, лежите вы лучше смирно, а я каждый день сама буду приводить къ вамъ разныхъ звѣрей на закуску“. Согласился и тигръ. Лиса стала водить къ нему разныхъ своихъ друзей, но скоро тигръ не удовольствовался этимъ: кромѣ добровольно приходившихъ къ нему на закуску звѣрей, сталъ ловить и другихъ и ѣсть ихъ по прежнему. Звѣри опять перенюхались и опять собрались на совѣтъ. Тутъ выступилъ тушканчикъ и сказалъ такъ: „на нѣсколько дней все спрячтесь въ норы и логовища и нигуда не выходите; наче всего не ходите къ тигру на закуску, а тамъ ужъ я самъ все устрою“. Звѣри попрятались. Тигръ ждетъ день, ждетъ два, никто не является. Проголодался тигръ и разсвирѣпѣлъ. Тогда является къ нему тушканчикъ и говорить: „*Таксыръ!* въ нашемъ тугай появился тигръ, совершенно похожій на васъ и—еще болѣе васъ—лютой. Многихъ онъ передумилъ, а остальные разбѣжалась въ разные стороны, отчего царство ваше опустѣло. Вы конечно сильнѣе вашего противника и должны его извести, дабы возстановить порядокъ. Убейте его, тогда все звѣри вернутся въ тугай и снова начнутъ являться къ вамъ на закуску.“

Тигръ согласился. Тогда тушканчикъ повелъ его, обѣщая показать, гдѣ скрывается врагъ. Привелъ онъ тигра къ обрывистому берегу рѣки и говоритъ: „посмотрите внизъ, онъ навѣрно тамъ“.

Тигръ глянулъ внизъ и увидѣлъ въ водѣ свое изображеніе; пообразивъ, что это и есть его противникъ, тигръ бросился внизъ и утонулъ. Съ той поры въ тугаѣ опять водворился миръ и спокойствіе.

Сказки рассказываютъ обыкновенно зимой, по вечерамъ, когда старшіе, по большей части, вичѣмъ не заняты. Настаетъ весна, тепло. Вездѣ принимаются за работы. Ребятишки привыкли за зиму къ сказкамъ и пристають къ матери или отцу: расскажи, да расскажи. Тѣмъ некогда и они говорятъ отъ себя ребята; ребята въ ревъ. Тогда послѣднихъ заугиваютъ, увѣряя, что у каждаго, кто рассказываетъ, или слушаетъ сказки по зимой, а весной, или лѣтомъ, въ непоказанномъ мѣстѣ выростутъ зубы. Какъ ни пріятно слушать сказки, однако страхъ зубовъ, выросшихъ въ непоказанномъ мѣстѣ, беретъ свое и ребятишки устремляются на улицу, гдѣ и пребываютъ, почти исключительно, вплоть до наступленія новой зимы.

Лѣтъ съ 8—9 дѣвочка играетъ, по преимуществу, съ дѣвочками же, а не съ мальчиками. Съ этого времени, и обыкновенно впродъ до выхода за мужъ, главнѣйшей ея забавой становятся куклы (*мурчакъ*), по большей части очень уродливыя, ея же собственнаго приготовленія. Кукламъ шьются рубахи, халаты, одѣяла и подушки. Онѣ выходятъ замужъ, родятъ и умираютъ. Обыкновенно въ куклы играютъ по нѣскольку дѣвочекъ вмѣстѣ. На куклиныхъ сватбахъ поютъ нѣсни и пляшутъ, а на похоровахъ воютъ. Иногда, наскучивъ куклами, дѣвочки играютъ или въ *мидманъ-мидманъ* (гости), при чемъ однѣ изображаютъ гостей, а другія хозяекъ, или въ сватьбу же, гдѣ роль невесты достается одной изъ дѣвочекъ, а къ изображенію жениха привлекается одинъ изъ младшихъ братьевъ. Драки между дѣвочками этого возраста становятся значительно рѣже, но за то ругаются онѣ самымъ безпощаднымъ образомъ. Такъ какъ ругань вообще очень распространена между сартами, особенно въ

высшихъ классахъ общества, то на ругань дѣтей почти никакого вниманія не обращается и никто ихъ отъ этого занятія не удерживаетъ, по какой причинѣ съ очень еще равнымъ возрастомъ дѣти доходятъ въ этомъ отношеніи до значительной степени совершенства. Ругаются съ большимъ чувствомъ, очень внушительно и обладаютъ въ большинствѣ случаевъ громаднымъ запасомъ самыхъ стереотиповъ. Единственно, что отъ нихъ, дѣтей, требуется и обществомъ, и родителями, — это непремѣнное употребленіе только тѣхъ, какъ отдѣльныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ фразъ ругательскаго содержанія, которыя приняты обычаемъ для данного пола.

Намъ лично приходилось видѣть случаи, когда мать била дѣвочку не за то, что она ругается, а за то, что, ругаясь, извергаетъ слова, употребленіе коихъ принято только у мужчинъ, за то, что дѣлаетъ посылы, на осуществленіе которыхъ не имѣетъ никакой физической возможности.

Около того же возраста, т. е. лѣтъ около 8—9, дѣвочка начинаетъ учиться шитью, очисткѣ хлопка и пряжѣ. Учить ее, по большей части, сама мать, рѣже которая-нибудь изъ родственницъ. Если имѣется желаніе и возможность, то съ этого же возраста начинается и обученіе грамотѣ. Въ результатъ послѣдняго въ большинствѣ случаевъ получается: умѣнье читать коранъ, или часть его, не понимая, разумѣется, смысла читаемаго; умѣнье съ трудомъ разбирать книги, написанныя на турецкомъ языкѣ, и рѣже — умѣнье написать простенькое письмо со множествомъ ошибокъ. Хорошо знающія грамоту женщины очень рѣдки. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Омартъ-хана (1816—1821) въ Кокаль существовало двѣ поэтессы, писавшихъ: одна подъ псевдонимомъ *Зимидъ*, а другая — подъ псевдонимомъ *Махлуки*. Увѣряютъ, что одна изъ нихъ явилась ко двору хана въ мужскомъ платьѣ, съ открытымъ лицомъ и имѣла (генеральскій) титулъ — *датта*. Произведенія обѣихъ вошли въ *Маджму-и-Шуаръ*, сборникъ стиховъ, написанныхъ, какъ самимъ Омартъ-ханомъ, такъ равно и его придворными поэтами.

Обученіемъ дѣвочекъ грамотѣ занимаются женщины — учительницы, *атунки*, при чемъ самое обученіе производится обыкновенно на дому у такихъ учительницъ и по тому же почти методу, о которомъ мы упоминали уже выше, говоря о низшей школѣ (*мактабъ*) для мальчиковъ.

Годами къ 9—10 волосы у дѣвочки отрастаютъ; ихъ начинаютъ заплетать въ нѣсколько мелкихъ косокъ, изъ которыхъ по одной, или по двѣ, заплетаютъ на вискахъ, надъ ушами.

Тюбетейки она уже больше не носитъ, а повязываетъ голову, также какъ и взрослая женщины, платкомъ.

Въ это же время въ богатыхъ семьяхъ дѣвочка снабжается болѣе или менѣе полнымъ комплектомъ такихъ украшеній, какъ ожерелья, кольца, серьги и браслеты; она замѣтно и все больше и больше начинаетъ заботиться о своей паружности и самымъ тщательнымъ образомъ изучаетъ науку туземнаго кокетства. Не рѣдко случается, что говоря до сихъ поръ совершенно правильно, она вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ картавить и шепелявить, что, какъ мы уже сказали выше, въ данномъ возрастѣ туземными дѣвочками считается однимъ изъ орудій кокетства. вмѣстѣ съ тѣмъ она начинаетъ усиленно подкрашивать брови и рѣспицы, а передъ праздникомъ красить себѣ ногти и ладони шафраномъ.

Въ томъ случаѣ, если родители имѣютъ желаніе выдать ее за мужъ въ возможно непродолжительномъ времени, дѣвочкѣ начинаютъ по пемногу прибавлять года; вмѣсто 10—11 ей оказывается уже 12 лѣтъ.

Если дѣвочка старшая изъ дѣтей, то младшіе братья и сестры зовутъ ее *анд*, или *беве*, до известной степени бояся ее и слушаются не рѣдко болѣе даже, чѣмъ матери.

Но бѣда ея, если у нея есть старшій братъ; тогда она въ семьѣ почти ничто: она лишь нянька и помощница матери; она не имѣетъ никакого голоса даже въ самыхъ мелкихъ семейныхъ дѣлахъ; младшія дѣти замѣчаютъ это, конечно, безъ большаго труда и ей очень рѣдко удается не только держать ихъ въ повиновеніи, но даже и имѣть хотя бы какое-нибудь на нихъ вліяніе. Все это переходитъ въ руки старшаго брата.

Въ городахъ, по достиженіи 12—13 лѣтняго возраста (въ кишлакахъ иногда нѣсколько позже), дѣвочка надѣвается *пиринджі* и *чибельъ*. Про нее говорятъ: „*балакишкй йтти*“ (пришла въ возрастъ), или „*кузи курунунъ клады*“ (начинаетъ нравиться; производитъ впечатлѣніе). Дѣвочка обращается въ дѣвушку, въ певѣсту.

ДѢВУШКА. ОВАТОВОТВО И БРАКЪ.

Первый дѣвическій *паранджид*, шьется по большей части не изъ той сѣрой материн, какъ у женщинъ, а изъ бѣлаго тика съ узкими красными полосками. Остальной затѣмъ костюмъ и прическа остаются тѣ же, что и у дѣвочки. Въ городахъ, широчемъ, даже и въ бѣдныхъ семьяхъ, при первой же возможности дѣвушка снабжается ичигами; босякомъ она уже болѣе не ходитъ, а калоши на босу ногу надѣваетъ лѣтомъ только и т.о. главнымъ образомъ, дома.

Игры съ подругами и сверстницами на улицѣ прекращаются. Дѣвушка начинаетъ принимать все большее и большее участіе въ такихъ работахъ, какъ приготовленіе нищи, очистка хлопка и пряжа нитокъ.

Дома она можетъ рѣзвиться и рѣзвится, сколько ей угодно, но, выходя на улицу, должна держать себя и дѣйствительно держать, въ большинствѣ случаевъ, очень сдержанно и прилично.

Изъ дому она рѣдко уходитъ одна, особенно если ей предстоитъ идти далеко. Очень часто ее сопровождаетъ кто либо изъ младшихъ сестеръ, или братьевъ. Не считается однако-же зазорнымъ, если нѣсколько подругъ, собравшись вмѣстѣ, отправляются куда бы то ни было и безъ провожатыхъ. Такими компаніями дѣвушки однолѣтки ходятъ обыкновенно на *сайли*, на представленія акробатовъ и пляску *батчей* во время праздниковъ и проч.

Главнѣйшими забавами и развлеченіями этого возраста слѣдуетъ назвать: куклы, съ которыми очень часто не расстаются и въ первое время замужества (14—15 лѣтъ), и сборища. Сборища эти можно подраздѣлить такъ, какъ и женскія, на два разряда: праздничныя и рабочія. Ко вторымъ относятся сборища дѣвушекъ (и женщипъ) у знакомыхъ на посидѣлки, иногда со своей работой, и помочь, на которую приглашаютъ знакомыхъ для очистки хлопка, или перебиванья ваты, шитья одѣялъ, или сбора коробочекъ хлопчатника. Большинство этихъ сборищъ сопровождается пляской, битьемъ въ бубенъ и пѣснями. Пляшутъ почти такъ-же, какъ и *батчей*. Поютъ въ большинствѣ случаевъ плохо, не смотря на то, что есть напѣвы очень музыкальные. Пѣть стараются возможно громче и возможно высокими нотами; въ

результатъ получается визгъ или выкрикиваніе, при чемъ въдобавокъ многія (также какъ и мужчины) поютъ въсколько въ пось, полагая въ этомъ особенную чувствительность.

Одновременно съ тѣмъ, какъ 12—13-лѣтняя дѣвочка надѣваетъ *паранджи* и *чимбетъ*, отношенія къ ней взрослыхъ быстро мѣняются. Женщины начинаютъ говорить съ ней почти какъ съ равной, часто упоминая при пей о возможности скораго замужства. Если она и играетъ въ куклы, то только съ тѣми подругами, которыя моложе ея годами. Съ подругами однолѣтками она забавляется уже не куклами, а ибѣнями, пляской и разговорами. Очень нерѣдко темою послѣднихъ являются сны, иногда быть можетъ даже и вымышленныя, но всегда почти касающіеся такъ или иначе того, что ожидать её впереди, въ замужствѣ. Далеко не рѣдки случаи, когда въ этомъ же возрастѣ, въ 12—13 лѣтъ, дѣвочкой овладѣваетъ столь пламенное желаніе сочтаться бракомъ, что всё ея помышленіе останавливается исключительно почти на этомъ вопросѣ. Одна изъ нашихъ приятельницъ сартинокъ чистосердечно признавалась намъ въ томъ, что когда её выдавали замужъ (на 12—13 году), она была столь рада этому обстоятельству, что въ день свадьбы скакала, прыгала, носилась по дому какъ угорѣлая и притихла лишь послѣ трѣнки, полученной ею за то, что она на радостяхъ совсѣмъ забыла объ обычномъ у сартовъ вытѣѣ невѣсты.

Въ дѣтствѣ дѣвочка сдружается съ подругами и сверстницами путемъ игры. Дѣвушки сближаются главнымъ образомъ при посредствѣ общаго ихъ мыслей: также какъ и женщины сходятся онѣ чрезвычайно быстро, но тѣмъ не менѣе никогда почти не приходилось наблюдать особенно долгой и тѣсной дружбы. На сколько быстро эта дружба возникаетъ, на столько же, если еще не быстрой, она и разрушается иногда по самымъ ничтожнымъ, мелочнымъ поводамъ.

Къ 13—14 годамъ характеръ дѣвушки въ большинствѣ случаевъ воцѣлѣ почти слагается; главнѣйшія черты его совершенно идентичны съ чертами характера молодой женщины. Только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ характеръ этотъ въсколько измѣняется подъ вліаніемъ впечатленія перваго періода брачной жизни. На большинство же, прекрасно знакомое съ тѣмъ, что ждетъ ихъ за этихъ рубикономъ,

Бракъ самъ по себѣ совсѣмъ почти не вліяетъ въ отноше-
ніи измѣненій характера. Гораздо болѣе важнымъ момен-
томъ въ послѣдствіи является рожденіе перваго ребенка. Не
разъ приходилось видѣть примѣры того, какъ до 19—20 лѣтъ
молодая женщина-сартянка и по привычкамъ и по характеру
оставалась совершенно такой же, какой она была въ то время
когда выходила замужъ на 13—14 году. Непосѣдливая, вѣчно
праздная, вспыльчивая, а иногда просто таки злая, родивъ
перваго ребенка, она дѣлалась совершенно неузнаваемой;
она становилась въ высшей степени спокойной и ровной,
начинала мало по малу приниматься за работу и отнюдь не
проявляла болѣе той злобой вспыльчивости, которая еще
такъ недавно была одной изъ основныхъ чертъ ея характера.
Замѣтимъ однакоже, что этотъ послѣдній ходъ развитія
правдиваго міра туземной женщины, конечно не можетъ
считаться общимъ. Скорѣе его слѣдуетъ назвать одною изъ
наиболѣе удачныхъ случайностей, такъ какъ основныя черты
характера, замѣчаемыя нами у дѣвушки, но большей части
остаются ея достояніемъ до могилы.

Одновременно съ тѣмъ, какъ складывается характеръ
дѣвушки, замѣчаются и нѣкоторыя измѣненія въ ея наруж-
ности. Къ 14—15 годамъ, а иногда и раньше, лицо сильно
грубѣетъ. Всего вѣроятнѣе, что для большинства явленіе это
бываетъ совокупнымъ результатомъ какъ вліяній климата и
дѣйствія солнечныхъ лучей, такъ равно и крайней неудов-
летворительности питанія и той степени чистоты, въ усло-
віяхъ которой вырастаетъ и живетъ большинство туземцевъ.
Очень перѣлки случаи, когда, чрезвычайно хорошенькая и
изящная въ дѣтствѣ, дѣвушка-сартянка успѣваетъ огрубѣть
и сильно подурнѣть еще до замужества.

Начало менструацій въ среднемъ относится къ 15-му
году. Въ частности, по замѣчанію сартовскихъ женщинъ,
возрастъ этотъ различенъ въ зависимости отъ матеріальнаго
благосостоянія той семьи, въ которой дѣвушка вырастаетъ.
Такъ напр., по увѣренію сартянокъ, у дочерей мясниковъ
менструаціи наступаютъ около 12 лѣтъ⁽¹⁾, а у дочерей *арба-*

(1) Объ этомъ же упоминается, между прочимъ, и въ тѣхъ
книгахъ *шаріаги*, которыя написаны въ средней Азіи, какъ напр.
Хидай—и—*Шерифъ*.

кдшей, постоянно занимающихся извозомъ въ отдаленныя мѣстности, дѣтъ около 18 или 19-ти. Такое запаздываніе менструацій у послѣднихъ объясняется тѣмъ, что отецъ, находящійся въ частыхъ и продолжительныхъ отлучкахъ, не рѣдко оставляетъ семью безъ всякихъ средствъ; при такихъ условіяхъ семьѣ этой приходится зачастую, и иногда по долгу, довольствоваться самымъ скуднымъ питаніемъ. (Средній возрастъ первыхъ родовъ находится между 16 и 20 годомъ, а начало фактическаго сожитія съ мужемъ наступаетъ обыкновенно послѣдъ за заключеніемъ брака, т. е. въ среднемъ между 13 и 15 годомъ, при чемъ у большинства менструацій начинаются уже по выходѣ въ замужество).

Случаи старыхъ дѣвъ сравнительно очень рѣдки и встрѣчаются по преимуществу между дочерями *ходжей*, которые (какъ уже замѣчено выше), женясь сами безразлично на дѣвушкахъ и женщинахъ *караи*, дочерей своихъ отдаютъ только за *ходжей* же.

Такое отсутствіе здѣсь старыхъ дѣвъ обуславливается многими причинами. Во первыхъ, въ отношеніи условныхъ понятій о красотѣ сарты крайне мало требовательны и разборчивы; во вторыхъ, при условіи незначительныхъ размѣровъ *калина*, сартъ всегда считаетъ женитьбу выгодною для себя, такъ какъ въ лицѣ жены онъ пріобрѣтаетъ по меньшей мѣрѣ сотрудницу; въ третьихъ, благодаря сравнительной свободѣ разводовъ, брачующіеся стороны очень мало чѣмъ рискуютъ; въ четвертыхъ, религія смотритъ на бракъ, какъ на явленіе желательное для каждаго человѣка, при чемъ особенно полезнымъ признаетъ его для женщины, которая пріобрѣтаетъ въ мужѣ покровителя и защитника ея правъ; въ пятыхъ, завѣтною мечтой, завѣтнымъ жизненнымъ идеаломъ каждаго солиднаго и истарого сарта является оставленіе постѣ себя потомства и возможность видѣть подѣ старость дальнѣйшіе его отпрыски, отчего каждый туземецъ старается жениться въ молодыхъ годахъ. Такимъ образомъ для каждой дѣвушки, не представляющей собою совершеннаго урода, выходъ замужъ можетъ считаться и считается вполне почти гарантированнымъ тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ она не принимаетъ никакого участія въ выборѣ жениха, ибо согласіе на сдѣланное черезъ свахъ или сватовъ предложеніе дается родителями певѣсты, а не самой послѣдней.

Случается, впрочемъ, что дѣвушка заживается иногда до 20—23 лѣтъ. Причинами этого являются обыкновенно слѣдующія, болѣе или менѣе исключительныя обстоятельства: или про данную дѣвушку ходятъ упорныя слухи о томъ, что она особенно плохая работница; или женихъ по несостоятельности растягиваетъ уплату *калма* на нѣсколько лѣтъ, а потому на такой же срокъ откладывается и сама свадьба; или, наконецъ, богатые и чванлые родители долго отказываютъ женихамъ, надѣясь, что для ихъ дочери внослѣдствіи выищется болѣе подходящій. (Года три тому назадъ, въ Наманганѣ, въ одной богатой сартонской семьѣ родители, дожидаясь такого подходящаго жениха, довели дѣло до того, что ихъ 23 лѣтняя дочь сбѣжала съ татаринномъ).

Въ среднемъ туземныя дѣвушки, какъ уже было сказано выше, выходятъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годовъ. Бываютъ однакоже примѣры выхода и въ значительно болѣе раннемъ возрастѣ, лѣтъ 10—11; обыкновенно такія несовершеннолѣтняя жена хотя и живетъ у мужа, но не вступаетъ съ нимъ въ фактическое сожитіе; въ тѣхъ случаяхъ, когда сожитіе начинается съ такими несовершеннолѣтними женами вѣдь за бракосочетаніемъ, это очень часто влечетъ за собою довольно серьезныя патологическія послѣдствія и сопровождается предварительнымъ искусственнымъ опьяненіемъ дѣвочки при посредствѣ вина или опиума.

У туземцевъ, также какъ и у большинства другихъ народовъ, вѣстѣ дѣвушкѣ, дѣвственницѣ, отдается полное предпочтеніе передъ *джунгъ*, женщиной, недѣвственницей, будь то вдова или разведенная. Помимо мотивовъ общечеловѣческихъ причинами сказаннаго здѣсь являются еще: во первыхъ, религіозное повѣрье, гласящее, что на томъ свѣтѣ женщина будетъ желюю перваго своего законнаго мужа, т. е. того, съ которымъ она сочеталась, будучи дѣвушкой, а во вторыхъ, отношенія къ этому вопросу и самой религіи, наиболѣе одобряющей бракъ съ дѣвушками же (см. Коранъ, Глава 5 ст. 7; Глава 4 ст. 29 и Глава 2 ст. 235). Но разъ сартъ рѣшаетъ по тѣмъ или другимъ причинамъ жениться не на дѣвушкѣ, а на *джунгъ*, то тогда опять не дѣлаетъ уже никакого различія между вдовой и разведенной, лишь бы остальныя условія этого брака въ видѣ возраста невесты, размѣра расходовъ по свадьбѣ и пр. были подходящими. Большинство не придаетъ также никакого значе-

нія и тому, за сколькоми мужьями успѣла побывать разведенная женщина-невеста и каково было ея прежнее поведеніе.

Въ житейской практикѣ, особенно среди бѣдныхъ классовъ, мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ примѣрами того, какъ женщины, завѣдомо занимавшіяся не только тайной, но даже и открытой проституціей и дающія обѣщаніе прекратить этотъ образъ жизни, безъ большаго труда находятъ себѣ мужей, совершенно игнорирующихъ прошлое, такъ какъ заключеніе брака уже само по себѣ считается вполне достаточнымъ искупленіемъ этого пропалаго.

Есть, впрочемъ и другія причины, по которымъ при плохихъ обстоятельствахъ мужчина отдаетъ предпочтеніе браку съ женщиной передъ бракомъ съ дѣвушкой. Дѣло въ томъ, что *калымъ* платится обыкновенно только за дѣвушку. Женясь на вдовѣ или разведенной, сартъ беретъ на себя лишь расходы по свадьбѣ (угощеніе), которые въ бѣдныхъ и среднихъ классахъ никогда не превышаютъ 30 много 40 руб., а иногда психодать даже до 4 р. сер.

За невесту — *откупна*, не дѣвственницу, *калымъ* платится въ тѣхъ только случаяхъ, если:

1) она не разведена еще съ мужемъ, при чемъ желаемый разводъ вызываетъ необходимость установленной закономъ (для некоторыхъ случаевъ) уплаты первому (ей) мужу того *калыма*, который былъ данъ имъ при заключеніи брака;

2) если разведенная уже женщина состоитъ въ долгу у родственниковъ, возвратившихъ за нею первому ея мужу *калымъ* во время совершенія развода.

При подобныхъ условіяхъ развода и слѣдующаго за нимъ новаго брака должная сумма денегъ уплачивается женихомъ или первому мужу невесты, или ея родственникамъ. Однако же, какъ мы увидимъ это ниже, подобнаго рода обязательства далеко не всегда ложатся на женщину, разводящуюся съ мужемъ, а потому, во первыхъ, разведенныя и вдовы дѣлаются вполне свободными, такъ какъ послѣ заключенія перваго брака родительская власть надъ ними рушится и онѣ сами уже располагаютъ дальнѣйшею своею судьбой, а во вторыхъ, для мужчинъ вступленіе въ бракъ съ большинствомъ изъ нихъ значительно облегчается, ибо съ устраненіемъ необходимости уплаты *калыма* значительно же уменьшаются и размѣры расходовъ по свадьбѣ.

Выданая замужъ дочь (или жена сына), родители всегда отдають предпочтеніе бракамъ близкимъ какъ по разстоянію, такъ и по родству, передъ браками отдаленными; при этомъ, вступая въ бракъ съ родственниками, наблюдаютъ за тѣмъ лишь, чтобы не перейти въ этомъ отношеніи границъ, указанныхъ и установленныхъ религіею. (Коранъ. Глава 4).

Браки близкіе по разстоянію предпочитаются невестой и ея родителями потому, что иначе, уйдя далеко отъ нихъ и др. родственниковъ, молодая женщина очутится на чужбинѣ, первое время замужества будетъ долго скучать, а впоследствии, если бы это понадобилось, не будетъ имѣть при себѣ надежныхъ защитниковъ ея личныхъ интересовъ и правъ. Браки близкіе по родству предпочитаются и родителями жениха, ибо въ этомъ случаѣ обыкновенно рассчитывается и возлагается много надеждъ на возможность устроить дѣло по родственному, съ уплатой возможно меньшаго *калма*.

Въ городахъ очень перѣдки случаи, когда женихъ совсемъ не знаетъ и никогда не видѣлъ своей невесты; онъ видитъ её въ первый разъ послѣ свадьбы, когда молодую привезутъ въ его домъ. Такой порядокъ сватовства и женитьбы считается нормальнымъ, должнымъ, а потому сартъ далеко не всегда признается въ томъ, что ему удалось видѣть свою невесту до брака или до сватовства. Приличіе требуетъ скрывать отъ постороннихъ то, что невеста была высмотрѣна, а иногда даже и болѣе чѣмъ высмотрѣна, еще за долго до свадьбы. Въ большинствѣ же тѣхъ случаевъ, когда сартъ женится на дѣвушкѣ одного съ нимъ кишлака или одного городского квартала, онъ обыкновенно очень хорошо знаетъ на комъ женится, и какова его будущая жена. Во-первыхъ, онъ нѣсколько разъ видѣлъ свою невесту дѣвочкой, когда она бѣгала по улицамъ съ открытымъ еще лицомъ; во вторыхъ, если бы даже этого и не было, то родственники всегда устроятъ дѣло такъ, чтобы онъ могъ вполне разглядѣть дѣвушку до сватовства или до свадьбы, хотя бы на томъ же *сумалаяхъ*, обычай котораго описанъ выше; въ третьихъ, наконецъ, если сватовство происходитъ въ кишлакѣ, женихъ можетъ рассмотреть невесту во время уборки хлопчатника и пр. Что же касается до дѣвушки, то ей рассмотреть своего жениха еще легче, такъ какъ мужчины не прячутся и лицъ не закрываютъ.

Такимъ образомъ большинство брачующихся, живущихъ въ одномъ и томъ же селеніи или кварталѣ города, всегда имѣютъ возможность рассмотреть другъ друга. (Мы не говоримъ, конечно, о близкихъ сосѣдяхъ, для которыхъ все сказанное облегчается еще болѣе). Тѣмъ не менѣе браки по любви или, по крайней мѣрѣ, такіе браки, которые заключались бы вслѣдствіе хотя бы въ некотораго взаимнаго влеченія, далеко не часты. Обусловливается это, конечно, прежде всего тѣмъ, что согласіе на бракъ дается у большинства не дѣвушкой, и ея родителями, при чемъ въ виду имѣются главнымъ образомъ вопросы чисто матеріальнаго характера, а во вторыхъ, слишкомъ мало такихъ условій при которыхъ возможно было бы исполнѣ свободное нравственное сближеніе между мужчиной и дѣвушкой. Оттого такіе браки по любви встрѣчаются по преимуществу не для дѣвушекъ, а для молодыхъ вдовъ и разведенныхъ, которыя, по своему общественному положенію болѣе или менѣе самостоятельныхъ женщинъ, имѣютъ въ сравненіи съ дѣвушками гораздо больше возможности столкновеній съ мужчинами при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Такъ напр. мы знали одного молодого, холостяго еще *арбакеши*, которому пришлось однажды везти изъ одного города въ другой, въ тотъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, незнакомую ему женщину. Въ дорогѣ они пробыли около трехъ дней. Разговорились. Оказалось, что пассажирка была молодая вдова, ничего не имѣющая противъ вторичнаго замужства. Дорогою, въ безлюдныхъ мѣстахъ, она по обыкновенію поднимала *чимбѣтъ* и открывала такимъ образомъ свое лицо. *Арбакеши* рассмотрѣлъ ее и рѣшилъ на ней жениться. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ отецъ молодого человѣка согласился на бракъ сына со вдовой и бракъ этотъ состоялся.

Какъ ни рѣдки сравнительно браки по любви для дѣвушекъ, однако же случаются и они. Мы знали одну богатую купеческую семью, въ которой дочь, лѣтъ 14—15 сошлась съ молодымъ сосѣдомъ. Однажды ихъ накрыли; дѣло не обошлось, конечно, безъ трѣпки и въ некотораго скандалчика. Тѣмъ не менѣе мѣсяца черезъ два послѣ этого происшествія оказалось несомнѣннымъ, что дочь находится уже во второй половинѣ беременности, и родителямъ волей не волей пришлось поскорѣе выдать беременную дѣвцу за ея любовника. Старшая сестра сбѣжала съ татаринкомъ, а

мѣстный поэтъ не упустить случая написать по этому поводу длинный и достаточно ѣдкій *хиджъ* (сатира).

Въ старину часто практиковался выходящійся нынѣ изъ употребленія обычай сватовства съ колыбели (*бишдъкъ кертанъ*). Поводомъ къ такому роду сватовства служатъ обыкновенно: во первыхъ, дружескія отношенія родителей мальчика и дѣвочки, а во вторыхъ, соображеніе о томъ, что при такомъ порядкѣ сватовства значительно увеличивается промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, а потому и уплата *калына* значительно облегчается. Теперь обычай этотъ практикуется по преимуществу среди кочевого населенія, гдѣ обычные размѣры *калына* гораздо больше, чѣмъ у сартонъ.

Точно также мало по мало выходитъ изъ житейской практики и обычай сочетанія бракомъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ послѣднее время обычай этотъ практиковался изрѣдка лишь въ наиболѣе богатыхъ семьяхъ, отцы которыхъ принадлежали или къ крупному кунечеству, или къ высшему классу ханскихъ служилыхъ людей.

Мы сказали уже, что въ среднемъ туземномъ дѣвушка выходитъ замужъ въ возрастѣ между 13 и 15 годовъ. Молодые люди, если только родители ихъ или они сами имѣютъ возможность немедленной же уплаты *калына*, женятся, начиная съ 16—18 лѣтняго возраста. Родители рѣшаютъ, что пора женить сына или, по крайней мѣрѣ, сосватать ему невѣсту. По въ некоторомъ свѣщаніи останавливаются на той или другой дѣвушкѣ. Цосылаются свахи, родственницы или близкія знакомыя. Если дѣвушку сватаютъ въ незнакомомъ домѣ, сваха, кромѣ тщательнаго осмотра самой невѣсты, особенное вниманіе обращаетъ на чистоту и порядокъ въ домѣ, такъ какъ предполагается, что мать невѣсты передастъ послѣдней наследственно все свои какъ хорошія, такъ и дурныя качества.

Если предложеніе принято, мать невѣсты даритъ свахѣ платокъ, полотенце или что нибудь въ этомъ родѣ.

(Иногда просятъ подождать отвѣта нѣсколько дней; родственницы невѣсты идутъ въ домъ жениха и въ свою очередь тоже производятъ тамъ осмотръ, послѣ чего жениховы свахи черезъ нѣсколько дней вторично идутъ за отвѣтомъ).

На другой день послѣ того, какъ свахи принесутъ вѣсть о согласіи, въ домъ невѣсты отправляются мужчины и услав-

ливаются тамъ о размѣрахъ *калма* и *мэхра* и др. подробностяхъ (').

Въ случаѣ обоюднаго соглашенія родственники или родственницы жениха идутъ въ третій разъ въ домъ невесты, неся туда *палау*, лепешки и разные подарки (смотря по состоянiю) вродѣ калашъ, зеркальца, ситца или шелковыхъ матерiй и пр. Въ богатыхъ домахъ размѣры этого перваго подарка (*саръ-силля*) иногда бываютъ очень велики, а самый подарокъ отдаривается. На тѣ же полносы, на которыхъ принесли подарки невестѣ, кладутся вещи равно приблизительно стоимости съ тѣми, которыя привесены отъ жениха, и относятся въ домъ послѣдняго. Такой возвратный подарокъ называется *идишъ-кайтиръ* (возвращенiе посуды).

Лица, пришедшiя подарки отъ жениха, получаютъ въ домѣ невесты угощенiе, послѣ котораго одинъ изъ присутствующихъ провозглашаетъ: „*аллахъ акбаръ*“ (Богъ великъ) чѣмъ и завершается заочное обрученiе.

Въ бѣдныхъ семьяхъ первый подарокъ невестѣ обыкновенно очень невеликъ, при чемъ въ городахъ принято одновременно съ нимъ доставлять въ домъ невесты арбу толкина и принасы для угощенiя, взаменъ чего женихъ получаетъ платокъ, кушакъ, халатъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Калмы уплачивается обыкновенно родителями жениха; послѣднiй платитъ его лично въ томъ только случаѣ, если раздѣлившись съ отцомъ или старшими братьями, имѣеть свое собственное имущество. Размѣры *калма* очень различны. Мы знали напр. браки, гдѣ онъ не превосходилъ 12—15 руб., а дѣвушки, выданныя при подобныхъ условiяхъ, были по большей части или круглыя сироты, или дочери особенно бѣдныхъ родителей. Въ тоже самое время

(') Мусульманское законодательство, собственно говоря, устанавливаетъ правила, касающiеся одного лишь *мэхра*, т. е. брачнаго дара, который по древне-арабскому обычаю дѣлается женихомъ своей будущей женѣ, и можетъ состоять изъ разнаго рода предметовъ равной же цѣнности. Но у сартовъ наряду съ этимъ имѣется и свой древне-узбекскiй обычай *калма*, уплачиваемого женихомъ не невестѣ, а ея родителямъ въ видѣ вознагражденiя за тѣхъ затратъ, которыя дѣлались въ свое время при воспитанiи ихъ дочери.

въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ размѣры *калма*, платимаго женихомъ или его родителями, возрастають до нѣсколькихъ сотъ рублей, при чемъ родители невесты прибавляютъ отъ себя къ полученной отъ жениха суммѣ приблизительно столько же; на эти совокупныя средства дѣлается приданое и справляется свадьба. Девягами *калма* уплачивается обыкновенно только въ городахъ. Въ кншлакахъ большая часть его вносится скотомъ и хлѣбомъ.

Смотря по возрасту невесты и жениха, а также и по состоятельности послѣдняго, *калма* или вносится немедленно же, или уплата его растягивается на болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени и производится частями. Въ послѣднемъ случаѣ принято эти части *калма* уплачивать ежегодно наканунѣ праздника Рамазана, при чемъ кромѣ очередной части *калма* невестѣ приносятся еще и другіе подарки, вроде обуви, одежды или матерій. Родители жениха стараются поддерживать до свадьбы возможно лучшія отношенія со своими *хуба* (или *куба*); однакоже поддержать эти отношенія удается далеко не всегда; зачастую родители невесты, получая часть причитающагося имъ *калма* начинаютъ кочевряжиться и гопять въ три шен сватьюшку, явившуюся съ тощей коровешкой или кобылой и надѣявшуюся отдѣлаться на этотъ разъ безъ особыхъ затѣй, по рождественному.

У средняго по достатку какъ городского, такъ и кншлагнаго населенія размѣры *калма* за дѣвушку (имѣеть съ тѣмъ, что, кромѣ *калма*, дается женихомъ на устройство свадебнаго угощенія) рѣдко превышають по стоимости 70—80 р. сер. Одвою изъ непремѣнныхъ принадлежностей *калма* въ большинствѣ мѣстностей являются 5—15 пудовъ неочищенныхъ коробочекъ хлопчатника. Въ семьѣ невесты хлопокъ этотъ очищается и перерабатывается частью въ пряжу, частью же въ вату только на приготовленіе одеялъ, подушекъ и пр. Получивъ *калма*, родители невесты обязуются соразмѣрно количеству послѣдняго снабдить дочь при отправкѣ ея къ мужу одеялами и подушками, сдѣлать для обоихъ молодыхъ обмундировку и кромѣ того устроить свадебное угощеніе.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ мѣстной практики давняго обычая, на *калма* приходится смотрѣть лишь какъ на уплату женихомъ всѣхъ вообще расходовъ.

связанных съ совершениемъ брачнаго союза; здѣсь онъ отнюдь не имѣетъ характера покупки невесты, такъ какъ родители послѣдней получивъ отъ жениха *калымъ*, обязуются произвести изъ него всѣ необходимые по обычаю расходы.

Даже и въ томъ случаѣ, когда размѣры *калымъ* превышаютъ собою размѣры предстоящихъ по свадьбѣ расходовъ, большинство туземцевъ смотритъ на этотъ излишекъ, поступающій въ пользу родителей дѣвушки, не какъ на плату за послѣднюю, а какъ на вознагражденіе ей родителей за тѣ расходы и заботы, которые были понесены ими при воспитаніи дочери. Значеніе и роль *калымъ* измѣняются лишь въ послѣдствіи, въ случаѣ возбужденія вопроса о разводѣ по инициативѣ самой жены, не имѣющей на то никакихъ законныхъ причинъ. Тогда мужъ имѣетъ право требовать возврата ему всѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при заключеніи брака. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ уплата *калымъ* является какъ бы гарантіей мужа отъ воляго произвольнаго и безпричиннаго оставленія его женой. Этого же рода гарантіей, хотя и въ значительно меньшей степени, въ отношеніи женщины является *мэхръ*, который въ силу обычая установленнагося путемъ мѣстной практики, является настолько же свадебнымъ даромъ жениха своей будущей женѣ, насколько и обезпеченіемъ послѣдней на случай развода ея съ мужемъ (*).

Выше мы упоминали уже о томъ, что *шариатъ*, мусульманское право, признаетъ одинъ лишь *мэхръ* и что *калымъ* есть одинъ изъ древне-узбекскихъ, не мусульманскихъ обычаевъ, не отвергаемый мѣстнымъ духовенствомъ въ силу того обстоятельства, что по сущности своей онъ можетъ считаться не противорѣчающимъ главнѣйшимъ основамъ ислама. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя изъ индическихъ постановленій о *мэхрѣ*, заимствуя ихъ изъ книгъ: *Джайн-ур-риуза*, *Хидая-и-шерифъ* и *Раддъ-уль-мухтаръ*.

1. *Мэхръ* по способу его уплаты раздѣляется на *мэхръ-и-муаджиль* (*مهر معجل*), платимый наличностью при заключеніи брака и *мэхръ-и-муаджиль* (*مهر مؤجل*), остающійся въ долгу на мужей.

2. Количество того и другаго *мэхра* зависитъ отъ взаимнаго согласенія.

3. Если количество того и другаго *мэхра* при заключеніи брака не было обусловлено, то въ случаѣ мужья (напр. при раз-

Мэдр получается жепциной двоякимъ образомъ: или при выходѣ замужъ или же послѣ, какъ во время замужства, такъ ровно и при разводѣ.

Первый случай практикуется между туземцами гораздо рѣже втораго, обыкновенно лишь или между состоятельными и богатыми людьми, или же при условіи существованія сомнѣній со стороны родителей невѣсты въ томъ, выполнитъ-ли впоследствии будущій мужъ ихъ дочери данное имъ обязательство исполнѣ добросовѣстно.

Условіе о размѣрахъ *мэдра* всегда включается въ число другихъ общихъ условій брака.

Выдача *мэдра* при свадьбѣ выражается обыкновенно въ переводѣ на имя жепы дома, небольшого сада, участка земли и т. п. Имущество это переходитъ въ потомственное

владѣніе количество это устанавливается *казим* по мѣстнымъ обычаямъ.

4. До получения женою *мэдръ-муиджалъ* (مهر معلول) она имѣетъ право отказать мужу въ фактическомъ съ нимъ сожитіи, а равно можетъ отказаться отъ сожитія ему въ путешествіи.

5. Если при заключеніи брака размѣръ *мэдра* не былъ определенъ, жена имѣетъ право требовать отъ своего мужа *мэдръ-и-мисель* (مهر مثل) разъ только начнется ихъ фактическое супружеское сожитіе.

6. Подъ именемъ *мэдръ-и-мисель* разумѣется *мэдръ* равный по своимъ размѣрамъ тому *мэдру*, который полученъ женщиною равными данной женщиной.

7. Равными въ отношеніи данной женщины считаются ея родственницы по мужской линіи, равныя ей по красотѣ, возрасту, богатству, умственнымъ способностямъ, принадлежности къ городскому или сельскому сословию, дѣвственности или не дѣвственности и современности. Данную женщину нельзя сравнивать съ тѣми, которыя жили раньше ея, а следовательно при иныхъ житейскихъ условіяхъ).

8. Въ случаѣ незаконнаго брака (какъ напр. на нитой жепѣ; на родственницѣ въ запретной степени и пр.) уплата *мэдра* не обязательна, если только соитіа не было.

9. Если при заключеніи брака размѣръ *мэдра* былъ условленъ и брачующая выдавалась за дѣвственницу, а потомъ оказалась не дѣвственницей, она все-таки имѣетъ право на получение всего того *мэдра*, который былъ условленъ при заключеніи этого брака.

10. Если послѣ заключенія брака соитіа не было, жена можетъ при разводѣ напр. требовать лишь половину того *мэдра*, который былъ обусловленъ въ брачномъ договорѣ.

владѣніе жены и, какъ мы сказали уже выше, на практикѣ служить обезпеченіемъ ей на случай развода.

Если *мѣтра* даруется мужемъ въ видѣ недвижимой собственности, то въ большинствѣ случаевъ доходами съ нея распоряжается самъ мужъ, а у жены хранится лишь документъ на это обезпеченіе, которое она всегда вправе отчуждать отъ другой какъ мужниной, такъ и семейной собственности въ свое исключительное пользованіе и владѣніе.

Размѣры такого *мѣтра* въ среднихъ классахъ по стоимости рѣдко превышаютъ 100—150 р. Гораздо чаще при заключеніи брака *мѣтра* не требуется съ мужа немедленно же, а лишь обуславливаются заранѣе его размѣры.

Въ большинствѣ случаевъ размѣры *мѣтра* одинаковы съ размѣрами *калана*, а въ случаѣ жепитьбы на идовѣ или разведенной онъ (*мѣтра*) значительно меньше *мѣтра*, даваемого дѣвушкѣ, и исходитъ иногда до 2 р. сер.

Промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, какъ мы уже сказали, бываетъ различенъ, колеблясь отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ лѣтъ. Въ богатыхъ семьяхъ на продолжительность его вліяютъ главнымъ образомъ соображенія о возрастѣ жениха и невесты, такъ какъ бывають случаи обрученія не только несовершеннолѣтнихъ, но и малолѣтнихъ, при чемъ очень многіе родители не допускають слишкомъ раннихъ браковъ ни для сыновей, ни для дочерей. (1)

Въ бѣдныхъ семьяхъ на продолжительность срока между сговоромъ и свадьбой главенствующее вліяніе имѣетъ уплата *калана*. Очень не рѣдки случаи, когда, вслѣдствіи малосостоятельности жениха и его родителей, уплата *калана* растягивается на два—три года, не смотря на то, что невеста давно уже перешла за рубежъ совершеннолѣтія.

При подобныхъ условіяхъ, въ особенности если семья невесты такая же бѣдная, какъ и семья жениха, дѣло очень

(1) Признаками совершеннолѣтія считаются: 1) истеченіе мужского сѣмени или случай оплодотворенія женщины; 2) появленіе ругуль. Но жибно большинства мусульманскихъ законодателей признаки эти появляются около 15 лѣтняго возраста.

Но въ некоторыхъ, совершеннолѣтіе определяется появленіемъ усиль у мужчинъ и нагляднымъ развитіемъ грудей у дѣвушекъ, при чемъ минимальный предѣлъ совершеннолѣтія принижается: для мужчинъ 12, а для дѣвушекъ 9 лѣтній возрастъ.

рѣдко обходится безъ дразгъ и ссоръ, а по результатамъ своимъ всегда почти очень тяжело отражается на благосостояніи обѣихъ сторонъ.

Происходить все это приблизительно такимъ образомъ. Если, напр., сватовство ведется между семьями близкими по родству или знакомству, то очень часто случается, что при сговорѣ вполнѣ точно не обуславливаются ни размѣры *калина*, ни размѣры тѣхъ расходовъ по свадьбѣ, которые женихъ и его родители должны по обычаю взять на себя. Не заключается же вполнѣ точныхъ условій потому, что обѣ стороны рассчитываютъ впоследствии подвадутъ одна другую. Родители невесты питаютъ надежду, благодаря отсутствію точныхъ условій, взять по больше, а родители жениха утѣшаются мыслью о возможности дать поменьше. Такимъ образомъ, когда дѣло доходить до окончательной уплаты, нерѣдко поднимается такой сдоръ, что унять его съ трудомъ удается лишь всѣмъ собравшимся старикамъ давняго селенія.

Но этотъ дѣло не ограничивается. Мы сказали уже, что въ недостаточныхъ семьяхъ уплата *калина* растягивается иногда на нѣсколько лѣтъ.

Ежегодно уплачивается лишь нѣкоторая часть его. Родители невесты торопятъ уплатою. Женихова сторона дѣлаетъ иногда непосильныя для нея траты, дабы удовлетворить предъявляемыя ей требованія, разстраиваетъ хозяйство и въ концѣ концовъ всетаки не можетъ развязаться съ уплатой *калина* за одинъ разъ.

Въ тоже самое время родители невесты, получая *калинъ* частями, расходуютъ его на свои домашнія потребности и стараются не думать о томъ, что впереди предстоитъ свадьба, а слѣдовательно и расходы какъ по обмундированію молодыхъ, такъ и по угощенію.

Свадьба наступаетъ. Большая часть *калина* давно уже израсходована. Тогда не рѣдко и дословно почти сбывается сартовская поговорка, гласящая о томъ, что, послѣ выдачи дочери замужъ, въ домѣ ея родителей не остается даже и вѣлика.

Нужно ли говорить о томъ что при подобныхъ условіяхъ родители снабжаютъ свою дочь вмѣсто одѣжды, подушекъ и платья никуда не годной дряпью, а приддя въ домъ мужа, молодая очень часто встрѣчаетъ нищету, явившуюся

результатомъ тѣхъ усилій, которыя приходилось дѣлать при уплатѣ *калма* ея же родителямъ.

Не смотря на всю очевидность неудобствъ, а нерѣдко даже и просто таки губительныхъ послѣдствій, исполненія такого обычая, какъ *калма* и получка его съ обязательствомъ доставленія приданого, обычай этотъ настолько въѣлся въ практику мѣстной народной жизни, что неисполненіе его считается своего рода неприличіемъ, а размеры *калма* очень часто являются предметомъ хвастовства той женщины, за которую онъ былъ заплаченъ.

Однакоже за послѣднее время замѣчается между прочимъ, что среди бѣднаго населенія, особенно городовъ и большихъ селеній, обычай этотъ начинаетъ понемногу видоизмѣняться.

Начинаютъ уже по временамъ встрѣчаться примѣры того, какъ уплата *калма* замѣняется одними лишь расходами по свадьбѣ, при чемъ женихъ самъ, сообразуясь со своими средствами, дѣлаетъ приданое невѣстѣ. Это имѣетъ за собой два чрезвычайно важныхъ послѣдствія: во первыхъ, для обѣихъ сторонъ устраивается крайне невыгодный въ матеріальномъ отношеніи переходъ *калма* изъ однихъ рукъ въ другія; во вторыхъ, упраздненіе *калма* само по себѣ уже освобождаетъ женщину отъ части тѣхъ обязательствъ, отъ того гнета и тѣхъ неудобствъ, которыя владеть на нее въ бракоразводномъ дѣлѣ получка *калма* ея родителями, ибо въ томъ случаѣ, если женихъ *калма* не платилъ, а взялъ на себя одни лишь расходы по свадьбѣ, цифра, которую при разводѣ (по инициативѣ жены) онъ можетъ требовать обратно, значительно уменьшается и всегда почти можетъ быть покрыта *мѣромъ*.

Положеніе невѣсты, также какъ и вездѣ, по всей вѣрности, одно изъ наиболѣе завидныхъ. Всѣ, не исключая и самихъ ея родителей, стараются ей угодить. Если женихъ мало мальски состоятеленъ, то она часто получаетъ отъ него подарки, а потому въ это время лакомится и фразитъ такъ, какъ никогда ни раньше, ни послѣ этого времени.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по установившемуся обычаю невѣста послѣ сговора тщательно прячется отъ всей родни жениха, а женихъ не менѣе тщательно прячется и избѣгаетъ встрѣчь съ родными своей невѣсты. Иногда по этому поводу случает-

ются сценки очень комичнаго свойства. Въ небольшихъ кишлакахъ всегда, конечно, и небыль известно, кто съ кѣмъ соевтанъ. Идетъ женихъ на малепькій кишлачный базарчикъ, подходитъ къ арбѣ съ дьянями, окруженной со всѣхъ сторонъ народомъ и не замѣчаетъ, что почти рядомъ съ нимъ стоитъ отецъ его невесты. Онъ то этого не замѣчаетъ, а окружающая публика давно уже смѣтила и начинаетъ хихикать. Женихъ и отецъ его невесты оглядываются по сторонамъ, замѣчаютъ другъ друга, на нѣсколько секундъ ошалѣваютъ и затѣмъ при общемъ хохотѣ бросаются въ разныя стороны.

Въ вѣкоторыхъ кишлакахъ, полуофициально, впрочемъ, практикуется обычай, по которому женихъ задолго еще до свадьбы въ однихъ мѣстностяхъ видится только, а въ другихъ и спитъ даже со своей невестой. (Въ городахъ этого обычая нѣтъ). Дѣлается это обыкновенно такъ. После того какъ сговоръ совершенъ, а часть *калма* уже уплачена, одна изъ родственницъ жениха идетъ къ невестинной матери и уговаривается съ ней о томъ, въ который изъ ближайшихъ вечеровъ женихъ можетъ видѣться со своей нарѣчевой. Въ назначенный вечеръ, когда совѣтъ уже стемнѣетъ, женихъ, завешившись предварительно какимъ нибудь подаркомъ и сладостями, отправляется къ невесткѣ. Его проводятъ въ какую нибудь отдѣльную комнату такъ, чтобы онъ не встрѣтился бы съ будущимъ тестемъ и тещей. При свиданіи этомъ, главнѣйшею цѣлью котораго является желаніе дать возможность обрученнымъ узнать и попривыкнуть другъ ко другу до свадьбы, по крайней мѣрѣ на первый разъ присутствуетъ одна изъ родственницъ невесты. Въ ея же присутствіи обрученные укладываются спать, при чемъ на ея обязанности лежитъ не уходить все время изъ комнаты и наблюдать за тѣмъ, чтобы молодые люди не увлеклись. Не задолго до разсвѣта женихъ долженъ уйти такъ, чтобы его никто не увидѣлъ.

Посѣщенія эти продолжаются потомъ болѣе или менѣе безпрепятственно, при чемъ ни какія родственницы уже не присутствуютъ, а обрученные вступаютъ въ фактическое сожитіе.

Мы знали случай когда при подобныхъ обстоятельствахъ уплата *калма* растянулось на долго и потомъ при-

шлось торопиться со свадьбой, ибо невеста находилась въ въ послѣднемъ уже періодѣ беременности.

Случай сватовства, разстроившагося послѣ уплаты хотя бы части *калма*, очень рѣдки, такъ какъ представляются невыгодными для той стороны, которая объявляетъ отказъ. Женихъ (если отказъ съ его стороны) теряетъ право на уплаченный имъ *калма*, а родители невесты (если былъ сдѣланъ ими) присуждаются къ немедленному же возврату всего полученнаго отъ жениха (').

Такого же рода счеты сводятся и въ случаѣ смерти жениха, или невесты. Если умираетъ женихъ, *калма* остается въ рукахъ родителей невесты; при смерти послѣдней, полученный за нее *калма* долженъ быть возвращенъ по принадлежности.

Свадьбы совершаются обыкновенно осенью, или зимой, такъ какъ, по первымъ, время это для большинства наиболѣе свободное, а во вторыхъ, въ теченіи весны и лѣта успѣваютъ заготовить такіе, нужные для свадьбы, продукты, какъ зерно, хлопокъ и проч.

Если со стороны жениха нѣтъ задержки въ уплатѣ *калма*, то время бракосочетанія опредѣляется заблаговременно. Наканунѣ, или за нѣсколько дней до свадьбы въ домъ невесты справляется дѣвичникъ—*маджисъ* (маджисъ), на которомъ присутствуютъ главнымъ образомъ подружки невесты, а также и знакомыя съ ея семьей женщины. Поютъ пѣсни, пляшутъ и угощаются.

Само бракосочетаніе совершается, обыкновенно вечеромъ, въ домъ невесты и никакими особенными торжествами не сопровождается. Приглашается *имамъ* своей мечети; невеста помещается въ углу комнаты, за завѣсомъ. При

(') Приводимъ статьи изъ *шариата*.

1. Если кто-либо, просватавъ невесту, уплатитъ *калма*, или часть его, и послѣ этого ему откажутъ, онъ имѣетъ право требовать обратно или все, данное имъ, вещи, или ихъ стоимость.

2) Если (при этомъ) отцомъ невесты были сдѣланы подарки жениху, то они тоже возвращаются (или ихъ стоимость).

3. Равно взаимно возвращаются и все подарки, сдѣланные женихомъ невестѣ и невестой жениху.

ходить женихъ съ двумя или нѣсколькими свидѣтелями изъ его родственниковъ. *Имаъ* спрашиваетъ жениха и невесту согласны ли они на вступленіе въ бракъ. Дѣвушка, во вниманіе къ ея застенчивости, можетъ выразить свое согласіе молчаніемъ, а женщина должна дать надлежащій устный отвѣтъ (').

Когда обоюдное согласіе будетъ констатировано, *имаъ* читаетъ молитву и бракъ—(*микъаъ*) считается совершеннымъ.

') Приводимъ статьи изъ *шаріата*.

1) Бракъ завершается *иджабомъ* (предложеніе) и *кабуломъ* (согласіе), которыя должны быть выражены въ благойной формѣ прошедшаго времени. Напр: «Вышла ли ты за него замужъ?» — «Вышла»).

2. Оба брачующіеся должны взаимно слышать выраженіе *иджаба* и *кабула*.

3. При произнесеніи *иджаба* и *кабула* должны присутствовать два свидѣтеля: свободные (не рабы) мужчины, или одинъ свободный мужчина и двѣ свободныхъ женщины.

4. Свидѣтелями должны быть совершеннолѣтніе мусульмане, обладающіе разумомъ разсудкомъ.

5. Свидѣтели должны слышать произнесеніе *иджаба* и *кабула* одновременно.

6. Во время заключенія брака вмѣсто одного изъ брачующихся можетъ присутствовать доверенное лицо.

7. Спрашивая у девушки о ея согласіи на бракъ, ей обязательно должны сообщить имя жениха, а количество условленнаго *мэтра* можетъ быть и не сообщено.

8. Когда отецъ спрашиваетъ совершеннолѣтнюю, раньше не вступившую въ бракъ, о ея согласіи на вступленіе въ данное супружество, то за выраженіе ея согласія могутъ быть приняты: молчаніе, улыбка, или же тихій плачь безъ крика.

9. Если о согласіи на бракъ у девушки спрашиваетъ не отецъ, а кто-либо изъ родственниковъ, или постороннихъ, то согласіе должно быть выражено словами.

10. Женщина, при выходѣ во второй и послѣдующіе браки, должна выражать свое согласіе словами.

11. Дѣвушка, лишившаяся девственности путемъ прелюбодеянія, или инымъ какимъ либо образомъ, въ отношеніи способовъ выраженія или согласія на бракъ приравнивается къ невестушкѣ въ бракъ.

Женихъ и пришедшіе съ нимъ свидѣтели угощаются и затѣмъ уходятъ восвояси.

При желаніи со стороны жениха и невѣсты, одновременно съ заключеніемъ брака пишется и брачный договоръ. Въ немъ прощаются, между прочимъ, размѣры уплаченныхъ *калина* и *мэтра* или обязательство уплатить послѣдній въ означенныхъ размѣрахъ по востребованію.

Документъ этотъ скрѣпляется приложеніемъ печати мѣстнаго *казы* (').

Отвозъ новобрачной къ мужу въ разныхъ мѣстностяхъ происходитъ различно. Въ городахъ обыкновенно вездѣ за совершеніемъ *михата*, а въ большинствѣ кишлаковъ лишь черезъ нѣсколько дней. Въ Наманганѣ ночью; въ Коканѣ на разсвѣтѣ, а во многихъ кишлакахъ днемъ.

За нѣсколько часовъ до отвоза молодой, въ домъ ея родителей собираются родственницы и знакомыя. Молодую одѣваютъ въ чистую, всегда бѣлую, обыкновенно кисейную, рубашку, а на голову повязываютъ нѣсколько платковъ на подобіе чалмы. Въ такомъ костюмѣ молодая садится по срединѣ комнаты; родственницы и знакомыя окружаютъ её, и пачипается вой.

Вдоволь наголосившись, молодую поднимаютъ съ мѣста и надѣваютъ на неё *чимбетъ* и *паянджи*. Отецъ выводитъ её изъ комнаты. Какъ только выйдутъ на дворъ, причитанья моментально умолкаютъ. На улицѣ ждутъ уже одна или двѣ арбы и толпа ребятнишекъ; нѣкоторые изъ нихъ съ бубнами. Невѣста, вмѣстѣ съ такимъ числомъ жепицивъ, какое можетъ только умѣститься, садится на арбу; на другую складывается ея приданое. Поѣздъ трогается. Лошадь еле тащитъ арбу съ пачипшими на нее бабами; мальчишки хватаются за колеса и тормозятъ ихъ, бьютъ въ бубны и во все горло орутъ свадебную пѣсню:

„Кой килдуръ козы биланъ
„Ирь, ирь, ирь — дустъ, дустъ, дустъ!
„Виръ бирисипъ изъ биланъ
„Ирь ма паяр!“

(') Въ Ферганѣ составленіе такихъ брачныхъ договоровъ практикуется рѣдко.

У воротъ новобрачнаго поѣздъ, двигавшійся все время очень медленно, останавливается. Къ этому времени здѣсь же успѣваютъ собраться и всѣ тѣ, кому не хватило мѣста на арбѣ. Молодую вводятъ во дворъ и останавливаютъ у воротъ. Одна изъ свахъ беретъ еѣ за талию и, выстуная медленно, шагъ за шагомъ, выкрикиваетъ имена молодого и всѣхъ его ближайшихъ родственниковъ и родственницъ по старшинству, привѣтствуя каждого изъ нихъ отдѣльно *саламомъ*.

Такимъ образомъ шествіе входитъ во внутренній дворъ. Здѣсь сваха въ послѣдній разъ провозглашаетъ: „большимъ, и малымъ — всѣмъ *ас-саламъ!*“ Женщины входятъ во внутреннія комнаты, а мужчины въ *миамантану*, послѣ чего сейчасъ же начинается угощеніе, разшѣры, характеръ и продолжительность котораго очень различны, смотря по достатку хозяевъ.

Въ то же самое время молодую помѣщаютъ за занавѣской, за которой она сидитъ въ теченіи трехъ сутокъ, не показываясь своей новой роднѣ. Этимъ въ сущности свадебныя празднества и заканчиваются. Въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ на другой день утромъ отецъ и мать молодой приходятъ провожать дочь и приносятъ съ собою *паліу*, а также по халату отцу и матери ихъ зятя. Въ другихъ (мѣстностяхъ), по большей части въ кишлакахъ, на третій день послѣ свадьбы, утромъ, молодая уходитъ къ своимъ родителямъ и остается тамъ цѣлый день. Вечеромъ посылаютъ за молодымъ и его родителями, угощаютъ ихъ и отдариваютъ, послѣ чего молодая уходитъ къ себѣ, домой, и уже болѣе не прячется отъ своей новой родни.

Помѣщаются молодые всегда почти въ отдѣльной комнатѣ.

Случай, когда они поселяются не у мужиныхъ, а у женскихъ родителей, сравнительно рѣдки и имѣютъ мѣсто тогда только, если молодая богаче своего мужа, или если у послѣдняго нѣтъ ни родителей, ни своего собственнаго помѣщенія.

Поселившись въ домѣ родителей мужа, молодые живутъ съ ними на первое время не въ раздѣлѣ и своихъ личныхъ, опредѣленныхъ средствъ, по большей части, не имѣютъ. Пища изъ одного котла съ родителями; одеждой

снабжаются или мужнинымъ отцомъ, или же приобрѣтають ее на часть своихъ заработковъ.

Первые полтора — два мѣсяца старики обыкновенно избѣгаютъ обременять молодую работами, давая ей это время на то, чтобы осмотрѣться и попривыкнуть къ новой семьѣ и ея порядкамъ. Затѣмъ, мало по малу, свекровь сваливаетъ на нее все почти домашнія работы.

Одновременно съ этимъ между обѣими, въ большинствѣ случаевъ, возникаютъ препирательства, и не больше, какъ черезъ годъ молодые начинаютъ уже серьезно подумывать объ раздѣлѣ со стариками. Много причинъ заставляеть ихъ желать этого раздѣла. Молодая находитъ, что на нее извѣстно слишкомъ много работъ, и что свекровь слишкомъ ужь часто пререкаетъ ее и въ лѣности, и въ дармоуѣдствѣ. Молодой мужъ недоволенъ тѣмъ, что отецъ слишкомъ мало удѣляетъ изъ общихъ средствъ на одежду его молодой жены и т. д.

Такъ какъ исторіи этого рода повторяются чуть не въ каждой семьѣ, то во многихъ мѣстностяхъ, въ средѣ состоятельныхъ людей, вошло въ обычай отдѣлять молодыхъ по истеченіи года послѣ ихъ брака, при чемъ раздѣлъ этотъ производится по большей части по инициативѣ самихъ стариковъ, а годъ сроку дается молодыми для того, чтобы они въ теченіи этого времени успѣли сжиться и чтобы молодая попривыкла къ веденію самостоятельнаго хозяйства.

Въ большинствѣ случаевъ такого рода добровольный раздѣлъ выражается въ томъ, что старики снабжаютъ молодыхъ домомъ, рабочимъ скотомъ и самой необходимой утварью.

Подъ постройку дома или удѣляется часть своего усадьбаго мѣста, или послѣднее приобрѣтается покупкой гдѣ либо по близости; при этомъ въ земледѣльческихъ семьяхъ сынъ или продолжаетъ работать на землѣ своего отца въ качествѣ *кошчи* (объ условіяхъ см. выше), или же получаетъ по временное пользованіе частью отцовской земли, которую инквентуируетъ въ свою пользу до окончательнаго раздѣла, происходящаго по смерти старика.

Однако-же на ряду со сказаннымъ, даже и въ средѣ состоятельныхъ семей, далеко не рѣдки случаи, когда, при раздѣлѣ молодыхъ со стариками, послѣдніе снабжаютъ пер-

ныхъ такимъ ничтожнымъ скарбомъ и при такихъ условіяхъ, что раздѣлъ этотъ становится похожимъ не на раздѣлъ, а скорѣе на простое изгнаніе молодыхъ изъ подъ родительскаго крова.

У бѣднаго населенія, гдѣ родители не въ состояніи выдѣлить молодыхъ на условіяхъ, подобныхъ выше-приведеннымъ, послѣдніе отдѣляются отъ стариковъ на свои собственные средства и верѣдко прямо таки въ ущербъ своимъ же матеріальнымъ интересамъ.

Не вынося далѣе попрековъ свекрови, невестка принуждаетъ мужа къ раздѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ средства на обзаведеніе своимъ домомъ нѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ очень часто случается, что, оставаясь жить на одномъ дворѣ со стариками (въ разныхъ лишь комнатахъ), молодые заводятъ свой особый котель и др. посуду, питаются и работаютъ отдѣльно отъ стариковъ.

Отъ ссоръ все это, конечно, далеко еще не гарантируетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жизненные средства и обстановки обѣихъ семей значительно ухудшаются.

Разъ одна такая невестка говорила намъ, что она раздѣлилась бы со стариками, если бы у ней было 2—3 руб. въ покунку котла и посуды. Интересно знать, что она стала бы варить въ этомъ котлѣ, при подобныхъ матеріальныхъ условіяхъ ея бытія.

Въ то-же самое время въ средѣ богатыхъ и главнымъ образомъ купеческихъ семей встрѣчаются призывы иполнѣ безраздѣльнаго хозяйства родителей и нѣсколькихъ жеманыхъ сыновей. Все живутъ вмѣстѣ, на одномъ или нѣсколькихъ смежныхъ дворахъ и не дѣлятся ни въ чемъ до самой смерти старика—отца. За этимъ предѣломъ такое общее хозяйство, державшееся только волею патриарха, всегда распадается.

Такимъ образомъ, въ общемъ, можно сказать, что у сартовъ стремленіе къ раздѣламъ замѣчается общее, какъ у родителей, такъ и у семейныхъ ихъ дѣтей, при чемъ въ отношеніи родителей обратное явленіе замѣчается главнымъ образомъ лишь въ наиболѣе богатыхъ купеческихъ семьяхъ, гдѣ мелочныхъ расчетовъ меньше, а матеріальныя выгоды обще-житія и общаго хозяйства наиболѣе наглядны.

Съ мужемъ молодая женщина осваивается сравнительно очень скоро, даже и въ томъ случаѣ, если она не знала и

не видѣла его до свѣтъбы. Въстѣ съ тѣмъ у большинства также скоро начинаютъ возникать и препирательства, и ссоры, за поводами къ которымъ дѣло не станетъ.

Главнѣйшимъ и первымъ по времени изъ такихъ поводовъ являются отлучки молодой со двора. У туземцевъ принято или совѣтъ не отпускать молодую со двора, или, по крайней мѣрѣ, отпускать ее очень рѣдко до тѣхъ поръ, пока у ней не родится первый ребенокъ (¹).

Обычай этотъ соблюдается, въ большей, или меньшей мѣрѣ, повсемѣстно и всѣмъ очень хорошо извѣстенъ, тѣмъ не менѣе каждый новый случай его практики, какъ самую молодую, такъ равно ее матерью и др. родственниками, встрѣчается какъ нечто не только неожиданное, но даже и необычное.

Одна и та-же семья почти одновременно женить сына и выдать дочь. Относительно невѣстки вышеприведенное правило соблюдается съ возможной точностію; но въ то же время, прійдя павѣститъ свою собственную дочь, старуха начинаетъ причитать надъ ней: „попала ты, доченька, въ кѣтку; попала ты въ тюрьму, въ адъ; видишь ты только небо да стѣны“ и пр. Все это, разумѣется, еще больше раздражаетъ молодую женщину, которая и безъ того досаждаетъ на новое и непривычное для нея положеніе обязательной домохозяйки, положеніе, съ которымъ она, ни по своимъ дѣвичьимъ привычкамъ, ни по наклонностямъ, ничего общаго не имѣетъ. Потерпѣть, потерпѣть, да и примется ругаться съ мужемъ.

Подобная исторія разыгрывалась на нашихъ глазахъ въ одной знакомой намъ сартовской семьѣ. Выдали замужъ дѣвушку лѣтъ 15. Первые 2—3 недѣли все шло прекрасно. Сидѣла молодая, по обыкновенію, дома, принялась было даже за работу и, повидимому, не особенно тяготилась своимъ положеніемъ. Тѣмъ временемъ ее мать и отчимъ успѣли

(¹) Въ *шаріатѣ* по этому поводу сказано такъ:

1. Родители имѣютъ право войти къ своей замужней дочери, или она можетъ пойти къ нимъ, разъ въ недѣлю. (Патина).
2. Съ другими родственниками она можетъ видѣться разъ въ годъ.

поссориться со своимъ зятемъ изъ за части *калина*, которая, по частному для этого случая условію, должна была быть уплачена черезъ нѣсколько дней послѣ сватъбы. Начались причитанья надъ молодой. Мало по малу она пообразила себя несчастной затворницей и припаясь ревѣть; пошли ссоры съ мужемъ; бабенка оказалась очель задорной и дѣло зачастую доходило чуть не до свалки. Въ концѣ концовъ она объявила своему мужу, что если онъ не дастъ ей полной свободы, то она сбѣжитъ отъ него и поступитъ въ домъ терпимости. Случай этого рода далеко не рѣдкость. Чуть не на каждомъ шагу видишь и слышишь, какъ вмѣшательства женной родни въ конецъ разстраиваютъ жизнь той, или другой, семьи.

Мы знали такой примѣръ. Очель небогатая семья состояла только изъ мужа и жены; дѣтей не было. Это послѣднее обстоятельство послужило причиною натянутости отношеній между супругами, тѣмъ болѣе что жена имѣла большой зобъ⁽¹⁾ и вообще была очень некрасива. Стала она замѣчать, что у мужа завелась любовница. Вмѣсто того, чтобы перетолковать съ нимъ и порѣшить на чемъ либо путномъ (вродѣ развода), она созвала въ его отсутствіи свою родню. Собрались совѣтъ, на которомъ было постановлено наказать на первый разъ невѣрнаго супруга такимъ образомъ: лучший его шелковый халатъ распоротъ и передѣлать на бешметъ оскорбленной женѣ. Приговоръ этотъ сообщивши привели въ исполненіе немедленно же. Является мужъ — халата нѣтъ. Когда онъ узналъ въ чемъ дѣло, то до того обозлился, что потомъ лѣтъ пять не могъ простить своей женѣ этой продѣлки, а отношенія ихъ навсегда остались враждебными.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда молодая жена правится своему мужу, не рѣдки примѣры самой безразсудной ревности. Намъ извѣстна семья, гдѣ молодой мужъ не только никуда не пускалъ свою жену со двора, но даже строжайше запрещалъ ей громко говорить на внутреннемъ дворѣ, дабы посторонніе, входящіе на наружный дворъ, не слышали бы ея голоса.

(1) Эта болѣзнь очень распространена въ Ферганѣ и главнымъ образомъ въ кокандскомъ уѣздѣ.

Итакъ поводовъ къ ссорамъ и препирательствамъ всегда болѣе чѣмъ достаточно, особенно если мужъ не живетъ дома, а жена получаетъ отъ него содержаніе на руки.

Ссоры эти, продолжаясь иногда по нѣскольку недѣль, сопровождаются громогласнѣйшей ругавью, обѣщаніями сбѣжать, поступить въ публичный домъ, перебить посуду и т. п. Съ своей стороны мужъ тоже предупреждаетъ о его намѣреніи избить до полусмерти, выгнать изъ дому и испортить нѣкоторыя части тѣла на столько, что поступленіе въ публичный домъ сдѣлается совершенно невозможнымъ.

Однако-же обѣщанія эти обыкновенно такъ обѣщаніями только и остаются: и котлы, и посуда, и части тѣла пребываютъ въ цѣлости; жена не сбѣгаетъ, ибо убѣжать ей положительно некуда, не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, а не изгоняется она потому, что у мужа нѣтъ денегъ на уплату ей *мэтра*.

Тѣмъ не менѣе ожесточенные разговоры о разводѣ ведутся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ и очень часто начинаются по истеченіи какихъ нибудь трехъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ заключенія брака.

Въ общемъ мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что мирное и тихое житіе есть удѣлъ сравнительно очень немногихъ семей. До фактическаго развода дѣло доходить, правда, не особенно часто, но разговоры о немъ вмѣстѣ съ разнаго рода препирательствами и перебранками, особенно въ семьяхъ низшихъ классовъ, ведутся болѣе чѣмъ часто-временно. Теперь прибавимъ ко всему сказанному, что всѣ вообще сартянки, бойкія и отъ природы достаточно страстнаго темперамента, очень большія охотницы до любовныхъ походовъ. Вотъ причины, почему рѣдкая замужняя женщина, пользующаяся хотя бы нѣкоторой долей свободы, не имѣла бы на своемъ вѣку любовника, или даже нѣсколькихъ.

Сходятся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Не будемъ говорить о томъ, что сосѣди, мужчины и женщины, всегда имѣютъ возможность высмотрѣть другъ друга; опустимъ и такіе случаи, когда какая нибудь купчиха сходится съ однимъ изъ прикащиковъ, или работниковъ ея мужа во время отсутствія послѣдняго, а равно также и примѣры обзаведенія любовникомъ не изъ любви къ искусству, а въ ра-

счетъ на живую, т. е. когда женщина, попросту говоря, занимается проституціей.

Обратимся къ тѣмъ молодымъ и среднихъ лѣтъ женщинамъ, у которыхъ подходящихъ знакомыхъ, или известныхъ мужчинъ, нѣтъ, и желаніе пожениться имѣется.

Прежде всего замѣтимъ, что въ нѣдрахъ туземной жизни нѣтъ ничего такого тайнаго, которое въ самомъ же непродолжительномъ времени, хотя бы для нѣкоторыхъ, не стало бы явнымъ. Пронюхаетъ напр. такая бабенка, что въ такомъ то кварталѣ или на такой то улицѣ, объявилась вдовица, обыкновенно не особенно богатая, но и не очень бѣдная, у которой по вечерамъ собираются гости, мужчины и женщины. Отправивается дамочка у мужа дня на два къ какойнибудь родственницѣ вереть за 5—10, забираетъ съ собой подносъ съ лепешками, или съ *налан* и летитъ съ этимъ даромъ въ землю обѣтованную. Тамъ она немедленно же соприсчисляется къ лику многочисленныхъ вдовушкиныхъ пріятельницъ и, натѣшившись вдоволь, какъ ни въ чемъ ни бывало возвращается домой. Привоситъ съ собой мужу поклопы отъ родственниковъ и родственницъ, сообщаетъ ему, какъ они поживаютъ; вретъ на пропалую, путается, а вмѣстѣ съ тѣмъ обдумываетъ уже планъ новаго бѣгства, или опять ко вдовицѣ, или въ мѣста, указанныя провъ заведенными пріятелями.

Бываютъ случаи и иного рода. Предположимте, читатель, что вы здѣсь, въ какомънибудь Намаганѣ, знаете сартовскій языкъ и не презираете женщинъ.—Подъ вечеръ, но еще засвѣтло, вы натѣваете халатъ и тюбетейку, дабы возможно меньше походить на русскаго, садитесь на лошадь и шажкомъ отправляетесь колесить по сартовскому городу. Лѣто. Вечеръ душный и пыльный. Солнце только что сѣло. Отовсюду и на разные голоса несетъ протяжный призывъ *азанчей* на молитву—*ахшамъ*. Купцы на дюжихъ иноходцахъ разъѣзжаются изъ лавокъ и изъ каравансаравъ по домамъ. Женщины въ сѣрыхъ и синихъ *паранджехъ*, съ дѣтьми и безъ дѣтей двигаются по улицамъ во всехъ направленіяхъ, торопясь прійти домой засвѣтло. Вы направляетесь къ окраинамъ города.

Чѣмъ дальше, улицы становятся все пустыниѣй, а сумерки все гуще и гуще. Вонь впереди васъ идетъ сартанка

въ новомъ, парящомъ *паранджи*. Вы договяете се, въ польголоса начинаете съ ней заговаривать. Только при особенномъ несчастии для васъ она, или свернетъ въ сторону, или отвернется отъ васъ, прислонится къ стѣнѣ и будетъ ждать въ такомъ положеніи, чтобы вы проѣхали. Гораздо чаще она сначала какъ бы неохотно, а затѣмъ все бойчѣй и развязпѣй вступитъ съ вами въ разговоръ. Вы очень хорошо знаете, что она по меньшей мѣрѣ на половину вретъ, рассказывая вамъ разныя небылицы и про себя, и про своего мужа. Но вамъ до этого, разумѣется, никакого дѣла нѣтъ.

Ведя сладкіе разговоры, вы ѣдете, а она идетъ довольно долго; но временамъ, когда встрѣчаются пѣшіе и конные люди, вы расходитесь по разнымъ сторонамъ улицы, дабы соблюсти приличіе.

Между тѣмъ успѣло уже совсѣмъ стемнѣть. Вы очутились въ садахъ, на окраинѣ города; кругомъ ни души. Спутница ваша со вздохомъ объявляетъ, что она, кажется, заблудилась и не знаетъ, какъ ей быть. Вы, натурально, предлагаете ей сѣсть на вашу лошадь позади васъ, уберите лѣвую ногу стремян и нѣсколько наклоняетесь на правый бокъ. Дамочка оглядывается по сторонамъ, вкладываетъ лѣвую ногу въ подставленное вами стремя, хватается за васъ обѣими руками и довольно ловко вспрыгиваетъ на крупъ вашей лошади...

МНОГОЖЕНСТВО. РАЗВОДЪ. ВДОВСТВО И СМЕРТЬ ЖЕНЩИНЫ.

Религія разрѣшаетъ мусульманину имѣть одновременно не болѣе четырехъ женъ. Разновременное-же число женъ, разрѣшаемыхъ ему шариатомъ, неограничено. Такъ напр., имѣя уже четырехъ женъ и желая почему-либо жениться въ пятый разъ, онъ долженъ развестись съ одной изъ имѣющихся женъ, и тогда религія не препятствуетъ ему замѣстить ее новою. Точно также и женщина, послѣдовательно вдова, или разводится съ мужемъ, можетъ выходить замужъ неограниченное число разъ.

Хозяйкой дома всегда считается старшая, первая жена; на ней лежит общій надзоръ за хозяйствомъ и исполненіе тѣхъ работъ, которыя она сама беретъ на себя; всѣ остальные работы должны исполняться младшими женами по ея указанію. Эти послѣднія зовутъ се *беве* (*биди* — старшая сестра, тетка, госпожа) и должны относиться къ ней съ почтениемъ, какъ къ старшей и ближайшей своей родственницѣ. (Ниже мы увидимъ, что большинствомъ правила эти не соблюдаются). Въ случаѣ смерти, или развода, старшей, первой жены, мѣсто ея заступаетъ обыкновенно не послѣдующая, а та, которую больше любитъ мужъ.

За глаза жены одного и того же мужа называютъ друга друга *кундаши*. Слово это можетъ быть переведено такъ: та, съ которой дѣлятся дни. Происхожденіемъ же своимъ терминъ этотъ обязанъ постановленію религіи, а равно и установившемуся на этомъ, законномъ, основаніи обычаю, требующему, чтобы мужъ, имѣющій нѣсколькихъ женъ, спалъ (безъ обязательства иныхъ отправленій) съ каждою изъ нихъ не менѣе одного раза въ 4 дня (').

(') Приводимъ изъ *шариата* нѣкоторыя, касающіяся данного вопроса, статьи.

1. Относительно правъ на пищу, одежду и совместное съ мужемъ житіе всѣ жены данного лица, какъ мусульманки такъ и *имлютиа исламие* христіанки и еврейки, находящіяся въ здравомъ разсудкѣ и сумасшедшія, дѣвственницы и недовѣственницы, считаются равными, не смотря на то, здорова ли она, или больна, находится ли она въ здравомъ разсудкѣ, или же подвергнута сумасшествію.

2. Вышеизложенныя права жены, всѣми признаваемыя за нею относительно пищи, питья, одежды и совместнаго житія съ мужемъ, въ отношеніи привлеченія послѣдняго къ отправленію имъ супружескихъ обязанностей (фактич. сожит.) остаются спорными.

3. По нѣкоторымъ толкователямъ закона, въ случаѣ одной жены за ней признается право требовать отъ мужа совместнаго проведенія съ ней одной ночи въ теченіи четырехъ сутокъ, однако же безъ обязанности совокупленія.

4. Владѣніе двумя и болѣе женами разрѣшается тому только, кто надѣется нѣкогда удовлетворить своимъ женомъ въ отношеніи пищи, питья, одежды и фактическаго съ ними житія.

Въ большинствѣ случаевъ всѣ жены живутъ вмѣстѣ (на одномъ дворѣ), при мужѣ, имѣя однако-же отдѣльныя комнаты. У богатыхъ людей, имѣющихъ земли и иную недвижимую собственность въ разныхъ вишлакахъ, или даже городахъ, жены перѣдко живутъ врознь, каждая на томъ хуторѣ, или на той землѣ, которая ближе къ ея мѣсту рожденія. Особенно часто это практиковалось между прежними ханскими служилыми людьми. Молодой человекъ изъ хорошей фамили, положимъ въ Наманганѣ, женится и обзаводится хозяйствомъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ поступаетъ на службу; требуютъ его въ Кокань, къ ханскому двору. Родня его жены не соглашается на отъѣздъ последней въ Кокань. Ѣдетъ онъ туда одинъ. Часто бывать въ Наманганѣ за службой не приходится; тогда онъ приобретаетъ въ Коканѣ домъ, или садъ, заводитъ хозяйство и беретъ вторую жену. Черезъ годъ, или два, его назначаютъ въ Ошъ. Ни Кокандская, ни Наманганская жена ѣхать туда не соглашаются. Это заставляетъ его въ Ошѣ жениться на третьей женѣ.

То-же самое происходитъ иногда и теперь. Живатый уже горожанинъ приобретаетъ въ кишлакѣ, верстахъ въ 30—40 отъ города, землю и заводитъ тамъ хозяйство. Присмотрѣть за послѣднимъ пѣкому, такъ какъ самъ онъ занятъ торговыми и другими дѣлами въ городѣ. Тогда онъ женится въ данномъ кишлакѣ. Жена помѣщается: или на вновь приобретенной землѣ своего мужа, если тамъ имѣется помѣщеніе, или остается жить у своихъ родителей, которымъ поручается главный надзоръ за вновь устроеннымъ хозяйствомъ.

Если, женись на одной изъ послѣдующихъ женъ, мужъ не можетъ почему либо взять ея къ себѣ въ домъ, то она остается жить у своихъ родителей, а онъ обязанъ выдавать ей содержаніе, при чемъ ходитъ или ѣздитъ къ ней на домъ.

3. Право на проведеніе съ мужемъ одной, или нѣсколькихъ очередныхъ ночей, по добровольному соглашенію можетъ быть уступлено одной женою другой, при чемъ данное обѣщаніе этого рода всегда можетъ быть взято обратно.

Мужу, имѣющему нѣсколькихъ женъ, религія совѣтуетъ относиться ко всѣмъ имъ совершенно одинаково, дабы не возбуждать между ними зависти и недружелюбія; религія рекомендуетъ ему, давая одежду одной женѣ, точно такую же одежду давать и другимъ. Правило это, конечно, никогда почти не соблюдается, а потому, при общей для большинства сартовскихъ женщинъ наклонности къ ссорамъ и перебранкамъ, очень и очень рѣдки примѣры мирнаго совместнаго пребыванія нѣсколькихъ женъ подъ кровомъ ихъ мужа.

Беретъ сартъ вторую жену. Въ самомъ же непродолжительномъ времени старшей начинаетъ казаться, что ея новая *кундашй*, вопервыхъ, ничего не дѣлаетъ, и во вторыхъ, относится къ ней крайне неуважительно. Въ наказаніе она перестаетъ давать второй женѣ хлѣбъ. Та жалуется мужу. Мужъ, болѣе сострадательный къ новой, молодой женѣ, накидывается на старшую. Старшая накидывается на младшую. Эта, чувствуя себя не вполне лишенной защиты, приободряется и въ свою очередь тоже не даетъ снуска. Начинаясь ежедневная ругань. Мужъ сначала пробуетъ упятъ и примирить враждующія стороны. Не тутъ-то было. Чѣмъ дальше, тѣмъ перебранки становятся все болѣе и болѣе ожесточенными. Однажды мужъ тоже ожесточается, дунить обѣихъ женъ и велитъ имъ готовить пищу каждой отдѣльно. (Точь въ точь такую исторію мы наблюдали въ богатой сартовской семьѣ, глава которой занимала очень видное, по здѣшнему, общественное положеніе).

Нужно ли говорить о томъ, что, при малѣйшей невоздержанности со стороны одной изъ женъ, поводомъ къ ссорамъ и перебранкамъ, въ родѣ описанной выше, всегда найдется очень много. Одна очень красивая сартяпка, мужъ которой взялъ себѣ вторую жену, говорила намъ, что она жила бы со своей *кундашй* въ мирѣ, если бы та была хоть не много получше. „Она такъ дурна собой и такъ глуха, что мнѣ совѣстно называть ея своею *кундашй*. Вотъ причина, почему я ея ненавижу“, говорила оскорбленная красавица.

Такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ удовольствіе имѣть нѣсколькихъ женъ покупается очень дорогою цѣной. при чемъ далеко не рѣдки примѣры того, какъ, наскучивъ постоянными семейными дразганами, сартъ разводится съ женщи-

ними женами, оставляетъ при себѣ лишь одну изъ нихъ, наиболѣе подходящую и навсегда клятвенно отрывается отъ многоженства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію большинства сартовъ возможность мирной совмѣстной жизни нѣсколькихъ жевъ находится въ прямой и непосредственной зависимости отъ такта и покладистости, какъ самого мужа, такъ и его старшей жены.

Не согласиться съ этимъ мнѣніемъ не можемъ, ибо намъ нѣсколько разъ случалось видѣть примѣры, доказывающіе собою резонность такого воззрѣнія. Такъ напр. мы знали семью, состоявшую изъ мужа и трехъ жевъ, изъ которыхъ у первой было четверо малолѣтнихъ дѣтей, а двѣ младшія тогда были еще бездѣтвыми и исполняли всѣ домашнія работы, предоставляя старшей только заботы о ея дѣтяхъ. Обѣ послѣднія жены послѣдовательно были взяты по настоянію первой, на рукахъ которой до того времени были и дѣти, и дойный скотъ, и всѣ др. домашнія работы. Прося мужа взять еще одну, или двухъ, жевъ, она прямо указывала ему на необходимость ввода въ домъ еще одной или двухъ работницъ, замѣнить которыхъ въ данномъ случаѣ было совершенно не кѣмъ, такъ какъ въ кишлакахъ достать служяку, акъ-чидъ, очень трудно, а подходящихъ родственницъ не было. Намъ обоимъ приходилось и слышать о жизни этой семьи, и часто прѣзжать туда, иногда совсѣмъ невзначай.

Никогда не случалось наталкиваться на семейныя буря; наоборотъ, вѣльзя было не удивляться тѣмъ дружескимъ отношеніямъ, которыя существовали между всѣми тремя женами и тому, какъ удалось имъ устроить свою жизнь безъ ругани и ссоръ, не смотря на то, что въ отношеніи домашнихъ работъ старшая жена пользовалась большими, сравнительно, преимуществами.

Въ другой зажиточной, купеческой семьѣ, по тѣмъ же почти причинамъ, что и выше, жена сама сватала мужу вторую супругу, при чемъ главное ея вниманіе было обращено на то, что бы будущая ея *кундаши* была работяща и имѣла бы хорошій, уживчивый характеръ.

Къ сожалѣнію намъ осталось неизвѣстнымъ, какъ устро-

илась послѣдующая жизнь этой семьи послѣ ввода въ нее второй жены.

И такъ, хотя и рѣдко, но бываютъ всетаки случаи, когда сожителство нѣсколькихъ жень не вызываетъ ни ссоръ, ни семейныхъ дрязгъ, и когда старшая жена не противится послѣдующимъ женитьбамъ мужа, но даже и поощряетъ его къ этому. (Есть, впрочемъ, еще одно условіе, при которомъ двѣ жены одного и того же мужа не только живутъ въ мирѣ, но даже и сдружаются; это происходитъ тогда, когда у одной изъ нихъ есть любовникъ, а другая покровительствуетъ этой связи, извлекая изъ нея свои личные выгоды. Мы знали два такихъ примѣра. Въ одной семьѣ покровительницей являлась старшая жена, а въ другой младшая).

Однако-же на случаи мирнаго сожитія нѣсколькихъ жень слѣдуетъ смотрѣть скорѣе какъ на исключенія, ибо наибольшая часть видѣнныхъ и извѣстныхъ намъ примѣровъ практики многоженства отличается совершенно обратнымъ характеромъ.

Старшая жена всегда почти возстаетъ противъ послѣдующихъ женитьбъ мужа и всеми правдами и неправдами старается помѣшать заключенію этихъ браковъ.

Громадное большинство послѣднихъ заключается противъ желанія старшихъ жень, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ уставовъ религіи; хотя послѣдняя и разрѣшаетъ мусульманину имѣть одновременно четыре жены, но въ тоже самое время она обязываетъ его брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія на то первой.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ данныхъ для мирнаго житія нѣсколькихъ жень подъ одной крышей всегда имѣется очень мало, тѣмъ болѣе что сартонская женщина—одна изъ очень задорныхъ.

Вотъ причины, почему большинство туземцевъ, имѣющихъ нѣсколькихъ жень, всегда стараются устроить каждую изъ нихъ по возможности отдѣльно; если всѣ жены и живутъ на одномъ дворѣ, то онѣ, не только имѣютъ отдѣльные помѣщенія, но и пищу варятъ каждая отдѣльно, дабы имѣть возможно меньшее число точекъ соприкосновенія. Впрочемъ, естественно, что подобнымъ условіямъ, требующимъ большихъ сравнительно денежныхъ и другихъ затратъ, могутъ удовлетворить немногіе лишь мужья, а потому, по необходимости,

и правомъ многоженства пользуются тоже лишь немногіе.

Обращаясь къ туземной жизни, мы видимъ, что многоженства въ городахъ, гдѣ скопляется масса пролетаріевъ, охотно отдающихъ своихъ дочерей за самый ничтожный *калмакъ*, практикуется значительно чаще, чѣмъ въ киблакахъ, а повсемѣстно зажиточнымъ населеніемъ не сравненно чаще, чѣмъ малосостоятельными и бѣдными. Что же касается до малосостоятельныхъ и бѣдныхъ киблачныхъ, сельскихъ семей, то среди нихъ одновременное обладаніе двумя или нѣсколькими женами случается лишь какъ рѣдкое исключеніе. Это совершенно понятно, впрочемъ, потому что при всѣхъ приведенныхъ выше условіяхъ въ этой частѣ мѣстнаго населенія многоженство должно влечь и на своемъ дѣлѣ влечь, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, къ одному лишь разоренію.

У зажиточнаго сельскаго населенія двоеженство наиболѣе часто практикуется тѣми *каракалпаками*, *кипчаками* и недавно обѣвшими *киргизами*, у которыхъ одновременно съ болѣе или менѣе значительными заплатами, находящимися на дѣлѣ долины, имѣется еще и скотъ, уходящій ежегодно лѣтомъ на горныя пастбища. Въ этихъ семьяхъ одна жена находится постоянно при землѣ, а другая весну, лѣто и часть осени проводитъ въ предгорьяхъ и горахъ со скотомъ.

Въ средѣ богатого, особенно городского, населенія обладаніе нѣсколькими женами является своего рода шикомъ, необходимою, обязательной для каждаго приличнаго и состоятельнаго человѣка также, какъ у насъ напр. считается шикомъ обладаніе красивой и дорого стоящей актрисой и пѣвицей; но громадная разница между двумя этими явленіями лежитъ въ послѣдствіяхъ подобнаго сожительства для обѣихъ женщинъ. Въ то самое время какъ наша содержанка, будучи прогнанной, поступаетъ въ разрядъ чуть не парій человѣчества, одна изъ четырехъ женъ мусульманина, разведясь со своимъ мужемъ, не только не теритъ даже и малѣйшей частицы своихъ человѣческихъ правъ, всегда и безъ большого труда находитъ себѣ другаго мужа но, наоборотъ, выигрываетъ даже въ томъ отношеніи, что становится вполне свободнымъ человѣкомъ, такъ какъ надъ ней не тяготѣютъ болѣе ни власть родителей, ни экономическая зави-

снмость отъ послѣдующихъ мужей, которые женятся на ней въ большинствѣ случаевъ уже безъ уплаты *клымма*.

Впослѣдствіи отношенія туземцевъ къ многоженству, по всей вѣроятности, видоизмѣнятся; очень возможно, что если только условія развода чѣмъ либо не осложнятся, то случаи многоженства даже и значительно уменьшаться, но это дѣло будущаго, а потому скажемъ: *qui vivit — veget*.

Гораздо интереснѣе и назидательнѣе прошлое этого явленія.

Прежде во времена хановъ, каждый жилъ подъ болѣе или менѣе тяжелымъ клерикально—правительственнымъ гнетомъ ⁽¹⁾. Духовенство (бапжинки и фарисеи вѣтхозавѣтной жизни) напоминало правительству о необходимости строгаго охраненія религіи, устоевъ теократическаго государства, а обществу оно предлагало наблюдать за своими сочленами, внушать, увѣщевать, не допускать, а въ случаѣ нужды и представлять къ начальству. Каждый, запимавшій сколько нибудь солидное общественное положеніе, конечно, не рѣшался компрометировать себя тѣмъ или другимъ запретнымъ поступкомъ, а при нуждѣ искалъ такого пути, такого выхода, который давался бы ему самимъ *шорійтома* и былъ бы слѣдовательно законнымъ. Наскучивъ женою, чувствуя потребность, или по крайней мѣрѣ влеченіе, къ новымъ, свѣжимъ впечатленіямъ, онъ бралъ вторую жену. Зачѣмъ было ему рисковать жизнью или хотя бы шкурой, заводи любовнику, когда *шорійта* указывалъ ему въ этомъ случаѣ иной, гораздо болѣе удобный и вполне легальный путь, особенно если къ тому же имѣлись и достаточныя матеріальныя средства.

Все сказанное, касаясь только обезнеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи людей, конечно, отнюдь не устраняло ни любовныхъ похождевій; ни проституции такъ какъ наравнѣ съ легальнымъ многоженствомъ всегда имѣлись условія для существованія и этихъ послѣднихъ явленій; тѣмъ не менѣе менторское направленіе и карательная политика ханскихъ правительствъ вели прямо къ расширенію въ обществѣ предѣ-

(1) Ибо каждое мусульманское государство прежде всего есть государство теократическое.

ловъ практики многоженства также, какъ и къ привитію въ немъ обычая въ родѣ *батчедъ*, при чемъ главнѣйшими вводителями этихъ модъ и обычаевъ всегда являлись тѣ же ханы, у которыхъ и женъ, и *батчедъ*, и паложницъ въ буквальномъ смыслѣ слова было безъ числа.

Такимъ образомъ мало по малу устывали отношенія къ многоженству какъ къ такому учрежденію, при посредствѣ котораго половыя прихоти, и потребности мужчины могутъ удовлетворятся вполне законнымъ образомъ, и которое въ тоже самое время можетъ до нѣкоторой степени играть роль вынѣски общественнаго положенія даннаго лица.

Оттого и до сихъ поръ, слѣдуя по инерціи привычекъ и традиціямъ добраго стараго времени, каждый почти сартъ, не вкусившій еще обычныхъ сладостей многоженства, стремится къ послѣднему въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда обладаетъ сколько нибудь своснымъ достаткомъ.

Лишь наиболѣе благоразумные, или наученные горькимъ опытомъ, или въ достаточной мѣрѣ насмотрѣвшіеся и слышавшіеся о прелестяхъ сожителства съ нѣсколькими женами заразъ, или, наконецъ, наиболѣе расчетливые, говорятъ въ сердцѣ своемъ: „пусть другіе заводятъ хоть по десяти женъ, а ужъ я обойдусь лучше какъ нибудь съ одной. Коли и съ этой-то подчасъ ладу нѣтъ, что же съ двумя-то будетъ! Нѣтъ, други милые, хотите жевитесь, жевитесь, а меня не проведешь—дудки!“.

Нѣкоторымъ наука эта достается такъ дорого, что даже дѣтямъ, и тѣмъ зарекаются брать больше одной жены, разумѣется, одновременно.

И такъ въ богатыхъ классахъ многоженство практикуется главнымъ образомъ какъ средство или способъ легальнаго удовлетворенія требованій комфорта и прихотей мужчины; въ зажиточныхъ — оно даетъ возможность или введенія въ домъ нѣсколькихъ работницъ, или снабженія хозяйками нѣсколькихъ хозяйствъ, принадлежащихъ одному и тому же лицу, но находящихся или ведущихся въ разныхъ мѣстахъ; въ бѣдныхъ классахъ, гдѣ хозяйство обыкновенно очень несложно, а помысленія о комфортѣ, разумѣется, отходятъ на задній планъ, многоженство практикуется, особенно въ клш-лакахъ, сравнительно очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе бываютъ все таки случаи, когда бѣсъ любострастія овладѣваетъ бѣд-

някомъ и онъ заводитъ двухъ—трехъ жель не смотря на то, что и одной то досыта накормить ему нечѣмъ. Такъ около кишлака Навай мы знали двѣ киргизскихъ семьи, изъ которыхъ въ каждой было по двѣ жены, при чемъ вторыя были взяты подъ предлогомъ бездѣтности первыхъ.

Имущество первой, бездѣтной, семьи состояло изъ кибитки (юрты), 4-хъ лѣтняго жеребенка и одной короны; земли не было; мужъ занимался очень малоприбыльной охотой (въ горахъ) и выдѣлкой деревянной посуды.

Въ другой семьѣ земля также не было; имѣлись: плохенькая, продырявленная кибитка, двѣ дойныхъ козы и трое дѣтей; мужъ занимался углесожиганіемъ.

Кромѣ такихъ поводовъ къ многоженству какъ стремленіе къ комфорту, или желаніе внести въ домъ лишнюю работницу, предложения, выставляемыми мужчиной очень часто являются еще: 1) бездѣтность первой жены; 2) отсутствіе у нея сына и 3) то обстоятельство, что первая жена была взята не замужествомъ не дѣвушкой, а вдовой или разведенной (1).

Мы слышали, что старшая жена всегда почти относится къ послѣдующимъ бракамъ своего мужа праждебно, а вмѣстѣ съ тѣмъ религія содѣлываетъ и даже обязываетъ мусульманина брать вторую жену не иначе, какъ съ согласія первой, при чемъ точно такіе же дары, какіе дѣлаются невестѣ будущей второй жевѣ, мужъ обязанъ сдѣлать и первой; другими словами, столько же, сколько онъ тратитъ на свою вторую свадьбу, онъ долженъ дать первой жевѣ или въ видѣ денегъ или въ видѣ иныхъ подарковъ.

Намъ извѣстно вѣсколько такихъ примѣровъ, когда вторичный бракъ служилъ поводомъ и причиною развода по инициативѣ первой жены, не согласившейся на вторичный бракъ мужа. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ огорчен-

(1) Читатели извѣстно уже отъкъ отношеній, которыя существуютъ у туземцевъ къ безплодію женщинами, къ рожденію дѣтей вообще и мальчиковъ въ особенности, а также и о томъ повѣрѣ, что жена, взятая вдовой или разведенной, въ будущей жизни отойдетъ къ первому изъ своихъ мужей. Отсюда для такого мужа является: во-первыхъ, обязаніе остаться на томъ свѣтѣ безъ жены, и во вторыхъ, желаніе взять вторую жену изъ дѣвушекъ.

ная жена не только развелась со своимъ невѣрнымъ супругомъ, но даже предварительно, въ день второй его свадьбы, напесла ему еще и заушеніе. Разводъ состоялся черезъ нѣсколько дней и тѣмъ болѣе легко, что женщина была состоятельна, имѣла свой домъ, садъ и землю.

Не вдаваясь въ подробный разборъ теоретической стороны довольно сложнаго и запутаннаго мусульманскаго бракоразводнаго права, мы ограничимся лишь общимъ и по возможности краткимъ сводомъ главнѣйшихъ частныхъ случаевъ мѣстной, туземной практики разрѣшенія этого вопроса.

Разводъ (*талякъ*) совершенно свободенъ въ томъ случаѣ, если совершается съ обоюднаго согласія обонхъ супруговъ.

Жена имѣетъ право требовать развода въ ниже слѣдующихъ случаяхъ:

1) если мужъ безпричинно нанесетъ ей побой съ оставленіемъ ясно видимыхъ знаковъ на тѣлѣ;

2) если мужъ безъ ея позволенія (или согласія) беретъ вторую жену;

3) если онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ не даетъ ей пропитанія;

4) если онъ увозитъ ее (безъ ея согласія) изъ мѣста постоянного жительства на разстояніе большее трехдневнаго пути;

5) если онъ впадетъ въ сумасшествіе;

6) если онъ окажется прокаженнымъ (*маггу*).

Предварительное расторженіе брака достигается произнесеніемъ (супругами или однимъ изъ супруговъ) слова *талякъ*, послѣ чего религія совѣтуетъ переждать три дня. Время это дается обонмъ для того, чтобы обдумать предстоящій шагъ. Если въ теченіи означеннаго срока примиренія не произойдетъ, супруги отправляются къ казы, заявляютъ ему при законномъ числѣ свидѣтелей о своемъ рѣшеніи развестись и получаютъ разводный документъ.

Если разводъ совершается по желанію мужа безъ уважительныхъ на то причинъ, послѣдній долженъ выдать удаляемой имъ женѣ мѣзръ и кромѣ того лишается права требовать возвращенія ему *кайма* или расходовъ по свадьбѣ.

Если же такой разводъ произошелъ по настоянію жены, она лишается права на мѣзръ и кромѣ того должна возвратить мужу уплаченныя имъ за нее *кайма*.

Въ отношеніи возможности возстановленія расторгнутаго брака по послѣдствіямъ своимъ разводъ подраздѣляется на два главнѣйшихъ вида:

1) если при совершеніи его слово *малѣкъ* было произнесено одинъ или два раза, *шаріитъ* допускаетъ простое примиреніе между разошедшимися супругами и не препятствуетъ возстановленію брака безъ совершенія понаго обряда бракосочетанія;

2) если же при совершеніи развода слово *малѣкъ* было произнесено три раза, бракъ считается окончательно расторгнутымъ, а разведенная можетъ вступить въ новый бракъ со своимъ прежнимъ мужемъ не ранѣе того, какъ, выйдя замужъ за другого, разведется съ этимъ послѣднимъ.

Въ этомъ случаѣ прежній мужъ женится на ней какъ на посторонней уже женщинѣ, а не какъ на разведенной съ нѣмъ женѣ, при чемъ для того, чтобы бракъ этотъ былъ законнымъ, необходимо долженъ быть совершенъ новый обрядъ бракосочетанія.

По совершеніи развода женщина уходитъ отъ мужа и поселяется или у кого либо изъ ближайшихъ родственниковъ, или въ своемъ собственномъ домѣ, если такой имѣется.

Право на вступленіе во вторичный бракъ, если она не беременна, разведенная съ мужемъ женщина получаетъ лишь по истеченіи періода трехъ мѣсячныхъ очищеній. (Коранъ. Глава 2. ст. 228). Срокъ этотъ называется *иддъ*; установленъ же онъ для того, чтобы не было сомнѣній въ происхожденіи перваго ребенка, рождающагося послѣ совершенія развода.

Въ томъ случаѣ, если разводъ застаетъ женщину въ состояніи беременности, вторичный бракъ ея откладывается до разрѣшенія ея отъ бремени. (Коранъ. Глава 65. ст. 4).

Въ случаѣ развода супруговъ жена имѣетъ право удерживать при себѣ малолѣтнихъ дѣтей до достиженія ими 7 лѣтняго возраста, при чемъ средства для воспитанія должны давать ихъ отецъ. Отобрать малолѣтнихъ дѣтей отъ матери до достиженія ими 7 лѣтняго возраста отецъ можетъ въ томъ случаѣ, если послѣ развода съ мужемъ она вступитъ въ новое супружество.

Въ случаѣ отсутствія матери вышеприведенныя права ея на малолѣтнихъ дѣтей переходятъ или къ бабункѣ съ материнной стороны, или къ взрослой (правоспособной) сестрѣ

этихъ дѣтей, или къ ихъ теткѣ съ материнной стороны; только за отсутствіемъ этихъ трехъ родственницъ, данныя права переходятъ къ теткѣ съ отцовой стороны.

По достиженіи 7 лѣтняго возраста отецъ имѣетъ право взять ребенка къ себѣ; по достиженіи совершеннолѣтія сынъ живетъ, гдѣ хочетъ, а дочь должна жить при отцѣ или дѣдѣ съ отцовой стороны.

Однако же по взаимному соглашенію дѣти могутъ быть раздѣлены разводящимися супругами, причемъ мальчики обыкновенно остаются у отца, а дѣвочки уходятъ съ матерью.

Со смертью мужа всѣ обязательства, лежащія на женщинѣ по части *калыма*, рушатся. Женщина дѣлается вполне свободной; лишь общественныя приличія не допускаютъ особенно скорого выхода ее замужъ, почему она пережидаетъ обыкновенно около года до 1½, или даже до 2 лѣтъ (¹).

Вдова — сартянка, смотря по обстоятельству, или продолжаетъ жить въ домѣ, останшемся ей и дѣтямъ отъ мужа, или же уходитъ жить куда либо на сторону.

Если дѣти уже взрослые, имущественно, оставленное отцомъ, обыкновенно немедленно же дѣлится и старуха вдова или поселяется у одного изъ своихъ дѣтей, или устранивается у кого либо изъ родственниковъ. (О положеніи ее здѣсь мы говорили уже выше).

При малолѣтнихъ дѣтяхъ она побольшей части остается жить въ домѣ мужа и, если не особенно стара, то черезъ годъ, черезъ два по большей части вновь выходитъ замужъ. Случаи ее выхода въ замужество на 40 и даже 45 году, смотря потому, на сколько она сохранилась, далеко не рѣдки, особенно же если она обладаетъ домомъ, садомъ или другой какой либо собственностью, приносящей болѣе или менѣе постоянный и обезпеченный доходъ.

Трауръ (синія рубаха; темный халатъ, а во время оплакиванія синій кушакъ) сартянка носить по мужѣ отъ 4 мѣсяцевъ до одного года. У большинства трауръ снимается послѣ того, какъ будутъ справлены годовые поминки.

(¹) У кочевнаго населенія положеніе вдовы совсѣмъ иное. Тамъ она обязана сочетаться бракомъ съ однимъ изъ братьевъ покойнаго ее мужа.

Выше мы упоминали уже о томъ, что большинство сартовскихъ старухъ очень подвижны, дѣтельны и работающы. Наиболье быстро и замѣтно сартовская женщина отцѣтаетъ въ возрастѣ между 18 и 25 годовъ; далѣе въ особенности послѣ 30 лѣтъ, явленія наружнаго устарѣванія идутъ очень медленно и послѣдовательно, а измѣненія въ ея нравственномъ мѣрѣ становятся почти незамѣтными. Энергичная, всегда готовая поболтать и пошутиться, охотница до всевозможныхъ женскихъ сборницъ, бодрая и работающая въ 40, въ 45 лѣтъ она остается такою же почти до самой смерти, лѣтъ до 55, до 60, если только ея не разслабитъ какая нибудь случайная, тяжелая болѣзнь.

Примѣры достиженія 70—80 лѣтняго возраста, далеко не рѣдкіе между мужчинами, въ отношеніи женщинъ являются лишь какъ исключенія. (Изъ книгъ Ахтамъ намаганскаго уѣзда мы знали старуху 90 лѣтъ; мужу ея было за 100. Она продолжала еще прать, а онъ ткалъ *мату*. Разумѣется, къ работамъ этимъ оба относились лишь какъ къ развлеченію).

Фаталисты вообще, по достиженіи преклоннаго возраста и мужчина, и женщина одинаково съ замѣчательнымъ спокойствіемъ встрѣчаютъ смерть, вѣруя въ то, что *аджаль*, часъ смерти, предвѣчно предопредѣленъ для каждаго человѣка въ книгѣ судебъ, и что никакія силы не могутъ отдалить этого срока даже и на мгновеніе. Разъ намъ пришлось присутствовать при смерти одного, не стараго еще *мулла*. Онъ умиралъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему наканунѣ ночью разбойниками, не потерявъ почти до конца жизни сознанія. Съ замѣчательнымъ спокойствіемъ, не обращая болѣе никакого вниманія на окружающихъ его, тихимъ, замѣтно слабѣющимъ голосомъ онъ самъ читалъ себѣ отходную.

Какъ только наступитъ смерть, окружающіе покойника или покойницу немедленно же приступаютъ къ оплакиванію.

На воли и причитанія начинаютъ понемногу сходитьсь сосѣди; знакомымъ и родственникамъ даютъ знать о томъ, что такой то или такая-то *„хала милди“* — совершила предопредѣленное ей. (Услышавъ такое извѣстіе говорятъ: *„Худай рилмйтъ буасунъ“* — Богъ да будетъ (къ нему или къ ней) милостивъ).

Одновременно съ этимъ покойнику или покойницѣ подвязываютъ косышкою нижнюю челюсть, дабы ротъ не остался открытымъ, закрываютъ вѣки, вытягиваютъ руки вдоль боковъ и покрываютъ трупъ кускомъ какой либо матеріи.

Тѣмъ временемъ собираются родственники и знакомые; приходятъ *юуци*, омывальщики или омывальщицы труповъ. Женщины проходятъ во внутренній дворъ, а мужчины собираются въ *мизминжань*. И тутъ, и тамъ идетъ оплакиваніе. Мужчину оплакиваютъ и женщины: женщину же и лишь ближайшіе родственники: мужъ, сыновья, братья.

Мужа и жену оплакиваютъ словами: „*гюлюмъ-ди!*“ (о, мой цѣлѣбокъ!) или „*ашукумъ ой!*“ (о, моя любовь!) Возгласы эти (и подобныя имъ) выкрикиваются на распѣвъ, подражая плачу, а въ промежуткахъ между ними воютъ и стонутъ безъ словъ.

Въ зажиточныхъ семьяхъ всѣмъ собравшимся на похороны раздають кусочки коленикора или другой бумажной матеріи съ завернутыми въ нихъ мелкими монетами.

Омовеніе трупа производится по большей части однимъ только *юуци*, всегда въ отдельной комнатѣ. Такъ какъ прикосновеніе къ покойнику считается оскверняющимъ человѣка, то *юуци* надѣваютъ на руки матерчатые мѣшки, замѣняющіе собой рукавицы. Омывъ раздѣтый донага трупъ, на него надѣваютъ саванъ, приготовляемый изъ бѣлой бумажной матеріи и имѣющій видъ мѣшка, открытаго съ обоихъ концовъ. Надѣвъ саванъ на трупъ, открытые концы его завязываютъ надъ головой и у (подошвь) ногъ. Затѣмъ трупъ кладутъ на длинныя, похоронныя носилки, покрываютъ поспѣдніа простыней (иногда какими нибудь матеріями, халатами, *пиранджи* покойницы) и выносятъ на наружный дворъ. Здѣсь въ присутствіи всѣхъ собравшихся мужчинъ *имамъ* читаетъ *джиназу* (нѣчто родѣ нашей панихиды), по окончаніи которой всѣ присутствующіе произносятъ надъ покойникомъ послѣдній *саламъ* (*).

До кладбища носилки съ трупомъ или несутся людьми, или ставятся на арбу. Сопровождающіе, одни только муж-

(*) Хорошій старается въ день смерти или же наканунѣ сѣдующаго утра.

чны, имѣютъ въ правой рукѣ посохъ и синій платокъ. По дорогѣ на кладбище оплакиваніе совершается, сравнительно рѣдко, только въ случаяхъ смерти богатыхъ мужчинъ; обыкновенно же похоронная процессія двигается въ молчаніи.

Могила имѣетъ видъ большой и глубокой ямы, не менѣе человѣческаго роста въ глубину, вдоль западнаго края дна которой надвигается янина, идущая въ направленіи съ сѣвера на югъ. По прибытіи похоронной процессіи на кладбище, трунъ, покрытый простынею, спускается въ могилу, при чемъ простыню эту держатъ за края и углы падею отвѣртіемъ могилы все то время, пока могильщики не уложатъ покойника въ пину. Здѣсь трунъ укладывается на спину, головой къ сѣверу. Отвѣртіе яины закладывается кирпичами или камнями, а яма засыпается землей. Затѣмъ имѣмъ читаетъ молитву и всѣ расходятся по домамъ.

Женщины отираются на могилу на слѣдующій день рано утромъ и воютъ здѣсь также, какъ и на дому.

Юрты за свою работу получаютъ или деньги, или носильное платье покойницы. Если у послѣдней дочерей не было то мужъ продаетъ оставшіяся отъ нея вещи и дѣлаетъ на эти деньги поминки.

Тѣмъ изъ родственницъ, которыя плачутъ на покойницѣ, отдають *паранжи* или что нибудь и изъ ея стараго платья.

На третій день (*уртй*) родные и наиболѣе близкіе изъ знакомыхъ собираются на поминки. Кроме угощенія здѣсь происходитъ еще и специальное оплакиваніе покойника или покойницы женщинами. Для этого надвигаются траурные рубахи, подпоясываются снятыми кушаками и берутъ въ правую руку посохъ и синій платокъ.

По одной (повторенной или всѣ сразу онѣ становятся по срединѣ комнаты и, приплясывая, начинаютъ вѣть и причитать также, какъ и въ день похоронъ. ('). Зачастую во время исполненія обряда этой триады женщины входятъ въ такой экстазь, что начинаютъ царапать себѣ лицо, рвать волосы и пр.

Этотъ обрядъ, кажется, совсѣмъ не практикуется въ другихъ частяхъ средней Азіи.

Первые три дня лица въ домѣ покойника или покойницы, будь то хотя бы и ребенокъ, не готовятся, а доставляются сосѣдями и родственниками.

На шестой или на седьмой, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сороковой день снова собираются родственники и родственницы. Одна изъ женщинъ моетъ бѣлье семьи покойлаго или покойницы. Все собранное получаютъ угощеніе и по куску мыла, которое раздается имъ для мытья того ихъ бѣлья, въ которомъ они присутвовали на похоронахъ. Обычай этотъ называется *кыр* (грязь, грязное бѣлье).

Въ состоятельныхъ семьяхъ въ теченіи сорока дней горитъ починка на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ или гдѣ было обмытъ покойникъ.

Послѣдующіе поминки дѣлаются на сороковой день и въ годовщину смерти усопшаго.

ПРОСТИТУЦІЯ.

Читателю извѣстно уже, что во времена ханскаго владычества мусульманское правительство и его агенты, однимъ изъ которыхъ на частую являлось само общество, преслѣдовали казнями не только проституцію, но даже и простое, такъ называемое, прелюбоудѣяніе; тѣмъ не менѣе то и другое практиковалось отнюдь не рѣдко, такъ какъ уличить мужчину или женщину въ данное преступленіе представлялось не всегда удобнымъ и даже возможнымъ (1), а въ мотивахъ толкавшихъ женщину на путь проституціи или незаконной связи съ мужчиною, прежде, также какъ и теперь, недостатка не было. Большинство мужчинъ всегда было склонно къ разнообразію своихъ впечатлѣній въ сферѣ целовой жизни, женщины, большія охотницы до любовныхъ похажденій и всяческихъ уладъ этого норадка, никогда не были прочь даже отъ самыхъ мелкихъ подарковъ, такъ какъ у большинства ихъ личныя матеріальныя средства, находившіяся и находящіяся въ полной почти зависности отъ му-

(1) См. Коранъ. Глава 4. ст. 19 и Глава 24. ст. 4—9.

жей, никогда не были въ положеніи настолько хорошемъ, чтобы ими могли удовлетворяться потребности и прихоти женскаго кокетства; молодыя жены тѣхъ лицъ, у которыхъ супругъ было по нѣскольку, также какъ и теперь за частую оставались слишкомъ мало удовлетворенными, а бѣдность, встрѣчавшаяся отнюдь не рѣже теперешняго, заставляла женщину пробовать всё имѣвшееся въ ея рукахъ средства для борьбы съ нищетой. Такимъ образомъ вся разница между прошлымъ и настоящимъ состоитъ въ томъ, что прежде страхъ казни заставлялъ женщину и мужчину быть крайне осторожными, почему и самая проституція имѣла исключительнотайной характеръ, тогда какъ теперь она практикуется въ обоихъ своихъ видахъ. Были, впрочемъ, и прежде такіе историческіе моменты, когда тайная проституція, поощряемая эндивурейцами ханами, разрасталась, по крайней мѣрѣ въ самомъ Кокандѣ, до степени грядозности, какъ напр. во время царствованія Мадали-хана. (См. Краткую исторію Кокандскаго ханства. В. Наливкинъ. Изданіе 1886 г.).

Теперь предаваясь воспоминаніямъ далекаго еще прошлаго, сарты старательно увѣряютъ насъ, что до прихода русскихъ благодаря-де строгости и бдительности ханскаго правительства не только не существовало проституціи, но даже и случаи незаконныхъ связей являлись будто бы чрезвычайно рѣдкими исключеніями. Вѣрить этимъ рассказамъ нѣтъ ни какой возможности, такъ какъ и туземныя сочиненія по части исторіи Кокандскаго ханства и исторіи первыхъ же дней нашего существованія здѣсь говорятъ намъ совсѣмъ иное. Приведемъ нѣсколько фактовъ. Какъ только осенью 1875 года были заняты правый берегъ Сыръ-Дарьи (пыщанскіе Чустскій и Наманганскій уѣзды) проститутки, по большей части жены, доставлялись своими мужьями въ пагубный отрядъ, расположенный въ г. Наманганѣ въ очень большомъ сравнительно количествѣ и безъ особеннаго труда. Въ началѣ слѣдующаго 1876 года мы знали уже русскихъ, обзаведшихся сартапками, при чемъ послѣднія, въ большинствѣ случаевъ, были довольны своимъ положеніемъ, такъ какъ новая ихъ матеріальная обстановка была неизмѣримо лучше и относительная свобода неизмѣримо больше прежнихъ. Въ это же самое время много изъ туземныхъ женщинъ стала обращаться къ нашей русской администраціи съ

просьбой развести ихъ съ мужьями, такъ какъ они желаютъ поступить въ число живыхъ, открытыхъ проститутокъ. Все это несомнѣнно доказываетъ, что когтягентъ будущей открытой проституціи давно уже былъ готовъ и ждалъ лишь того времени, когда гласно и на законномъ основаніи могъ бы заявить о своемъ существованіи.

Когда въ 1875 году въ Наманганѣ была учреждена русская администрація, одинъ изъ членовъ ея обратился къ пожилому уже туземцу, принадлежавшему къ числу прежней ханской администраціи, съ вопросомъ о томъ, насколько была развита здѣсь проституція при ханахъ и много ли въ Наманганѣ тайныхъ проститутокъ. сартъ отвѣчалъ, что, если сказать правду, то въ Наманганѣ слѣдуетъ назвать проститутками всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, начиная съ 12-ти и кончая 60 лѣтнимъ возрастомъ. Онъ, разумѣется, перехватилъ немножко, но былъ очень близокъ къ истинѣ. Впоследствии, дѣйствительно, пришлось убѣдиться въ томъ что лишь рѣдкую женщину можно склонить къ временной любви за соответствующее вознагражденіе, что рѣдкая женщина отказывается отъ гонорара въ 3—5 рублей и что въ туземной жизни размѣры этого рода платъ нисходятъ иногда до баснословно ничтожныхъ нормъ, при чемъ съ русскихъ взимается обыкновенно въ 5—10 разъ больше чѣмъ съ сартовъ.

Последнее замѣчается, впрочемъ, не въ одной только сферѣ проституціи. Если сартъ продаетъ лошадь за 20 рублей, то русскому ту же лошадь онъ продаетъ не дешевле 30; русскіе всегда и за все платятъ гораздо дороже туземцевъ и инноваты въ этомъ, конечно, сами же. Запимая новую провинцію, получая въ военное время усиленные оклады, мы даемъ полный просторъ и безъ того широкимъ русскимъ натурамъ, швыряемъ деньгами направо и налево и хвастаемся другъ передъ другомъ тѣмъ кто больше расшвыряетъ въ данный промежутокъ времени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Ташкентѣ другиненные и пятиалтынные платились нами уличному мальчишкѣ за то, что онъ держалъ у крыльца верховую лошадь въ теченіи 15—20 минутъ. Подобное швырянье денегъ здѣсь, гдѣ они рѣдки, а капиталъ вообще дорогъ, не могло, конечно, пройти безслѣдно. Такая размахистость русской натуры сначала поразила сартовъ, а затѣмъ заста-

вила ихъ прийти къ тому заключенію что каждый русскій Крезъ, а если онъ Крезъ, то изъять съ него нѣсколько лиш-нихъ рублей ему, бѣдному въ сравненіи съ Крезомъ сарту, не грѣхъ. Эти отношенія вошли въ привычку и прядь ли скоро замѣнятся чѣмъ либо другимъ, не смотря даже и на то, что чѣмъ дальше, тѣмъ сартамъ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ широкомъ знакомствѣ многихъ изъ воображаемыхъ Крезовъ не только съ теоріей, но даже и съ практикой запутавшихъ долговыхъ обязательствъ и другихъ не менѣе сложныхъ финансовыхъ операцій.

И такъ въ настоящее время здѣсь существуетъ два вида проституціи: открытая или явная, и тайная.

Первые публичные дома появились въ городахъ иномъ запятой тогда Ферганской Области немедленно же послѣдъ за ея занятіемъ. Однимъ изъ первыхъ дѣлій первой же мѣст-ной проститутки было то, что она немедленно же стала ходить по улицамъ съ открытымъ лицомъ. Это было чѣмъ-то среднимъ между плевкомъ брошеннымъ ею въ старое, давни-шее ея вчера только общество, и своеобразной марсельезой, пѣтой ею на развалинахъ того режима, который такъ не-давно еще грозилъ ей побиваніемъ камнями. Это было своеобразное ликоваіе свободы, своеобразный привѣтъ тѣмъ, кто заранѣе простилъ ей, далъ ей право гражданственности и избавилъ отъ вѣчнаго страха за свою жизнь.

Тѣмъ не менѣе по старой привычкѣ открытое лицо сартянки, одѣтой по прежнему въ ея національный костюмъ, отнюдь не гармонировало съ окружающей туземной же обстановкой. не только въ глазахъ сартовъ, но даже и въ глазахъ тѣхъ русскихъ, которые прожили въ Туркестанѣ долго и при-ныкли видѣть сартянку на улицѣ съ закрытымъ лицомъ. Новит-во, какъ все это должно было шокировать сартовъ. Здѣсь сарт-янка съ открытымъ лицомъ равносильна женщинѣ, гуляющей по европейскому городу въ одной сорочкѣ. На ту бѣду въ од-номъ изъ уѣздныхъ городовъ временно, за недостаткомъ помѣ-щенія, пріемный покой, въ которомъ лечились, между прочимъ и заболѣвавшіе проститутки, помѣщался при уѣздномъ ул-равленіи. Между сартами сталъ было распространяться слухъ о томъ, что по русскимъ законамъ при каждомъ присут-ственномъ мѣстѣ полагается публичный домъ, пансіонерки

котораго содержатся будто бы на казенный счетъ. Вместе съ тѣмъ число проститутокъ, а слѣдовательно и число женщинъ, ходящихъ по улицамъ съ открытыми лицами постепенно возросло. Благочестивые мусульмане не только были возмущены всѣмъ этимъ, но даже и начали уже поговаривать о не сомнѣнномъ наступленіи послѣднихъ временъ. На первыхъ порахъ туземное общественное мнѣніе настолько возстало противъ открытой проституціи, что администраціи нѣсколько разъ подавались прошенія объ отводѣ подъ публичные дома мѣстъ гдѣ-нибудь за городомъ, возможно подалше отъ послѣдняго и въ окрестностяхъ его наименѣе обитаемыхъ (1).

Однако же продолжалось это сравнительно не долго. Авторизъ мало по малу улегся; къ открытымъ лицамъ присмотрѣлись; посѣтителей нашлось не мало таки и въ средѣ самихъ туземцевъ, а въ заключеніе многіе пашли, что содержаніе публичнаго дома дѣло хотя и безпокойное но очень небезвыгодное. Недавно въ одномъ изъ здѣшнихъ городовъ новый домъ терпимости былъ открытъ даже и духовнымъ лицомъ; открылъ его одинъ *кари*, занимавшійся передъ тѣмъ заучиваніемъ и чтеніемъ Корана наизусть.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ домовъ, проститутки рекрутировались самыми различными способами. Главнымъ образомъ это были женщины, или разведенныя съ мужьями, или просто сбѣжавшія отъ послѣднихъ.

Ветуная въ разрядъ публичныхъ, она всегда почти поступала на содержаніе къ учредителямъ домовъ терпимости, сартамъ и значительно рѣже по двѣ по три составляли общестіи. Очень не рѣдко были случаи такого рода. Жена, неимѣющая почему либо возможности развестись съ мужемъ законнымъ порядкомъ, или дѣвушка, зависящая отъ родителей, убѣгаетъ изъ дому, является къ содержателю публичнаго дома и проситъ принять её сюда въ качествѣ проститутки. Её, конечно, принимаютъ съ большою охотой, всесторонне ухаживаютъ за ней и снабжаютъ къ долгу болѣе или менѣе

(1) Просьбы эти всегда исполнялись нашей администраціей при первой же возможности.

варянымъ платьемъ съ обязательствомъ уплатить сдѣланные расходы потому, изъ предстолцихъ заработковъ. На первое время и новая, до той поры неизвѣстная свобода, и неселее преспровождение времени правятся на столько, что является даже опасеніе, какъ бы мужъ или отецъ, напавъ на слѣды, не увелъ бы домой. Тогда еѣ уиѣряють, что избѣгнуть послѣдняго очень легко, стоитъ только выдать содержателю дома долговой документъ на такую сумму, которую ни она сама, ни ея родственники не были бы въ состояніи заплатить. Документъ выдается, и проститутка попадаетъ въ кабалу.

Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ чести русскихъ кабала эта была больше воображаемой, ибо за документами вродѣ вышеописаннаго никакой силы обыкновенно не признавалось и каждая подобная проститутка всегда легко получала освобожденіе чрезъ посредство русской администраціи.

Оттого въ настоящее время способъ рекрутирования публичныхъ домовъ какъ женщинами, такъ и двушками въ сравненіи съ прежнимъ нѣсколько измѣнился и до нѣкоторой степени можетъ считаться установившимся. Содержатели публичныхъ домовъ почти исключительно мужчины — сарты, а имѣющіеся въ содержимыхъ ими домахъ суть законныя ихъ жены, почему въ каждомъ отдельномъ домѣ имѣются обыкновенно не болѣе 4-хъ проститутокъ (по числу законныхъ жевъ). Желая открыть заведеніе, сартъ беретъ на законномъ основаніи три—четыре жены и открываетъ торговлю ими.

Обыкновенно въ такой бракъ вступаютъ разведенныя съ мужьями женщины, гораздо рѣже двушки. Последнее объясняется тѣмъ, что большинство родителей перѣнаются отдавать сюда дочерей съ своего согласія, боясь преслѣдованія со стороны общественнаго мнѣнія; что же касается до разведенныхъ или вдовъ, то, какъ мы уже это видѣли выше, онѣ располагають собою по своему личному усмотрѣнію, при чемъ дальнѣйшее поведеніе ихъ, послѣ выдачи родителями въ первое замужество, не ставится обществомъ въ укоръ послѣднимъ.

Въ первое время существованія здѣсь публичныхъ домовъ главнѣйшими посятителями были солдаты, казаки и

другіе низшіе, такъ сказать, слои мѣстнаго русскаго общества. Со временемъ очень много нашлось охотниковъ и изъсартовъ; за послѣдніе годы толпы послѣднихъ окружаютъ дома терпимости въ теченіи всѣхъ дней праздниковъ Рамазана и Курбана, когда здѣшніе публичныя дома обращаются въ очень людныя клубы сартовской черни, а на сайляхъ⁽¹⁾ послѣднихъ лѣтъ всегда присутствуетъ нѣсколько десятковъ проститутокъ, являющихся теперь уже одной изъ непремѣняныхъ принадлежностей этихъ народныхъ гульбищъ.

Въ настоящее время, когда практика открытой проституціи въ Ферганѣ имѣетъ за собой сравнительно небольшой промежутокъ времени, трудно сказать что-нибудь вѣрное о дальнѣйшей судьбѣ тѣхъ проститутокъ, которыя отказываются отъ этой профессіи по тѣмъ или другимъ причинамъ. Мы знаемъ, правда, нѣсколько случаевъ, когда молодая жепщина, паскучивъ этимъ образомъ жизни и оставляя развѣ навсегда дома терпимости, въ самомъ непродолжительномъ времени находила себѣ мужей, но къ этимъ примѣрамъ по всей вѣроятности, слѣдуетъ относиться лишь какъ къ счастливымъ случайностямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дальнѣйшею судьбою большинства. Можно думать, что со временемъ, участь открытыхъ проститутокъ здѣсь будетъ въ общихъ чертахъ такая же, какъ и въ Европѣ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ сказаннаго мы считаемъ то обстоятельство, что по мнѣнію сартовъ жепщина, долго занимавшаяся открытой проституціей, становится совершенно не способною къ дѣторожденію, а вмѣстѣ съ тѣмъ читателю извѣстно уже, какъ большинство туземцевъ относятся къ безплоднѣ жепщины.

Въ совершенно иныхъ условіяхъ стоятъ проститутки тайныя. Прежде всего замѣтимъ, что имя имъ—легіонъ, и что особенности ихъ положенія прежде всего зависятъ отъ соблюденія общечеловѣческаго правила гласящаго: все возможно до тѣхъ поръ, пока оно дѣлается или на законномъ основаніи или, что главнѣе всего, съ соблюденіемъ условныхъ приличій даннаго общества. (Кажется мы не ошиблись, сказавъ, что это правило общечеловѣческое).

(1) Весеннія загородныя гулянья.

Открытыхъ проститутокъ называютъ — *джиланъ* (проститутка); тайныхъ — *хунйя* (тайная) безъ прибавленія слова *джиланъ*; такимъ образомъ *хунйя* какъ бы не признается за проститутку.

Какъ между открытыми, такъ равно и между тайными проститутками число дѣвушекъ сравнительно очень не велико. Въ отношеніи тайныхъ проститутокъ объясняется это между прочимъ и тѣмъ, что дѣвушка выходитъ замужъ очень рано, а потому въ число проститутокъ въ большинствѣ случаевъ успѣваетъ попасть лишь послѣ ея замужства.

Число тайныхъ проститутокъ дѣвушекъ начинаетъ замѣтно возрастать лишь за послѣднее время, когда случаи продажи невинности стали повторяться все чаще и чаще.

Мы знали между прочимъ нѣсколько примѣровъ продажи невинности и при такихъ условіяхъ. Дѣвушку выдаютъ замужъ за старика; черезъ 2—3 мѣсяца она разводится съ нимъ по причинѣ его импотенціи, послѣ чего родители или воспитавшіе ее родственники продаютъ ее невинность, а сама она поступаетъ въ разрядъ тайныхъ проститутокъ.

Размѣры проституціонной платы между сартами очень не велики; начинаясь отъ 10—15 коп. они, какъ кажется, никогда не превосходятъ 5 р. сер. Лишь наиболѣе шикарнымъ изъ тайныхъ проститутокъ удается получать отъ своихъ обожателей сколько-нибудь цѣнные подарки. Насколько сарты скарены вообще, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго факта. Осенью 1883 года въ Наманганъ прїѣзжала труппа гимнастовъ и танцовщицъ. Для сартовъ представленія давались въ одномъ изъ каравансараявъ; цѣна каждаго входнаго билета была назначена въ 15 к. Часто случались такіа сцены: у воротъ каравансарая стоитъ богатый кушчикъ сартъ и торгуется, предлагая за билетъ 8 $\frac{1}{2}$, 9, 9 $\frac{1}{2}$, коп.

За послѣдніе 3—4 года тайная проститутка произвела въ буквальный смыслъ этого слова, безкровную революцію въ средѣ значительной части мѣстнаго мусульманскаго населенія. Она совсѣмъ почти изгнала *батида*. Рѣдкая прїятельская мужская вечеринка обходится теперь безъ нея; она появляется здѣсь то въ качествѣ плесуньи, то просто въ роли дамы легкаго поведенія. На такихъ вечеринкахъ вы встрѣ-

чаете въ настоящее время представителей и туземной администраціи, и крупнаго туземнаго купечества, и иногда даже туземнаго духовенства. Она предписываетъ моды, заставляетъ богобоязненнаго сарта смотрѣть на ея пляску, слушать ея пѣсни и даже пить съ ней вино; одурачивъ своего поклонника—старичка изъ мѣстной буржуазіи, она выходитъ за него замужъ, втирается въ высшее туземное общество, вербуетъ тамъ новыхъ сподвижницъ, разводитъ съ мужемъ, обзаводится собственнымъ своимъ домкомъ и устраиваетъ здѣсь маленькій, но очень веселенькій мопплезирчикъ. Такимъ манеромъ она жуируетъ до тѣхъ поръ, пока благоразуміе не подскажетъ ей, что будетъ дескать, пора остановиться у тихаго пристанища, пора выйти опять за кого нибудь замужъ и принимать участіе въ служебн дѣлѣ свободной любви лишь въ качествѣ маклера.

Есть не мало и такихъ тайныхъ проститутокъ, которыя одновременно съ проституціей занимаются и сводничествомъ. „Если я сама вамъ не нравлюсь, то я могу познакомить васъ съ моей дочерью, съ моей младшей сестрой или съ моей племянницей“. Если много тайныхъ проститутокъ, то еще больше сводней, ибо кромѣ женщинъ, ремесломъ этимъ занимаются еще и мужчины; иногда это отцы, братья и даже мужья.

На первыхъ порахъ русская администрація пробовала было бороться съ развитіемъ тайной проституціи, привлекая всѣхъ замѣченныхъ ею женщинъ къ свидѣтельствуванію, но попытка эти оставались совершенно почти тщетными, такъ какъ услѣдить за легіономъ тайныхъ проститутокъ, благодаря особенностямъ туземной жизни, оказалось болѣе чѣмъ невозможнымъ.

Приглашаютъ васъ въ такому-то на базма, на вечеринку. Приѣзжаете. Въ мидмахамъ застаете 5—6 дамъ и нѣсколь-ко мужчинъ. Одна изъ присутствующихъ, вся въ шелку, въ браслетать, кораллахъ и другихъ украшеніяхъ, пляшетъ; остальные поютъ и бьютъ въ бубень. Спрашиваете, кто-такія. Это вотъ дочь такого-то купца; это жена такого то старшины, это бывшая жена такого-то волостнаго управителя и т. п.

иногда

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывается, что всѣ онѣ болѣе или менѣе доступны.

На прощанье съ читателемъ приведемъ сартовскую поговорку:

همہ آدم بر آدم — всѣ люди — люди.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
Краткій очеркъ Ферганской долины.	1.
Религія и духовенство.	39.
Жилище и утварь.	72.
Наружность женщины и ея одежда.	88.
Запятія и пища.	107.
Характеръ женщины, ея привычки, запятія и поведеніе въ отношеніи окружающихъ.	133.
Беременность и роды. Дѣвочка.	167.
Дѣвушка. Сватовство и бракъ.	192.
Многоженство. Разводъ. Вдовство и смерть женщины.	219.
Проституція.	235.